

О. Торчинский

я люблю тебя,
КАЛЬКУТТА!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
основана
в 1957 году О. Горчинский

я люблю тебя, КАЛЬКУТТА!

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1992

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

Л. Б. АЛАЕВ

Редактор издательства

О. М. ГАРМСЕН

Фото автора

На первой странице обложки: Богиня Дурга. Работа современной народной мастерицы. Аппликация

На четвертой странице обложки: Эспланада. Гравюра Ч. Дойли Барта. 1848 год

Торчинский О.

Т 61 Я люблю тебя, Калькутта! — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.— 235 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-017156-5

Советский журналист, несколько лет проработавший в Индии, рассказывает об одном из крупнейших ее городов.

В дневниковую форму его воспоминаний органично вписываются рассказы о политической жизни и о музеях, уличные зарисовки и экскурсии в индийскую историю. Интересны описания быта советской колонии в Калькутте, повседневной работы советских людей в Индии.

Т 1605030000-024
013(02)-92 КБ -16-10-91

ББК 63.3(5 Ид)

ISBN 5-02-017156-5

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1992

Мы,
каторжане города-лепрозория,
где збло́то и грязь изъязвили проказу,—
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!

Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю —
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!

Владимир Маяковский

Эта книга посвящается 300-летию Калькутты — самого большого, самого противоречивого и, возможно, самого интересного из всех городов Индии.

Об этом городе трудно писать. 300 лет по масштабам пятитысячелетней индийской истории — мгновение. Здесь нет древних памятников, история Калькутты не осенена романтической дымкой мифов и легенд, но зато в ней предостаточно мрачных и кровавых страниц. Этот город не любят туристы, он, говоря словами поэта, «для веселия мало оборудованный». Что, кроме ужаса и отвращения, могут увезти отсюда гости, увидев здесь за свои несколько коротких и суматошных дней в основном лишь «достопримечательности», создавшие Калькутте ее печальную славу: жуткие трущобы, грязь и нищету, превосходящие все европейские мерки, зловонные помойки с копошащимися в них голодными детьми, калек и юродивых?... Здесь нужно прожить не один месяц, съесть пуд здешнего едкого перца, хорошо провариться в горячем липком вареве, заменяющем в иные дни атмосферу, чтобы сквозь контрасты и безысходность разглядеть иные ипостаси многоликого и многорукого, как его древние боги, города. И тогда уже привязаться к нему на всю жизнь.

Вот почему я отказался от «академического» рассказа о городе Калькутте. Наверное, лучше всего о ней расскажут дневники, которые я вел день за днем, расскажут о том, как всякий, кто проживет здесь более полугода, становится из перепуганного и растерянного наблюдателя поклонником этого странного, ни на какой другой не похожего города. Я выбросил только сугубо личные моменты, но оставил некоторые приметы быта советских жителей Калькутты.

В декабре 1987 года — через 12 лет — я вновь увидел Калькутту.

Все эти годы я не забывал ее, она снилась мне — невнятная, тревожно неузнаваемая... Когда наша делегация летела в Индию на открытие Фестиваля СССР, я без конца рассказывал спутникам о Калькутте, предвкушал, как покажу им ее чудеса. Утром, после ночевки в шикарном отеле «Оберой», мы поехали смотреть достопримечательности.

И вдруг я обнаружил, что мне не о чем рассказать, нечего показать моим спутникам. Они с ужасом смотрели на человеческий муравейник, копошащийся в тесноте грязных улиц. Накануне прошел дождь — небывалое для декабря явление в этих краях, — и тротуары были покрыты липкой серой глиной. На обрывах джутовых мешков, а то и просто на асфальте сидели озябшие, голодные люди. И нищие здесь были другие — не нахально-веселые, как в Бомбее, не прижженно-робкие, как в Мадрасе, а хмурые, озлобленные; они дергали женщин за рукава, брапились, грозили вслед сытым иностранцам костлявыми кулаками... Посреди мусора и отбросов бездомные варили на костерках свою скудную еду. Кончилось тем, что члены делегации отправились в кондиционированный рай отеля, где по восьми каналам местного телевидения круглосуточно крутили американские фильмы, старые и новые (помню, что ночью, часа в 3—4, почему-то показывали «фильмы ужасов» — с вампирами, оживающими покойниками и прочей нечистью). А я, оставшись один, решил посетить места, когда-то знакомые, и разобраться — почему я был так влюблен в этот странный город.

...Я брел по длинной Чоуринги, считающейся здесь центральной улицей, и машинально отмечал перемены: нет больше знаменитого калькуттского трамвая, оставшегося еще от англичан; исчез старинный особняк, вместо него — бетонная колода банка; построенный при мне 12 лет назад новенький девятиэтажный дом облез и обрел типичный для Калькутты грязно-серый цвет. На краю огромного поля, носящего совершенно украинское название Майдан, возникла станция метро. Вот угол нашей маленькой Бишоп-Лефрой-роуд с большим магазином, который мы в шутку называли

«Елисейским». В бывшем здании советского торгпредства теперь какая-то чаеразвесочная контора. Через 50 шагов дом, где мы когда-то жили, — старый, облезлый, со скрипучими лестницами, по которым так тяжело было взбираться душными вечерами. Наши окна на третьем этаже наглухо закрыты зелеными ставнями. Нет уже у ворот старого привратника, в дворике тихо и пусто... Неблагодарное это дело — искать ушедшее время...

По давно знакомым улочкам выхожу на Парк-стрит, одну из наиболее фешенебельных улиц Калькутты. Она поблекла слегка, но держит еще марку: все так же ярки ее витрины, все та же нарядная толпа у прилавков кондитерской «Флури». Сворачиваю на мою некогда любимую Фри-Скул-стрит, где привлекали меня россыпи книжных лавок, магазинчики антиквариата и пластинок. Становится темно, зажигаются огни лавок и кафе, толпа все гуще. И вот я уже не чужой здесь, я — часть этой толпы, она втягивает меня, и снова возникают в памяти несколько сотен дней и вечеров, которые я провел в этом городе, и прежде всего тот знойный апрельский вечер 1974 года, когда наша семья впервые ступила на бетонное покрытие калькуттского аэропорта Дам-Дам.

1974

13 апреля 1974 года. Прилетели вчера из Дели около десяти вечера. Было уже темно, когда мы вышли из самолета в аэропорту Дам-Дам. Никогда не забуду первого ощущения: пытаюсь вдохнуть густой, банный воздух, а он застревает в груди, как нечто материальное, — ничего подобного в Дели я не испытывал. Мгновенно мы стали мокрыми с ног до головы, одежда противно липла к телу, многочисленные сумки оттягивали руки.

Затем была дорога от аэропорта (его название отразилось в печально известных разрывных пулях эпохи первой мировой войны — «дум-дум», их делал военный завод, размещенный в этой местности). Мы ехали сквозь духоту бенгальской ночи по бесконечным ущельям улиц, во тьме мерцали крохотные огоньки жаровен. Стоял едкий смрад тлеющих кизяков. Свет фар выхватывал нескончаемые ряды человеческих тел

на тротуарах. Вспомнился Киплинг: «Город страшной ночи».

Потом мы долго взбирались по скрипучим ступеням старого дома и в первую же ночь познакомились со злющими и кровожадными калькуттскими москитами. Старенький кондиционер гудел в углу, не давая прохлады, а к утру умолк совсем — отключили электричество. Это называется здесь «лоуд-шеддинг» («падение энергии»). Городу катастрофически не хватает энергии, и он экономит ее, планомерно отключая в течение дня район за районом. Страшно не хочется выползть в суету раскаленных улиц, но надо потихоньку устраиваться. Сегодня суббота — есть два дня на устройство быта.

Вечер. Первый раз прошелся по Бишоп-Лефрой-род — так называется наша улочка. Чем знаменит был епископ Лефрой, пока не знаю. Улица небольшая — метров 200 длиной — и выходит на главную улицу Калькутты, нескончаемую Чоуринги.

Мы — не новички в Индии, прожили уже полтора года в Дели, хорошо ладили с индийцами, не падали в обморок от некоторых непривычных обычаев и не боялись съесть острое кушанье с лотка уличного продавца. Нам нравился Нью-Дели — чистенький, утопающий в зелени садов, со своими изящными современными, в стиле Корбюзье, виллами, «город-сад», построенный известным английским архитектором Э. Лютенсом для власти имущих Британской Индии, когда они вынуждены были перенести столицу из бурлящей Калькутты в другой город. Старый Дели с его чисто восточной атмосферой был от нас далеко, туда ездили лишь на экскурсии. Но ни старый, ни новый Дели не были городом в европейском смысле, таким, как Москва, Ленинград, Прага, Лондон.

Так вот, я рад, что снова вижу Город — с большими домами, трамваями, автобусами; я по такому уже соскучился в полудачном Дели.

В угловом, выходящем на Чоуринги доме был большой магазин, из тех, что в Америке называют «драгстор» — «аптека», где есть все предметы первой необходимости, на наш взгляд не всегда совместимые: хлеб, масло, яйца, пиво, кока-кола, зубная паста, мыло, лекарства, детские игрушки, дорожное чтиво и т. д. Вместо надоевшего в Дели хлеба «Британия», по вкусу и консистенции напоминающего вату, здесь про-

даются круглые, совсем московские булочки — очень постная ветчина, которую режут в специальной машинке на тоненькие лепестки.

Пройдя сотню метров по Чоуринги, я не обнаружил ничего интересного: мастерская по ремонту велосипедов, пункт приема бутылок из-под кока-колы. Под стеной сидело семейство — мужчина, женщина, на циновке спали двое замурзанных детей. Глава семьи тут же устремился ко мне, повторяя «бабу́, бабу́» (господин — на бенгали)... Итак, первый бакшиш в Калькутте дан.

...Дома на нашей улице восьмизэтажные, типа «доходных», на фасадах — даты строительства: 1921, 1926; судя по внешнему виду, они с тех пор ни разу не ремонтировались. Облицовка облуплена, наружу торчит дранка. Подъезды темные, разят погребной сыростью, заходить туда не хочется.

Наш дом — 1927 года, трехэтажный. У ворот сидит на топчане худющий старик в рваной гимнастерке до колен, из-под которой выглядывают голые, обтянутые дубленой кожей ноги. Это «чоукидар» — сторож. Сколько раз ты проходишь мимо, столько раз он встанет и лихо прикладывает руку к воображаемой фуражке. В крохотном дворике маленькие клумбы с цветочками, какие-то сараюшки. Вдоль стены стоят горшки с цветами, а в углу двора висится лохматая и очень пыльная пальма.

15 апреля. Первый день работы. Наш офис — информационный отдел генконсульства СССР в Калькутте — расположен в старом, колониальных времен особняке на Вуд-стрит и носит романтическое название «Вилла Роз». Кабинет — крохотная комнатка, едва вмещающая железные стол и стул, кушетку, куда усаживаются посетители, и шкафчик для журналов и грапок. Моя обязанность — следить за изданием журнала «Совет Лэнд»*, т. е. обеспечивать график его выхода, контролировать доставку бумаги, заказывать и писать материалы о советско-индийских новостях в Западной Бенгалии, главным образом в Калькутте, а также в смежных штатах — Ориссе и Ассаме и час-

* Журнал «Совет Лэнд» («Страна Советов») издается с 1947 года в Индии посольством СССР, с 1961 года — на материалах АПН. В те годы печатался ежемесячно в Дели, Калькутте, Мадрасе и Бомбее тиражом 600 тысяч экземпляров на английском и на 12 индийских языках. В Калькутте готовились к печати издания на бенгали, ория и ассам.

тично в Бихаре. Радует, что могу писать сам, а следовательно, ездить и смотреть.

Едва успел познакомиться с коллективом, как потребовалось ехать на бумажный склад, который недавно залило водой. Склад — в отдаленном районе; вместе с ответственным за бумагу, м-ром Бисвасом мы ехали почти час. Был пик жары — полдень, но в офисе было бы не слаще — электричество отключено с утра.

Улицы были бесконечны, и чем дальше мы отъезжали от центра, тем больше раскрывался огромный город во всем своем величии и безобразии. Я смотрел во все глаза, ведь это была моя первая поездка по Калькутте.

Вот ты такая, Калькутта! Длинные, неуютные, какие-то обглоданные улицы, выщербленные мостовые, узкие тротуары. То и дело объезжаем помойки, возникающие прямо посередине проезжей части; тут же сидят люди, бродят коровы и собаки, одуревшие от жары. У края тротуара лежит прямо на солнцепеке человек, совершенно голый, то ли умер, то ли без сознания. Черные от солнца и голода старухи, лица — точь-в-точь как у египетской мумии, выставленной в московском Музее изобразительных искусств, тряся ссохшимися, как тряпки, грудями, что-то выискивают в помойках, режут найденные ошметки овощей и лепешек прямо на асфальте и варят в закопченных консервных банках. Проехали район трущоб — ряды хижин из прутьев, покрытых кусками гнилого джута, старыми газетами, листами жести — как дурной, кошмарный сон. Говорят, так живут в Калькутте около двух с половиной миллионов.

Склад оказался небольшой построечкой почти на самом берегу мутно-коричневой реки Хугли. Бумага более или менее в порядке, если не считать, что влажность и белые муравьи (термиты) сжирают ее с повышенной скоростью и часть ее обречена заранее. Все, что мы смогли, — заставили отодвинуть кипы от осклизлых стен.

17 апреля. Днем телефонный звонок: в Калькуттском университете читает лекцию советский индолог Э. Н. Комаров, просят прислать корреспондента. Решил поехать тоже.

Университет находится в северной части города на узкой и длинной Колледж-стрит, сплошь состоящей

из книжных лавок и развалов. Присев на корточки, студенты самозабвенно роются в горах потрепанных книг — английских и бенгальских, — разложенных на газетах и мешках. Стоит эта бумажная труха дешево, что необыкновенно важно для студентов.

Здания университета построены в разное время; самое позднее — многоэтажная коробка из стекла и бетона, высящаяся посреди двора, — совсем недавно, в конце 60-х годов. Когда-то здесь было старинное здание, в котором университет размещался с 1873 по 1961 год (создан в 1857-м). Остались лишь фотографии: шестиколонный ионический портик, бюсты величавых отцов-просветителей — сэра Таракнатха Палита, сэра Рашбехари Гхоша, создателей кафедр физики, химии и прикладной математики, сэра Асутоша Мукерджи, основоположника изучения древней истории страны, основателя университетского музея народного творчества.

Нас повели в здание библиотеки, где должна была начаться лекция, — вполне почтенного возраста, классической архитектуры дом (1926 — было указано на фасаде). Перед началом провели по полутемным залам со скрипучим паркетом. С потемневших от времени портретов в позолоченных когда-то рамах на нас строго взирали все те же отцы-учредители, индийцы и англичане, вдохновенные, усатые, в мантиях. От постоянного действия влаги портреты сильно покособились, краски осыпались. Страшно думать — а как обстоит дело с книгами? Их здесь много — на санскрите и бенгали, на английском, персидском, русском. Здесь хранится большая коллекция старинных рукописей — бенгальских и тибетских, но увидеть их не пришлось: ключа от шкафов, конечно, не нашли.

Как нам объяснили, университет состоит из множества колледжей и институтов, почти автономных, раскиданных по всему городу и даже за его пределами. На всю страну известен колледж науки и технологии с отделениями физики, химии, прикладной математики, психологии. Недавно организованы новые институты — ядерной физики, радиофизики, электроники. Из гуманитарных славится Санскритский колледж, основанный еще в 1874 году. Сейчас здесь изучают и философию — древнюю индийскую и современную европейскую, историю, языки.

На лекции о национальных отношениях в СССР

было человек семьдесят, в основном преподавательский состав, слушали внимательно, но вопросов не задавали.

Когда ехали обратно, подивился многолюдью города, необычному даже для Индии, — какое-то людское половодье! В справочниках указывается 8 или 9 миллионов жителей, а с пригородами (Большая Калькутта) — около 12.

20 апреля. Сегодня неделя, как мы в Калькутте.

Итак, мы живем на третьем, верхнем этаже, куда ведет разошедшаяся деревянная лестница. По внутреннему фасаду дома идут галереи-лоджии, куда выходят все двери. В нашем распоряжении одна из крайних квартир с примыкающим отрезком лоджии, отделенном фанерной стеночкой с дверью, которую при желании можно выбить несильным ударом кулака. Квартира состоит из большой, метров 20—25, комнаты и примыкающей к ней совсем маленькой, метров 5, комнаты. Рядом санузел, совмещенный. Поскольку этаж последний, вода поступает к нам из водяного бака, находящегося на крыше прямо над нами. Бак за день раскаляется на солнце, и с утра до темноты из крана да и, пардон, в унитазах течет только крутой кипяток.

В комнатах по-восточному темно: окно есть лишь в маленькой комнате, но оно закрыто ставней, большая комната освещается через дверь. Предполагается, что темнота дает благословенную прохладу, но это не так. Стоит кондиционеру отключиться, и через пять минут воцаряется влажная духота.

Потолки высокие, метров, наверное, восемь, не меньше. Они тонут во тьме, и лучше не приглядываться. Там, среди черных, закопченных балок, живут поколения всяких тварей, помнящих, мне кажется, еще времена Империи, — москиты, тараканы и неизвестно кто еще. Стены каменные, толстые, выкрашенные когда-то масляной краской. Милосердная темнота скрывает их сегодняшнее состояние, и, надеюсь, у нас и впредь не будет времени их рассматривать. Каменный пол всегда теплый, отшлифованный ступнями предыдущих жильцов.

Мне очень нравится доставшаяся нам в наследство мебель — старая, в стиле «модерн» начала века: пара шкафчиков черного полированного дерева и зеркало с накладными украшениями в виде вьющихся растений, ни одной прямой линии — сплошные переливы

овалов и кривых. Все это, конечно, лишь жалкие остатки былого великолепия, но я не устаю любоваться ими. Особенно приятно старое дерево внутри шкафчиков — некрашеное, глубоко розового оттенка, издающее удивительно приятный запах, не исчезнувший до сих пор, — им проникаются все вещи, которые положишь туда.

В конце галереи есть еще кухонька, где возле старой газовой плитки, работающей от баллона, может с трудом встать лишь один человек. Крутая лестница ведет на крышу, к водяному баку. Оттуда открывается вид на соседние крыши, а вдалеке видны очертания готического собора и какого-то огромного, белоснежного здания с куполом. На кухне можно разогревать по вечерам чай, а питаемся мы в советском торгпредстве, расположенном в соседнем доме, по сути дела — в другом крыле того же здания.

Квартира наша, наверное, когда-то считалась, да и сегодня считается совсем неплохой, и ее прежние жильцы, надо думать, умели ею распорядиться. Поднимаясь к себе наверх, я видел сквозь распахнутые двери, как живут наши соседи на втором этаже. Вдоль галереи стоят вазоны, вдоль перил выются какие-то декоративные растения. На топчанах и на полу сидят женщины, что-то толкут в ступках, хихикают. В гамаке-качелях, подвешенном к потолку, сидит глава семейства. Все очень обжито, домовито.

На одном с нами этаже, в другом конце галереи, живет знаменитый кинорежиссер, основатель «бенгальской школы» индийского кино Сатьяджит Рей. Я несколько раз встречал маэстро на лестнице, и мы по-соседски раскланивались.

22 апреля. День рождения В. И. Ленина. С утра митинг у памятника в небольшом сквере на пересечении Чоуринги и улицы Ленина — Ленин-сарани (бывшая Дхарамтала-стрит). Ее называли так в 1970 году, в честь столетия со дня рождения Ленина, по инициативе Левого фронта, стоявшего тогда у власти в Западной Бенгалии. Тогда же был поставлен бронзовый памятник (скульптор — Н. Томский). Статуя отлита в СССР. Она стоит на пьедестале из красного песчаника, традиционного для индийской архитектуры и скульптуры материала.

Сквер окружен невысокой оградой, на калитке замок. Никто сквера не охраняет, но мне рассказа-

ли, что коммунисты следят за памятником, тем более что их штаб-квартира размещается неподалеку, и пригрозили свернуть шею всякому, кто на него поднимет руку. Предупреждение действует — попыток не было, хотя всякого хулиганского, отчаянного и просто фашистского элемента в городе предостаточно.

Сегодня калитка открыта. К 10 часам утра, пока жара и влажность были в пределах терпимого, к памятнику стали стягиваться представители коммунистических ячеек разных районов. Картина очень красивая — все в белых национальных одеждах, с красными флагами. Возлагались цветы и венки, произносились речи — нашим генконсулом А. К. Ежовым, членами Национального совета КПИ. Потом пели на бенгали революционные песни, одну — на мотив «По долинам и по взгорьям».

А дальше началось непонятное. Ушли делегаты, уплыли знамена, наступила недолгая тишина. Мы не уходили. И нас пригласили... на митинг. И снова были знамена, речи, песни — почти те же. Только проводила митинг другая компартия — КП(м) — «марксистская», или, как ее называют у нас, «параллельная». Когда-то она очень резко выступала против КПСС, сейчас отношения потихоньку налаживаются, но между двумя индийскими компартиями натянутость все еще существует. Разногласий много — и вопросы тактики, и отношение к правительству Индиры Ганди, и Китай... На деле это приводит к распылению левых сил и к таким грустно-смешным эпизодам, как сегодняшние два митинга.

23 апреля. Вечером совершил небольшую прогулку по Чоуриинги в южную сторону. Если идти на север, попадешь в центральную часть города, а южную часть называют «грязной стороной», ибо здесь нет ничего, кроме утлых домишек. Говорят, что чуть подальше есть хороший овощной рынок и большие улицы, но я туда не добрался. А пока, через десять минут прогулки, увидел довольно ободранный дом с вывеской «Музей всемирного спиритуализма». Музеи — моя слабость, не мог не зайти.

Это оказалась штаб-квартира религиозного общества «Всемирный спиритуализм»: такого рода организаций в любом городе Индии — пруд пруди. На стендах своего рода «пособия» для проповедей или «личного пользования» посетителей. Это схемы, диаграммы, фо-

тографии, а также довольно примитивные рисунки, страшно напоминающие наши сатирические витрины «Крокодил идет по городу», клеймящие прогульщиков и алкоголиков. Здесь, собственно говоря, клеймится то же: пьянство, невоздержанность в еде, богохульство и т. д. В небольших, подсвеченных витринках с помощью дешевых пластмассовых кукол, одетых в национальную одежду, так сказать, в лицах «разыгрываются» различные человеческие грехи: убийство, жадность, зависть, прелюбодеяние... В специальных рамочках — постулаты ненасилия, смиренномудрия и т. д. Чрезвычайно разветвленные схемы из кружочков, квадратиков, треугольников иллюстрируют пути и степени самосовершенствования. Тут же подошел человек и предложил мне разъяснить экспозицию, но я отказался. Впрочем, пришлось ради приличия взять за рупию тощую брошюру.

Эта неделя очень тяжела — город не обеспечивается электроэнергией даже наполовину, свет дают всего на 5—6 часов в день. В городе толпа поколотила каких-то чинов, ответственных за энергоснабжение. Газеты предсказывают «жаркое» (во всех смыслах) лето.

24 апреля. Вчера во время заседания Ассамблеи штата отключился свет и государственные мужи 45 минут сидели в потемках и без кондиционеров. Так им и надо! Света не было даже в больницах. По Чоуринги прошла громадная демонстрация с красными флагами.

25 апреля. Ездили с нашим хозяйственником, хитрым, пронырливым и напористым м-ром Самадждаром по различным конторам. Я впервые был в недрах здешних бюрократических учреждений. Лифты не работали («лоуд-шеддинг, сэр!»), по этажам пришлось лазить пешком. На заплеванных красными брызгами бетеля площадках толпились взмыленные, злые посетители. В крохотных клетушках, перегороженных фанерой, с замершими под потолками фенами, сидели, задыхаясь от духоты, такие же злые чиновники. Поражало обилие бумаг; связанные бечевками и густо покрытые окаменевшей черной пылью, они высились стопками на шкафах, в углах комнат, под столами. Вряд ли кто-нибудь заглядывал в них хоть раз; казалось, что они лежат здесь еще со времен колониальной администрации...

Освободились мы часов в пять. Я был поражен великолепием деловых кварталов Калькутты, особенно Брэборн-роуд, где сосредоточены крупнейшие банки, чистой, респектабельной, с множеством деревьев, асфальтом, красивыми, добротными домами начала века.

Энергетический кризис продолжается. Без света сидят уже главный министр штата, Верховный суд. Дело обсуждается в самых высоких сферах.

26 апреля. Достаточно выйти из калитки нашего офиса и завернуть за угол, как окажешься на Парк-стрит, самой фешенебельной улице города.

На отрезке чуть меньше километра расположены самые шикарные рестораны — «Парк-отель», «Золотой дракон» (китайский), «Мулен-руж», «Голубая лилица»; роскошная кондитерская «Флури» с европейскими сладостями — шоколадными бомбами в хрустальных вазах, пирожными и многоэтажными тортами, которые можно заказать, выбрав образец по пухлому альбому с цветными фотографиями — здесь и замки, и корабли, и лужайки с птицами, и даже домик колдуньи из сказки братьев Гримм, который съели Гансель и Гретель. А рядом роскошные парикмахерские, магазины тканей, белья, детский магазин «Парагон» с россыпью игрушек и книг, книжные магазины «Оксфорд» и «Кембридж» и т. д. Все великолепно оформлено, кондиционировано, приказчики вышколены — Европа, да и только. Вместо асфальта тротуары выложены здесь (видимо, еще в конце прошлого века) большими каменными плитами, пожелтевшими от времени и отполированными миллионами ног, босых и обутых. Между плитами пробивается трогательная травка. Нагретые за день, они жгут ноги даже сквозь подметки.

Наша Вуд-стрит делит Парк-стрит на две части. Одну, идущую на восток, я пока плохо знаю, известно мне только, что там находится самое старое в Калькутте английское кладбище. А другая, описанная выше, завершает свой путь, вливаясь в Чоуринги. На перекрестке стоит памятник Махатме Ганди. Автор его — знаменитый скульптор Девипрасад Рой Чоудри (одна из его ранних работ есть в ленинградском Эрмитаже). Скульптура решена удивительно живо и с благородной простотой, без всяких украшений. Четким силуэтом на фоне зеленого поля Майдана выри-

совывается одинокая сгорбленная фигура старца с посохом, идущего своей нелегкой, тернистой дорогой. Скульптор говорил, что идею его работе дали слова Рабиндраната Тагора, сказанные им Ганди накануне его первого выступления с проповедью гражданского неповиновения: «Если никто не ответит на твой зов — иди сам!»

Памятник был торжественно открыт премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру 30 ноября 1958 года. На пьедестале высечены слова Махатмы Ганди:

Среди Смерти продолжается Жизнь.

Среди Неправды продолжается Правда.

Среди Тьмы продолжается Свет.

И я верю, что Бог — это Жизнь, Правда и Любовь.

27 апреля. Наш быт постепенно налаживается. День выглядит так. В 7.30 утра отключается кондиционер, значит, пора вставать. (Нас отключают дважды в день: с 7.30 до 14.00 и с 19 до 22.00 часов.) В 8.00 завтрак в торгпредстве. С 8.30 до часу — в офисе. Там отключены и кондиционеры и фены; правда, последние мы сами никогда не включаем ни на работе, ни дома — это вернейший путь к воспалению легких. Сидим, утопая в поту, голова гудит, виски разламываются. В час едем в торгпредство на обед, где переводим дух — там есть собственный движок. Снова работа — до 5—5.30. Маша, как и все дети, — в детской комнате торгпредства.

После работы остается время пройтись по магазинам Парк-стрит или погулять по Чоуринги, которую я осваиваю квартал за кварталом. А жена с Машей вместе со всеми идут в бассейн отеля «Хиндустан», благо, он в пяти шагах от нашей улицы (иногда и я присоединяюсь к ним).

Вся советская колония имеет в этом бассейне абонементы. Он маленький, с небольшой лужайкой. Узкое пространство между корпусами создает своего рода аэродинамическую трубу, дающую небольшой, но постоянный ветерок. Лужайка и бассейн весь день заполнены советскими женщинами (теми, кто не работает) и детьми, с утра часто здесь «пасется» и наша Машка — ее берут с собой то одни, то другие знакомые. Здесь сидят часами — вяжут, курят, читают. Бывает здесь и местная «золотая молодежь» — под тентами сидят пу-

затенькие, сытые, волосатые молодчики с перстнями на всех пальцах и пьют кока-колу и местный лимонад — *лимку*. Иногда они осторожно входят в воду и болтают ногами. Другие постояльцы отеля наблюдают из-за занавесок купающихся русских «венер». Мы как-то сказали в шутку здешнему менеджеру, что он должен нам доплачивать за бесплатное зрелище для постояльцев.

Но бассейн лишь до 7 часов вечера. Поэтому после ужина все стягиваются во двор торгпредства. Свет уже отключен, сидеть дома в душной тьме невыносимо. А здесь работает движок, дающий свет под навес, где сидят игроки в нарды и шахматы, женщины опять вяжут — в магазинах продается чудесный мохер всевозможных цветов и оттенков. А еще есть кино: советские суда, довольно часто заходящие в Калькуттский порт, меняются с торгпредством месячными запасами своих фильмов. Большая часть из них никогда не бывала на экране, это, по-видимому, какие-то списанные, забракованные всеми худсоветами ленты, которые хоть как-то надо окупить. Обычно это халтура на псевдореволюционные или военные темы, далекая от какого-либо подобия искусства... Но... вечера калькуттские длинны, света нет до десяти, сиди и смотри. Лично я приглашаю кого-нибудь, и мы гуляем по окрестным улицам, чаще всего по Чоуринги или Шекспир-сарани.

Кончен фильм, умолк движок, а света все нет. Тогда остается одно — идти на задний двор, к металлическим воротам, где есть слабый ток воздуха, некое подобие ветерка. Это называется «бомбубежище». Когда становится совсем невыносимо, женщины начинают петь. При самых забубенных песнях вроде «Ах, мамочка, на саночках...» окна освещаются — дали свет. Можно идти по домам. Тащим сонную Машку по скрипучей темной лестнице. Тихо гудит в углу кондиционер, явно не справляясь с толщей тяжелого, горячего, мокрого воздуха.

Начинается еще одна из калькуттских казней — москиты. Противомоскитная сетка не пропускает воздуха, в ней невыносимо душно, без нее — заедают эти кровососы. Они несут с собой с черных болот, окружающих Калькутту, тропическую лихорадку — *дангу*. Жжем прессованные из трав зеленые пахучие спиральки, но помогают они плохо.

Еще одни «сожители» — тараканы невероятных, с ладонь, размеров. Они совершенно безобидны и трусливы, но их вид вызывает оторопь. Мои женщины, увидев их, поднимают крик, от которого тараканы разбегаются в разные стороны, залезают под шкафы и в шкафы. В первом случае их надо долго и нудно выгонять палкой. Во втором — летит на пол содержимое шкафа. Наконец «зверь» уничтожен или изгнан за порог на галерею.

По стенам и столу пролагают свои трассы маленькие, как мошки, рыжие муравьи. Можно как угодно уничтожать их, сметая сотнями, а через некоторое время трасса неизменно возобновляется без малейших отклонений. Если оставить на столе немного сахарного песка, то через полчаса на его месте будет копошащийся рыжий клубок, а еще через полчаса — полная чистота.

На стенах и стеклах окна живут ящерики-гекконы, очень милые и безобидные создания. Но время от времени они издают жуткий чмокающий звук, наподобие вампиров в «фильмах ужасов».

А еще мы благодарим всех индийских богов, по отдельности и вместе взятых, что в нашем доме нет крыс. Вечерами, когда во дворе торгпредства крутят кино, то и дело живая серая лента перетекает перед стеной двора по своим делам. Крысы ни разу никого не тронули, но все равно страшновато.

В торгпредство и оттуда нам приходится ходить в сопровождении эскорта местной ребятни, чумазой и оборванной. Давать им деньги или еду бесполезно — всем не хватит, причем из-за каждой монетки или конфеты начинается отчаянная драка. Поэтому у нас что-то вроде договора — время от времени мы отдаем им (вернее, их вожаку) накопившиеся у нас газеты — макулатура здесь ценится.

И еще одна деталь: каждый вечер, возвращаясь с ужина, мы тащим с собой целую сумку бутылок с ледяной хлорированной водой из специального бака в торгпредстве, ставим их в холодильник и всю ночь к ним прикладываемся. Чаще всего 5—7 больших, по 0,75 литра, бутылок на ночь недостаточно.

В общем, жизнь налаживается. Но я часто вспоминаю реплику из здешней газеты «Амрита Базар Патрика». «„Как можно жить в этом городе?“ — спрашивают нас туристы, настроенные к Калькутте более

или менее доброжелательно. Другие формулируют вопрос иначе: „За какое преступление вас сослали в Калькутту?“» Оба эти вопроса то и дело приходят мне на ум.

28 апреля. Сегодняшнее воскресенье мы посвятили музею Виктория-мемориал, давно манившему меня своим огромным белоснежным куполом.

Виктория-мемориал — музей-памятник в честь королевы Англии Виктории (годы жизни: 1819—1901; годы правления: 1837—1901), давшей имя целому периоду английской истории, который так и называется «викторианским». По традиции, памятник считается как бы символом Калькутты, бывшей столицы Британской Индии, «второго города Империи».

Когда затянувшееся на 64 года царствование Виктории закончилось в 1901 году, вице-король Индии лорд Керзон предложил воздвигнуть ей памятник на земле «крупнейшей жемчужины британской короны». Первый камень в фундамент был заложен будущим королем Георгом V лишь в январе 1906 года, а строительство закончено в основном в 1921 году. Но «доводка» продолжалась еще многие годы, и четыре боковых купола были завершены лишь в 1934—1935 годах. Строительство обошлось Индии в десять с половиной миллионов рупий, сумма по нынешним временам совсем небольшая.

Мемориал окружен небольшим, но тщательно ухоженным парком, с геометрически подстриженными кустами, прудами, каналами, аллеями, посыпанными ярко-красным песком. Парк обнесен невысокой, но крепкой оградой — пестрому городскому люду сюда входа нет. Зато на площадке перед входом — столпотворение: продавцы сладостей и орешков, заклинатели змей, просто нищие, проходишь, как сквозь строй. На полпути к главному входу посетителей встречает сама королева, восседающая на бронзовом троне при всех королевских регалиях, со скипетром в руке. Это одна из немногих статуй колониального периода, сохранившихся после обретения страной независимости. В Дели, например, их не осталось совсем — короли и губернаторы громоздятся на заброшенном пустыре где-то на окраине индийской столицы. Думается, индийцы, как и мы когда-то, поторопились. Была такая страница в индийской истории, никуда от нее не денешься. И Викторию оставили правильно, хорошо, что

без оскорбительных надписей, вроде тех, которыми снабжал в 20-е годы петроградские памятники Демьян Бедный.

Виктория-мемориал высится в обрамлении изумрудной зелени лужаек огромной белой глыбой. Символика его по-армейски прямолинейна: чистота мрамора символизирует чистоту помыслов Империи, помпезность и размеры постройки — мощь и незыблемость Империи. Трехтонный ангел, венчающий центральный купол, олицетворяет Победу, т. е. Victory — тезку королевы.

Главное впечатление (оговариваюсь — мое личное) — помпезная тяжеловесность, вычурность и... старомодность, что ли. Подумать только: 1901—1936 годы, великая эпоха, решающий переворот во всех сферах человеческой деятельности — науке, технике, политике, культуре. Промышленно-техническая революция, открытие атома, теория относительности, рождение авиации, телевидения; страшная мировая война, две революции в России, революция в Китае; Корбюзье, Мис ван дер Роэ, Мельников, Гропиус в архитектуре, Эйзенштейн и Чаплин в кино, Пикассо в живописи... А в далекой Индии колониальная администрация с тупым упорством несколько десятилетий продолжает возводить памятник Империи — огромное здание, ставшее архаическим еще в прошлом веке. Может быть, я несправедлив к нему, но меня раздражает эта эклектическая мешанина из псевдоготики, псевдо-Ренессанса, псевдомавританского стиля, соединенная к тому же с тяжеловесными изысками австро-германских архитекторов XIX века, все это нагромождение полукруглых колоннад, портиков, арок.

Приступая к строительству, архитектор В. Эмерсон мечтал, по его словам, построить «Тадж-Махал XX века» и действительно взял за основу проекта Н-образный план, пятиглавие и другие особенности великого творения средневековых индийских зодчих. Более того, чудесный мрамор для строительства был добыт в каменоломнях Макхана недалеко от Джодхпура (штат Раджастхан), давших за 300 лет до этого материал для белоснежного «чуда Агры». Увы, сравнение не в пользу современности.

Путеводитель дает цифры: размеры здания — 103×69,5 метра, высота до подножия статуи ангела — 56, высота ангела — около 5 метров.

Кот (и то неподалеку от статуи королевы стояла еще одна — «отца» мемориала, лорда Керзона, — окруженная группами, символизирующими Коммерцию, Борьбу с бедностью, Сельское хозяйство и Мир. Символы злободневны и в наши дни — их оставили, а лорда убрали.

Полуциркулярная мраморная лестница ведет к главному входу. Анфилада роскошных залов опоясывает музей по периметру. Их много, и все они так или иначе посвящены веку Виктории. Очень много мраморных статуй и бюстов царствовавших особ и их придворных — самой Виктории, Георга V, Эдуарда VII, королевы Александры, королевы Марин, четы Маунтбэттенов (последнего вице-короля Индии и его жены). Среди дворцовой челяди затерялся бронзовый бюстик Флоренс Найтингейл, первой в Англии сестры милосердия, прославившейся в период Крымской войны. Много личных вещей королевы, в Индии, кстати, никогда не бывавшей: ее туалеты, стол и кресло, пианино, на котором она играла в молодости, седло и сбруя ее лошади и т. д. Событиям царствования Виктории посвящены стенные росписи под куполом «круглого зала» и целая серия полотен в так называемой Королевской галерее.

Все эти вещи интересны как образцы материальной культуры минувшего времени, но не более. К концу их осмотра чувствуешь: можно было бы и поменьше Виктории. Полностью убрать всё в запасники было бы несправедливо, все-таки мемориал построен в ее честь, но поскромнее бы, что ли...

В отдельном зале — портретная галерея. Из тяжелых, золоченых рам смотрят на нас правители Британской Индии — генерал-майор С. Лоуренс (портрет работы великого Рейнолдса), лорды У. Бентинк, Уэлсли, Хейстингс, Далхаузи. Среди них есть и индеец — почетный гражданин Бенгалии Дварканатх Тагор*, прадед Рабиндраната Тагора. Надо сказать, что в последние годы специальный зал был отведен под экспозицию, посвященную борьбе Индии за свободу и независимость.

Великолепны коллекции произведений искусства. Здесь хранятся картины, рисунки, гравюры английских художников XVIII—XIX веков, работавших в Ин-

* Правильнее — *Тхакур* (бенг.). Мы будем употреблять здесь традиционное написание — *Тагор*.

дни, о которых я, к стыду своему, никогда раньше не слышал, например Томаса и Уильяма Дэниелов, запечатлевших сотни пейзажей и памятников Индии, Аткинсона, оставившего зарисовки времен Великого национального восстания 1857—1859 годов, которое раньше называли восстанием сипаев, Б. Солвинса, рисовавшего сценки повседневной жизни, Дж. Зоффани и других. А еще есть коллекции индийских миниатюр разных школ, старинного оружия, документов. Здесь же хранится каменный, с инкрустациями из драгоценных и полудрагоценных камней, трон павабов (правителей) Бенгалии, на нем персидская надпись и дата — 1641, а также оружие и записная книжка Типу Султана, носившего прозвище «Лев Майсура», правителя одного из индийских княжеств, страстного борца за независимость, погибшего в кровопролитной битве с английскими войсками во время штурма его столицы — Серингапатама в 1799 году.

В общем, за один раз все осмотреть невозможно, и я еще не раз приду сюда. Но об одном экспонате все-таки напишу в заключение.

Речь идет о хранящемся здесь полотне В. Верещагина «Въезд принца Уэльского в Джайпур в 1876 году». Полное название, данное художником: «Процессия слонов английских и туземных властей в Индии, в городе Джайпуре, провинции Раджпутана (Будущий император Индии)». Верещагин писал ее в 1875—1879 годах, а музею преподнес в дар махараджа Джайпура. Все путеводители с гордостью сообщают, что это самое большое в Индии полотно, писанное маслом, и вообще самое большое полотно Верещагина. Оно входит в число немногих туристических примавок Калькутты.

Полотно действительно огромно: 7 на 5 метров. Висит оно, к сожалению, в очень узкой галерее, так что его нельзя окинуть взглядом целиком, приходится смотреть сбоку или подойдя вплотную — по кусочкам. В помещениях музея нет кондиционеров, стоит жаркая духота, слабо разгоняемая фенами, и полотно находится не в лучшем состоянии. Боюсь, что, если не будут приняты меры, через несколько лет оно погибнет.

В монографиях о Верещагине я читал не раз об этой картине как образце скрытой сатиры на Британскую империю, на колонизаторов и т. д. Мое сугубо

личное мнение: никакой сатирой здесь не пахнет, вещь напыщенная, холодно-репрезентативная, написанная с обычным верещагинским блеском, но не лучшая его работа. Англичане, да и индийцы, впрочем, мнения другого: они от нее в восторге.

Такой была наша первая «культурная» вылазка. Длилась она всего три часа, но этого достаточно. Влажность воздуха — до 98 процентов, дышится тяжело, как на полке в русской бане. Не легче и в непроветриваемых, душных помещениях музея, где обливаешься потом и хватаешь воздух ртом, как рыба на суше.

Музей Виктория-мемориал Отступление для любителей искусства Год 1989

Это была первая, торопливая запись о Виктория-мемориал. С тех пор я много раз бывал там, беседовал с сотрудниками, любовался коллекциями, покупал репродукции и каталоги. И постепенно смог более спокойно и объективно оценить значение музея, его замечательных коллекций.

Однажды, будучи уже завсегдатаем, я побывал на небольшой пресс-конференции, которую давал журналистам куратор музея д-р Нисит Р. Рей. Наверное, я чересчур запальчиво выразил свое мнение о коллекциях, касающихся королевы и ее придворных. Он ответил так:

— Есть немало людей, как иностранцев, так и индийцев, которые считают, что наш музей — это учреждение, увековечивающее память Раджа (индийское слово, означающее Империю. — *О. Т.*), и больше ничего. Я считаю этот взгляд неоправданно узким. Мало кто знает, что лорд Керзон, выдвинувший идею мемориала, провел широкие консультации с крупнейшими деятелями Англии и Индии, и их мнение было единым: это должен быть исторический музей, национальная галерея, и назначение ее — сохранение памяти о том почетном и великом, что было в истории как Англии, так и Индии. И сегодня Виктория — один из богатейших музеев Индии.

Я не во всем согласен с куратором в том, что касается «почетного и великого», хотя сегодня, в атмос-

фере испытаний и перешенных проблем, усиливается в Индии странное явление, которое сами индийцы называют «тоска по Раджу»: пишутся ностальгические мемуары о Британской Индии, снимаются совместные фильмы типа «Дальних шатров». Но это дела самих индийцев. А вот что касается богатств музея, то здесь м-р Рей знал, что говорил.

Вот приведенные им цифры. Сейчас музей Виктория-мемориал хранит в фондах 1111 картин, написанных маслом и акварелью, 1237 гравюр, 200 миниатюр разных школ XVIII—XIX веков, 400 редчайших исторических документов, 266 единиц старинного оружия, мраморную и бронзовую скульптуру. Из-за недостатка места экспонируется менее половины коллекций. На вопрос о наиболее ценных экспонатах м-р Рей не задумываясь назвал два полотна: портрет генерал-майора Стринджера Лоуренса работы Джошуа Рейнолдса и картину В. Верещагина «Въезд принца Уэльского в Джайпур в 1876 году», а также самую большую в мире коллекцию работ Томаса и Уильяма Дэшвелов: 47 картин маслом и 144 цветные гравюры.

О последних стоит поговорить подробнее.

В последней четверти XVIII века в Индию хлынула волна английских художников, главным образом пейзажистов. Это было время для них несчастливое: на родине, в Англии, богатые любители предпочитали иностранных мастеров — французов, итальянцев. Даже Ричард Уилсон, «отец английского пейзажа», замечательный мастер, умер в бедности на чердаке, а великий Томас Гейнсборо почти не имел покупателей, и непроданные холсты загромождали его мастерскую.

В это время из Индии начали возвращаться первые нувориши — «набобы» с цветистыми рассказами о только что завоеванной стране, о неограниченных возможностях разбогатеть для предприимчивых людей. Среди художников ходили легенды о суммах, заработанных в Индии их коллегами — портретистами Тилли Кеттлом и Джорджем Уиллисоном, пейзажистом Уильямом Ходжесом...

Томас Дэниел (1749—1840) родился в семье трактирщика. С 14 лет он учился у мастера по оформлению карет и достиг больших успехов, изображая фамильные гербы на дверцах богатых экипажей. Он стал так известен, что его взял к себе в помощники сам Чарльз Кеттон, расписывавший кареты короля Геор-

га III, а впоследствии ставший одним из основателей... королевской Академии. Под его руководством Томас в совершенстве овладел искусством гравировки и выставил около трех десятков пейзажей, которые имели успех.

Но, как говорилось выше, время для художников было не лучшее. Не преуспев ни профессионально, ни финансово, он решил уехать искать счастья за рубеж и получил разрешение могущественной хозяйки Индии — Ост-Индской компании посетить эту страну, чтобы «работать там по профессии гравера». Ему было разрешено взять с собой племянника Уильяма (1769—1837).

Они добрались до Калькутты в 1786 году, а в последующие семь лет проехали Индию вдоль и поперек, узнав ее так, как до них ни один европеец, да, пожалуй, и индеец не знал. Они запечатлели множество видов великой реки Ганги*, по которой проделали многомесячное путешествие — от устья, где стоит Калькутта, до истоков в гималайских ледниках. Одними из первых они зарисовали многочисленные памятники архитектуры и природы, которыми и сегодня любуются сотни тысяч туристов со всего мира: гхаты (места ритуального омовения) Бенареса (ныне — Варанаси); мусульманские памятники Дели — пятничную мечеть Джама-Масджид, мавзолей императора Хумаюна, величественный минарет Кутб-минар; одно из признанных чудес света — мавзолей Тадж-Махал в Агре; виды Кашмира; водопады Южной Индии и величественные надвратные башни — гопурамы ее храмов; форты Пенджаба; пещерные храмы Аджанты и Эллары...

Сохранились описания дяди и племянника за работой. Они путешествовали по стране с целой командой слуг: гребцов, сторожа, двух человек, отвечающих за сооружение противосолнечного тента, стюарда, носильщика и т. д. С ними плыли два рисовальных столика, шагомер, камера-обскура, а также большой запас бумаги, холстов, карандашей, кистей и красок. С помощью отражателя ландшафт проецировался на бумагу или полотно и быстро обводился карандашом,

* В индийской традиции река Ганг — женского рода и представляется в мифах и искусстве как прекрасная, но капризная и своенравная девушка. Поэтому, как и индийцы, я буду называть ее — Ганга.

хотя нередко рисунки делались и без камеры. Затем изображение прорабатывалось акварелью, а позже переводилось на холст или гравировалось.

Из других художников, чьи работы хранятся в музее, следует назвать прежде всего Балтазара Солвинса (1760—1824), прожившего в Индии большую часть жизни и оставившего четыре тома цветных гравюр — жанровых сценок, сделанных удивительно живо, с юмором и наблюдательностью. М-р Рей считает, что если когда-нибудь будет создана «галерея народной жизни», основу ее составят работы Солвинса, названные им почему-то по-французски «Les Hindous» («Индусы»).

Большое удовольствие доставляет рассмотрение работ Джона Зоффани, портретиста и автора мифологических сценок; У. Ходжеса, автора первых пейзажных зарисовок Индии; Роберта Хоума, Томаса Хики, Джорджа Чиннери и других. Прелестны акварели мисс Эмили Иден, изображающие птиц и цветы, Сэмюэля Дэвиса.

В коллекциях музея хранятся 200 миниатюр XVIII—XIX веков различных индийских школ — джайпурской, раджпутской, кашмирской, пахари и, конечно, самой знаменитой — могольской. Большой частью они посвящены жизни императоров из династии Великих Моголов — Акбара, Джахангира, Шах-Джахана. Среди них одна выпадает из темы — «Рождество Христова».

Еще одна коллекция — индийских и персидских рукописей, многие из которых иллюстрированы цветными миниатюрами — шедеврами каллиграфии. Среди них — «Анвар-и-Соheyли» 1518 года — персидская версия басен «Панчатантры» и «Хитопадеша». Есть предположения, что она была изготовлена для библиотеки могольских государей в Дели. Другие рукописи: персидский перевод «Наля и Дамаянти» с иллюстрациями мастеров муршидабадской школы миниатюр (XVIII век); чудо каллиграфии — «Дахпунд-и-Хаким Арусту» («Десять советников Аристотеля»), «Диван» Хафиза, книги Руми, Фирдоуси...

Коллекция оружия включает образцы мечей и сабель эпохи Великих Моголов (XVI—XIX вв.), индийских и персидских, богато украшенных золотой насечкой, гравировкой по металлу, эмалью, драгоценными камнями. Отдельно — европейское огнестрельное ору-

жие XVIII века — мушкеты, кремневые ружья, пистолеты. И наконец, исторические документы британского периода индийской истории — архивы Ост-Индской компании, бумаги времен народного восстания 1857—1859 годов — договоры, приказы, воззвания, письма, официальные и частные, и многое другое.

Даже этого беглого перечисления достаточно, чтобы стало ясно: Виктория-мемориал — один из интереснейших музеев Индии.

30 апреля. Сегодня к нам в офис приходила бывшая студентка Тамбовского педагогического института, вышедшая замуж за индийского аспиранта. Назову ее, скажем, Людмилой Дас. Здесь она уже полгода. Ни раззолоченного дворца, ни персональной «тойоты» у мужа не оказалось, к тому же он — профсоюзный активист, да еще из «левых». Каждая рупия на счету, а самое плохое — нет работы. Пытается найти частные уроки русского языка, нужны учебники, пособия — просит помочь. Много раз ходила в генконсульство, но там от нее отшатываются, как от перебежчицы. До чего же бездушно и жестоко относятся у нас к таким людям, не совершившим, в сущности, ничего плохого! Если бы это произошло с гражданкой любой другой страны, то любое консульство сделало бы все возможное, чтобы поддержать соотечественницу, помочь ей, может быть, даже взять к себе на работу. Ведь так ясна ее история: жила в провинциальном городишке, без особых надежд на будущее, и тут появился красавец из экзотической страны с горящими глазами, обещал взять с собой — и пошла за ним на край света, не зная, что и там свои, причем нелегкие, проблемы. И вместо садов Шехерезады очутилась в страшном чужом городе, где никому до нее нет дела. Кинулась к своим, а там холодное презрение — уходи, ты уже не наша. Почему же не наша?

Мы нашли для нее какие-то пособия, тетради, советские газеты. Пришла она, по местным правилам, не одна, а в сопровождении сестры мужа — тут я за нее порадовался: однолетка, по крайней мере родственная душа. Видел, как понуро шли они в толчее бесконечной улицы и скоро исчезли из виду...

1 мая. Вся советская колония приглашена в кукольный театр на премьеру. Руководит им молодой па-

рсь (к сожалению, не запомнил фамилию), настоящий бенгалец — высокий, тощий, усатый. Учился в Москве у Сергея Образцова.

Крохотная коробочка театра расположена в дебрях северной Калькутты, по-видимому, перестроена из какого-то склада. Зал был заполнен детворой из бедных семей — худющей, плохо отмытой, с огромными, сияющими глазами. Показывали «Аладдина и волшебную лампу» — причем в честь 1 Мая бесплатно. Текст шел на бенгали, но все было ясно, играли с воодушевлением. Забавно, что здесь, в Индии, Арабский Восток — экзотика. Перед началом спектакля кукловоды, все очень молодые ребята, спели «Интернационал».

Вечером мы ходили на старый, 1963 года фильм Билли Уайльдера «Ирма ле Дюк» с Ширли Мак-Лайн в главной роли. Ажиотаж вокруг него страшный. Дело в том, что в индийском коммерческом кино есть странная обьчай: кадр. кадр переснимать западные фильмы, но в индийском антураже, — чистейшее пиратство, почему-то не преследуемое. То же они сделали с «Ирмой ле Дюк», перенесли действие в Бомбей, а героя сделав бомбейским полицейским. В главной роли (индийский фильм называется «Манорапджан» — мы смотрели его раньше в Дели) выступила молодая, длинноногая, в европейском стиле красавица Зинат Аман, мгновенно ставшая звездой. Сравнить фильмы нельзя — уж очень различен их уровень, но смотреть интересно и тот, и другой.

Сначала мы смотрели фильм с большим удовольствием, но в середине фильма вырубился свет, и около часа мы сидели в кромешной тьме, обливаясь потом. Часть зала, не выдержав пытки, ушла, но мы мужественно дождались продолжения. Здапне кинотеатра «Глоб» помнит еще колониальные времена и построено явно для английской публики — все здесь солидно, респектабельно, сохранились даже обитые плюшем ложи и светильники на стенах.

2 мая. День нерабочий, и мы решили посвятить его поездке в знаменитый на всю страну Ботанический сад.

В очень интересном сборнике 1957 года, где подобраны работы русских писателей и публицистов XVIII — начала XX века, посвященные Индии, я прочел заметки неизвестного русского путешественника,

напечатанные когда-то без подписи в журнале «Сын Отечества» (№ 15 за 1844 год). Вот что он писал:

«Калькуттский ботанический сад — самое очаровательное убежище для прогулки. Чтобы насладиться прелестями этой прогулки, надобно сойти с пыльной набережной в прекрасное двухпалубное судно, на котором раскинута просторная беседка с диванами. По мере того как отплываете от берега, вокруг вас распространяется тишина; с одной стороны тонут за горизонтом прекрасные здания города, с другой — выставляются рощицы, омываемые священными водами Ганга. Достигнув железной решетки, выходите на берег. Два пеона в красных тюрбанах встают и приветствуют чужестранца. Раздается пение и щебетание птиц; вы идете под самым правильным готическим сводом, образуемым переплетом древесных ветвей, по чудной пальмовой аллее, где под зеленеющим куполом плоды висят роскошными гроздьями... В парижских теплых оранжереях можно видеть в миниатюре пейзажи острова Бурбона и Новой Голландии. Но в Калькутском ботаническом саду, всегда согретом лучами тропического солнца, перед вами развертывается полная картина растительного царства Азии и Африки».

Как тут было не поехать, чтобы увидеть это чудо?

Увы, прекрасное судно с беседкой пришлось заметить почти полуторачасовой поездкой на машине, ибо Ботанический сад находится очень далеко — в местности Сибпур, куда надо добираться через промышленный пригород Калькутты Хоура, по сути дела, ставший уже самостоятельным городом и расположенный на другом берегу реки Хугли.

Хугли — один из рукавов, образующих дельту Ганги. Говорят, что исток великой реки находится далеко на севере, в Гималаях, где она начинается в крохотной пещерке на леднике; там сидит, охраняя ее, отшельник-йог. Я видел этот ледник только на фото в роскошном альбоме, но даже так можно было представить, как кристально чисты и холодны первые родниковые струи священной Ганги. Пройдя тысячи километров через всю страну, Ганга впадает в Бенгальский залив десятками рукавов, составляющих мощную дельту. Но здесь, в границах огромного города, красавица река, прославленная в мифах, сказках, песнях, неузнаваема. Ибо Хугли — это чудовищная сточная ка-

нава грязно-серо-рыжего оттенка. Вода ее настолько загрязнена промышленными и бытовыми отходами, что опасна для употребления. Одна из газет напечатала как-то довольно противный снимок, изображающий труп утопленника на отмели, вытравленный кислотными водами Хугли до белизны.

Путь в Хоуру ведет через знаменитый мост — Хоура-бридж. Он был сооружен англичанами в 1941 году и открыт для движения уже во время войны — в феврале 1943 года. Думаю, имена его творцов заслуживают упоминания, это инженеры лондонской фирмы «Кливленд Бридж энд Инжиниринг К°» — Рендель, Пальмер и Триттон. Интересно, что сталь для моста поставила индийская фирма, принадлежавшая промышленнику Тате (семейство Тата сегодня является одним из богатейших в стране). Длина моста — более 650 метров, вес — 27 тысяч тонн, пропускает в день более полумиллиона человек и 8 рядов транспорта, включая два трамвая. Своими подвесными конструкциями он немного напоминает Крымский мост в Москве. Хоура-бридж и сегодня производит сильное впечатление — этакое стальное кружево над широко раскинувшейся рекой. А в 1943 году он, наверное, казался подлинным чудом.

Ехать через мост — сущее испытание: он загроможден транспортом до отказа; машины, автобусы, рикши, пешеходы слиты в чудовищный ком; здешних полисменов можно только пожалеть. Пешеходная часть просто не существует — она давно и прочно занята лоточниками. Двигаться можно лишь с длительными остановками каждые две-три минуты. После переезда через реку еще одно испытание для нервов — площадь перед вокзалом Хоура: она страшновата даже для Калькутты. Это традиционное место проживания бездомных — мешанина людей, собак, коров, избравших своей средой обитания кучи мусора и помойки.

Другой берег — это уже Хоура, промышленный пригород Калькутты, — бесконечно тянущаяся вдоль берега цепочка мукомольных фабрик, кирпичных складов, депо, старых кирпичных стен неизвестного назначения. По пути мы видели странные похороны: шесть человек бодрым, спортивным шагом шли по середине улицы, держа на плечах носилки с покойницей, весело раскрашенной порошковыми красками во все цвета радуги. Никто на них не обращал внимания. А мы

все ехали по унылым, пыльным улицам, пока не выросли перед нами ворота сада.

Он был заложен в 1786 году на средства Ост-Индской компании полковником Робертом Кидом, который стал первым директором и хранителем сада и, судя по всему, был подлинным Рыцарем Ботаники. Сад создавался для изучения индийской флоры, но стал со временем любимым местом отдыха здешнего общества.

Двух пеонов в красных тюрбанах у ворот не было, но нас встретил сторож и в виде исключения разрешил нам въехать в сад на машине. Это было немалое благодеяние, так как сад занимает теперь около 300 акров и ходить по нему затруднительно. Считается, что здесь представлено около 40 тысяч видов растений. Но прежде всего мы подъехали по специальной асфальтовой аллейке к главному чуду и гордости сада — Великому Баньяну.

Традиция ведет его начало от 1769 года. Считается, что когда его увидели впервые англичане, это был небольшой росток, возле которого сидел отшельник в состоянии медитации. Сохранилась запись некоего лорда Валентина, посетившего Сибпур в 1803 году, специально чтобы увидеть баньян. Он писал, что увидел «прекраснейший экспонат сада, великолепный экземпляр *Ficus Bengalensis*». В 1919 году главный ствол-родоначальник, разъеденный грибком, был свален циклоном и в 1925 году удален. Но осталось более 600 его «детей».

Это и вправду чудо природы. Его огромные ветви тянутся параллельно земле, из них вертикально вниз выбегают отростки и, достигая земли, вырастают в нее. Получается что-то вроде эстакад, разбегающихся в разных направлениях, сегодня их более 1100. Калькуттский Великий Баньян — это целая роща, площадью около 2 гектаров, и она продолжает расширяться. Под ним можно гулять, забывая, что по сути это одно дерево. Считается, что этот экземпляр — старейший в Бенгалии и один из старейших в Индии.

Мы долго ходили по гигантскому саду, и хотя воздух здесь необычно чист, жара все-таки давала о себе знать, да и понять что-либо неспециалисту в этом растительном изобилии было невозможно. Поэтому мы просто гуляли по рощам, перелескам, наслаждаясь безлюдьем и чистотой, переходили по ажурным

мостикам через небольшие речушки и озерца, любовались изумрудной ряской на болотцах, отдыхали в уютных беседках. Изумление вызвали оранжереи, где живут растения из Южной Америки, которым в Калькутте... холодно! Мы смогли пробыть в этом адском месте не более трех минут.

В целом же, лишь с одной оговоркой — насчет климата, — я согласен с мнением епископа Гебера о Ботаническом саде: «Это место более всего походит на Рай, изображенный Мильтоном».

5 мая. Побывали в знаменитом Джайнском храме,

О джайлизме в нашей стране известно очень мало — религия эта не вышла за пределы Индии, да и число приверженцев ее на сегодня — чуть более двух миллионов — для почти 800-миллионной Индии — капля в море. А религия эта довольно своеобразная, и чуть немного о ней надо знать.

Впервые я узнал о джайнах во время поездки из Дели в Кхаджурахо по штату Уттар-Прадеш. Нам говорили, что недалеко от городка Джханси, вдали от шоссе, виднеются какие-то таинственные храмы. Но поскольку шоссе это ведет в Кхаджурахо, к всемирно известным своими эротическими скульптурами храмам, то ни на что больше внимания не обращают. Мы сумели выкроить время, встав в 5 утра вместо 9, и, вернув с шоссе, оказались через полчаса перед большими воротами с проходной. Ничему не удивляющийся сторож попросил нас снять обувь, а также оставить в специальном шкафу все кожаные вещи — ремешки от часов, ремни, сумочки. А потом пустил и забыл о нас.

Это было одно из самых удивительных зрелищ в моей жизни! Перед нами вздымался высокий холм, на склонах которого лепились десятки храмов и храмиков всевозможных размеров и форм. Было уже совсем светло, и их белизна (единственный цвет) ярко выделялась на фоне пронзительно-синего неба и сероватых валунов, выглядывавших из красноватой глинистой земли. Мы, как зачарованные, шли от храма к храму, незаметно поднимаясь к вершине. Там стояла крохотная, в рост человека, часовенка, где не было ничего, кроме отпечатка двух человеческих ступней на невысоком постаменте. А вокруг развевался суровый, пустынный пейзаж — скалы, красная глина, скудные кусты колючки.

Позже, перевернувши массу книг, я узнал, что место это называется Сонагир, это священный комплекс джайнов, построен в 40—50-е годы. И что храмов было 108 — заповедное число, получающееся от перемножения цифр, входящих в «магический треугольник»:

$$\begin{array}{ccccc} & & 1 & & \\ & 2 & & 2 & \\ 3 & & 3 & & 3 \end{array}$$

Затем я видел джайнские храмы в Дели, они были совсем неинтересны — убоги по архитектуре (примитивное подражание индуистскому типу) и почти все без исключения построены в 60-е годы. Но джайнами нет-нет, да и интересовался. Вот что я о них узнал — излагаю, конечно, вкратце.

Джайнизм возник в VI веке до н. э., почти одновременно с буддизмом, как отражение борьбы касты кшатриев (воинов) против засилья брахманов. Основатель религии Вардхамана (более известен как Джина, или Махавира) родился всего на полвека раньше принца Сиддхартхи (будущего Будды) — в 615 году до н. э. (по другой версии — в 599 году до н. э.) в семье правителя княжества Вайсала (на территории нынешнего штата Бихар). Современная наука считает его, как и Будду, лицом историческим. При его рождении мудрецы предсказали, что младенец станет в будущем либо Чакравartiном («Императором Вселенной»), либо Тиртханкарой («Учителем Человечества»). Уже в детстве он совершил ряд подвигов, за что был прозван Махавирой («Великим героем»). Далее его житие в основном повторяет канву легенд о Будде: в 30 лет он удаляется от мирской суеты, становится членом секты бродячих проповедников, затем обнаруживает, что его «коллеги» весьма далеки от строгого соблюдения обетов святости. Более 12 лет он бродит один, не задерживаясь нигде более дня. На 13-м году он достигает всеведения под деревом Ашока, становится Джиной («победителем» — отсюда и название новой религии) и формулирует ее основные положения: величайшая добродетель — строгий аскетизм и отказ от бранных материальных благ, величайший грех — вред живому. После 30 лет проповеди Джина умирает 72-летним старцем, находясь в гостях у Хастипалы, царя государства, бывшего когда-то на месте нынешней Патны, столицы Бихара.

Джайны считают, что Махавира был последним, завершающим в ряду 24 тиртханкар — вероучителей, приходивших к людям. История подтверждает существование лишь самого Махавиры и его предшественника Парсванатхи, но джайны чтут всех 24.

Массового распространения джайнизм не получил из-за суровости его принципов, особенно ахимсы — не насилия над живым. Резко осуждается не только умышленный, но и нечаянный вред. Джайн не может быть охотником, рыболовом, даже пахарем, ибо при вспашке может погибнуть «зазевавшийся» земляной червь или жук. На рот джайны надевают повязку из марли, чтобы не проглотить какую-нибудь мошку, воду процеживают, дорогу перед собой метут специальной метелкой и т. д. У них в настоящее время существуют две секты — Дигамбара («Облачающиеся в небо») и Шветамбара («Облачающиеся в белое»). Наиболее фанатичные последователи первой отвергают одежду и ходят в костюме Адама. Для приличия их прикрывает от нескромных взглядов толпа поклонников.

Главный праздник джайнов — Махавир-джаянти, день рождения вероучителя, празднуется в марте — апреле. Он лишен радостной многокрасочности индуистских праздников — пестрой толпы, танцев, музыки. Джайны считают, что веселье не подобает человеку перед лицом жизни-страдания. Их праздник — это молитва, пост и паломничество в святые места.

Основной центр джайнизма — штат Гуджарат, но джайнские храмы есть во всех уголках Индии. Славятся древние пещерные храмы на плато Маунт Абу (на границе Гуджарата и Раджастхана), гигантская, в 18 метров, высеченная из единой скалы статуя джайнского святого Гоматешвары в Карнатаке. Иногда эти памятники удивительны и прекрасны, иногда — убоги.

С этим багажом мы и отправились смотреть джайнский храм Калькутты.

Собственно, это комплекс из четырех храмов, носящий название «Параснатх мандир», расположенный на улице Бадридас-Темпл-стрит, сравнительно недалеко от центра, в дебрях северной Калькутты, но добирались мы туда по целому лабиринту улочек и тупиков. Многие из них были перекопаны траншеями (совсем, как дома), то и дело путь преграждали кучи щебня, бочки с кипящим асфальтом — шел ремонт

мостовых. Сумасшедшее зрелище: под раскаленным солнцем, на невидимом под его лучами костре кипит в котле и плюется пузырями черный асфальт, а возле него обливающиеся потом, изможденные люди шуруют лопатами.

Улицы стали совсем узкими, пришлось остановить машину и сотню метров идти по солнышку. Массивные ворота были заперты. Шофер долго барабанил в них, а потом ушел, оставив нас в окружении толпы оборванных детей и женщин, настроенных не очень миролюбиво. Правда, сначала они ограничивались лишь какими-то едкими шутками и нарочито визгливым хохотом, но подступали все смелее. Машка жалась испуганно к маме, а я готов был отвесить со всего размаха оплеуху каждому, кто перейдет границу. Такого со мной никогда не бывало в добропорядочном Дели. Это в меня вселился дух Калькутты — здесь ты все время внутренне ощетен и готов к отпору. К счастью, пришел шофер, в воротах оказалась небольшая калитка внизу, и мы, согнувшись, почти вползли внутрь.

Это был главный из храмов, посвященный Шри Шри Шиталнатхджи, 10-му из 24 джайнских вероучителей. Храм был построен в 1867 году на средства богатого купца Рай Бахадура. Калькуттская община джайнов невелика, но богата и влиятельна, ибо, как и везде, джайны здесь банкиры, купцы, ростовщики.

Мы оказались в небольшом — сто на тридцать-сорок метров, — образованном стенами зданий дворецквере. В одном конце его — пруд, обнесенный красивой литой решеткой. В нем отражается высящийся на противоположной стороне эффектный храм. Архитектура его малооригинальна — обычное для джайнов эклектическое сочетание элементов исламской и индуистской архитектуры: от мусульман — колонки, портики, павильоны на крыше, типичный «килевидный» вырез входной арки, от индуистов — главный столп, увенчанный флажком. Храм облицован светло-синей кафельной плиткой, а главный «фокус» состоит в том, что в его стены вмазано огромное количество крохотных, величиной с копеечную монетку, выпуклых зеркалец. Когда на них падает солнце, весь храм светится ярким пламенем, приобретая неземной облик.

По 13 мраморным ступеням можно в предвкушении чудес зайти (разумеется, босиком) внутрь храма.

Увы, там царит роскошь не храма, а, скажем, богатого купеческого дома где-нибудь в Елабуге времен Александра III: огромные зеркала, хрустальные люстры, рассыпающие снопы разноцветных искр. На стенах — изречения вероучителей в рамочках.

Под главным столпом размещается «святая святых»: ярко освещенный алтарь, украшенный драгоценными камнями; его охраняют статуи стражников — Ананды и Гатаны. В глубине алтаря — беломраморная фигурка святого, восседающего на большом лотосе из литого серебра. На святом ожерелье из золота, во лбу — алмаз. Много цветов — гирлянды на статуе, груди у подножия. Неподалеку неприменный металлический ящик для пожертвований.

Еще диковиннее убранство сквера. Не хочу злословить, но персонажи старого протазановского фильма «Бесприданница» так и выдвинулись на здешних дорожках среди клумб и газонов, украшенных статуэтками. Кроме грубоватых, но выразительных, ярко раскрашенных изображений индуистских богов — Шивы, Ганеши, лубочных джаванов (солдат) я с изумлением обнаружил ремесленные гипсовые копии, вымазанные ужасающей серебристой краской — Венеру Милосскую (с руками!), Амура и Психею, Геракла, амурчиков, дерущихся за сердце. Наверное, вкусы у купцов везде одинаковые, ведь здешние джайны — это те же Кнуровы и Вожеватовы, только в индийском варианте.

Становилось все жарче, от пруда несло прелью. В небольших палатках, притаившихся в боковых колоннадах, торговали гипсовыми статуэтками богов и святых — джайнских, буддийских, индуистских. С удивлением увидел среди них изображения Христа и Девы Марии.

В общем, калькуттскому храму далеко до Сонагира. Впрочем, он вполне вписывается в калькуттский фон.

Вернувшись, мы, взмокшие, обессиленные, покрытые пылью, кинулись в бассейн — единственное место, которое могло дать облегчение. По случаю воскресенья там уже присутствовала почти полностью женская часть советской колонии. Полдюжины дам прилежно вязали свитера из мохера, такие добротные, что при одном только взгляде на них становилось нехорошо.

6 мая. В одиночку бродить по чужому городу, да

еще такому, как Калькутта, где человек — как иголка в стоге сена, нехорошо. Увы, охотников шататься по раскаленным улицам нет. Таню и Машу я с собой таскать не могу. Поэтому я очень обрадовался, когда нашел наконец партнера для своих походов. Его зовут Виктор Метлев, он инспектор по джуту, следит за фабриками, поставляющими нам джут. Сам он из небольшого городка Владимирской области, спокойный, сильный, не без юмора человек, любитель ходить пешком сколько и куда угодно.

Сегодня мы гуляли с ним по Чоуринги и имели забавную встречу. Подходит человек, спрашивает по-английски: «Вы из США?» — «Нет, из СССР». — «Очень хорошо, скажите, как там Микоян поживает, ваш президент?» — «Хорошо, — говорим, — только он не президент». — «А Баграмян, главнокомандующий ваш, жив-здоров?» — «Жив-здоров. А вы, наверное, армянин?» — «Да. Скажите, а в Ереване вы были?» И так далее. Беседовали долго. Он — мелкий купец. Приглашал в гости. Вряд ли мы к нему пойдем, но в Армянскую церковь сходить надо. Говорят, в Калькутте с незапамятных времен существует большая армянская община.

9 мая. Я без конца упоминаю Чоуринги. Пора подытожить то, что уже узнал.

Итак, Чоуринги (Chowringhee) — главная улица исторической части Калькутты. В путеводителях говорится, что она — одна из длиннейших улиц мира, но думаю, это преувеличение. Опыт моих пеших скитаний говорит, что она не длиннее ленинградского Невского проспекта.

Когда-то здесь были густые джунгли. В чащах водились бенгальские тигры, леопарды, медведи, дикие кабаны и буйволы, олени, волки. В болотах кишели крокодилы, стаи обезьян оглашали воплями окрестности. А пешеходной тропкой по кромке зарослей шли пилигримы, направляясь в знаменитый на всю страну храм богини Кали (он существует и сегодня). Пилигримы боялись не столько зверей, сколько дакоитов — вооруженных разбойников, избравших джунгли своим пристанищем.

Когда здесь высадились англичане (известна точная дата — 24 августа 1690 года), им долгое время было не до благоустройства. Но в середине XVIII века началось строительство военного форта Уильям,

и джунглям пришлось потесниться. Чтобы никто не смог внезапно атаковать форт, пространство перед ним было расчищено на расстояние пушечного выстрела. Позже здесь были высажены дубовые рощи и устроены искусственные пруды. Так возник уже упоминавшийся мною знаменитый Майдан. А на месте паломничьей тропы была проложена улица, которая могла соперничать с лучшими улицами европейских столиц. Специально приглашенные из Италии архитекторы застроили ее в 1794—1802 годы великолепными дворцами. Русский путешественник и художник князь А. Салтыков в своих знаменитых «Письмах об Индии» оставил описания Калькутты, правда 40-х годов XIX века, но и тогда она еще не утратила своей красоты. Речь идет о центральной части города, включающей Чоуринги:

«Город красив: ряды дворцов, разделенных большими лужайками, которые обнесены чугунными решетками или каменными перилами. Деревьев мало: они мешали бы свободному движению воздуха. Губернаторский дворец похож на Зимний дворец в С.-Петербурге, но, разумеется, вчетверо меньше. Остальные здания выстроены в итальянском вкусе, с колончатými галереями и террасами. Чистота царствует всюду».

А чуть ниже А. Салтыков приводит довольно пикантную деталь, говорящую о том, что джунгли не так легко отступали перед натиском цивилизации: «Шакалы воют всю ночь на улицах Калькутты: это немножко странно. Я слушаю их из моей гостиницы, которая находится в самом аристократическом квартале, бок о бок с губернаторским дворцом, с другими великолепными зданиями и магазинами мод».

В 1859 году Чоуринги была, единственная в городе, освещена газовыми фонарями на манер европейских столиц.

В музее Виктория-мемориал экспонируются гравюры Дэниелов с видами старой Калькутты и, конечно, Чоуринги. Очень интересно разглядывать детали. Широкая, просторная улица, тщательно подметенная. Катят шикарные кареты, полуголые носильщики несут паланкины. Вдали видны здания европейской классической архитектуры, подстриженный английский парк. Гуляют, как где-нибудь в Лондоне, денди с тросточками и бравые британские офицеры в мундирах и

рейтузах в обтяжку. Если вспомнить, что обмундирование королевской армии делалось из чистойшей шерсти, то возникает вопрос: что эти люди чувствовали в адской парилке Калькутты?

Какова же она сегодня, переименованная в Джавахарлал Неру-роуд, но повсюду упорно именуемая своим старым именем, Чоуринги?

Уже не один вечер мы с Виктором «прочесываем» ее квадрат за квадратом, пока только ту ее часть, что идет на север, до пересечения с Ленин-сарани. До самой Парк-стрит ничего интересного нет — банк, стеклянный брус штаб-квартиры компании Бирлы, небольшой ресторанчик. Впрочем, есть старинный особняк, из воспетых Дэниелами, но в грустном состоянии. По улице ходит трамвай, чем жители города очень гордятся, ибо он — единственный в Индии. Я на нем ни разу не ездил, но то, что я вижу, абсолютно схоже с московскими нравами в часы пик.

А вот другой стороны у улицы нет. За трамвайной линией раскинулся Майдан. Сегодня он представляет собой поросшее травой поле, очень неровное, в ухабах, размерами приблизительно километра два на три. В центре — дубовая роща. Говорят, что рано утром, часа в 4, когда окрестности еще окутаны туманом, здесь собираются местные йоги, т. е. богатые люди, имеющие время и средства (но не святые, о которых мы слышим и читаем столько былей и небылей, те живут далеко в горах, в своих ашрамах и пещерах). Для дыхательных упражнений нужен чистый воздух, а здесь он считается самым чистым в городе, недаром Майдан называют «легкими Калькутты». После захода солнца сюда приходят тысячи людей — просто подышать, отдохнуть после душного дня.

Много интересного на Майдане и в его окрестностях: Виктория-мемориал, небольшой планетарий, подаренный городу миллионером Бирлой, собор св. Павла, музей игрушек, музей изящных искусств — все это ждет своего часа. Дальше, на западной оконечности, почти у реки — большой ипподром. На перекрещении Чоуринги и Ленин-сарани стоит уже упоминавшийся памятник В. И. Ленину. А сравнительно недалеко от него, среди пустого пространства, ограниченного тремя прудами, высится странное сооружение — белоснежная свеча большого минарета. Это так называемый

Охтерлони-моньюмент, построенный в честь победы, одержанной генералом Дэвидом Охтерлони в войне с Непалом в 1814—1816 годах. Сын шотландца, эмигрировавшего в американские колонии еще до американской революции, 19-летний Дэвид прибыл в Бенгалию в 1777 году как кадет войск Ост-Индской компании и остальные полсотни лет, отпущенных ему судьбой, прожил в Индии. Странная форма памятника объясняется тем, что генерал всячески подчеркивал свое расположение к мусульманам, которое простерлось до того, что он завел себе на мусульманский лад... 13 же! Колонка местной хроники одной из газет того времени сообщала: «Жены генерала Охтерлони совершили вчера поездку на слонах по берегу Хугли». Минарет стоит на высоком кубическом постаменте, привезенном почему-то из Египта, и увенчан куполом-навильончиком, доставленным из Сирии. Внутри — винтовая лестница в две с половиной сотни ступеней. Подняться по ней можно лишь по специальному разрешению комиссариата полиции. В мусульманские праздники минарет окружают тысячи мусульман в каракулевых шапочках и новеньких жилетках, обнимаются и подносят друг другу незамысловатые подарки и сладости. И памятник для них — не Охтерлони-моньюмент, а Шахид-минар, место молитвы.

Но самый интересный участок, по-моему, это сторона улицы от Парк-стрит до угла Ленин-сарани. Здесь находится Индийский музей, а также масса магазинов — книжных, грампластинок, сувениров, отели, кинотеатры и др. На последних ста метрах от кинотеатра «Метро» до перекрестка в любое время дня и ночи толчется толпа немислимой плотности, сравнимая разве что с памятным нашему поколению рынком послевоенных лет в Перово под Москвой. Толпа эта захлестывает и массу узких, темных переулков, примыкающих к кварталу.

Моя мечта — постоять спокойно и часок-другой просто поглазеть. Но тщетно: ни разу еще в Индии мне не удалось осуществить ее.

Предположим, выпало мне свободных полчаса, поехал сопровождать группу женщин в скитаниях по магазинам («шоппинг») и, пока они занимаются своими делами, стою снаружи на улице.

Немедленно подходит добрый молодец и начинает демонстрировать лоток со всякой дребеденью — зажи-

гелками, авторучками, расческами, презервативами, брелками. Машу́ перед собой растопыренной пятерней — интернациональный жест «не надо, уходи». Ухмыляясь, он отходит, освобождает место другому, со снедью — орешками, шоколадками, печеньем. Спровадил его, подходят еще двое. Один сует визитку, угваривая посетить его «шоп», другой предлагает гипсовые изображения всяческой нечисти, очень натуральные, — тараканов, пауков, тарантулов. Привлеченные, подходят еще трое, скалят зубы, впрочем вполне благожелательно, и начинается «светский» разговор: чего желает сааб, откуда он? Из России?! А правда, что в Сибири от морозов птицы падают с неба? А правда, что у вас дети с четырех лет пьют водку? Кстати, не хочет ли сааб продать бутылку водки? Или шампанского? А часы чьего производства? Советские? Не продаются? Или фотоаппарат, можно получить за него неплохую сумму. Ну не сейчас, так позже. А долларов у сааба нет?..

И явление последнее — из-за спин их выползает нищенка в рубище из мешка, с ребенком-скелетиком на руках. Она ничего не говорит, просто стоит и смотрит. Судорожно сунув ей рупию, ныряю в магазин.

Кстати, о местных нищих. Грешно, конечно, сердиться на этих несчастных, и горя здесь бездна, но даже неполный месяц в Калькутте научил меня различать среди них членов корпорации, поделившей город на «зоны влияния».

...Бреду по Чоуринги. Откуда-то появляется тень, едва прикрытая куском джута, — нищий. Он тащится сзади, что-то приговаривая, слышно только «бабу́, бабу́...» Даю ему монетку, он прикладывает ее ко лбу в знак благодарности, но не отстает. Так идем странной парой квартал, другой, и вдруг я чувствую, что за спиной никого нет. Оглядываюсь: мой «спутник» удаляется прочь. Зато от стены ближайшего дома уже спешит другой: это его территория, эстафета передана. Все начинается сначала.

Целый день кипит на Чоуринги многообразная, судорожная жизнь. И все здесь подчинено одной-единственной цели: всеми правдами и неправдами выручить, выклянчить, выкрасть, вырвать, зубами и когтями одну-две рупии, тот минимум, на который можно купить себе лепешку и блюдо жгучей овощной приправы «карри».

Ко мне подходит человек и предлагает купить за 90 рупий чудо-авторучку из Китая с золотым пером и платиновым наконечником. Отказываюсь. Он не отстает, идет следом, постепенно снижая цену до 50, 25, 10 рупий. Наконец, называет «последнюю» цену — 5 рупий. Нечего и говорить, что «чудо-ручка из Китая» сработана из старых деталей здесь же, на тротуаре. Как не вспомнить реплику Остапа Бендера о контрабанде с Малой Арнаутской!

Другой собирает и сортирует металлические пробки из-под пива и кока-колы. Третий собирает старые газеты. Четвертый продает самодельные рамочки из бамбука. Пятый — джутовые сумки. Шестой — самодельных куколок из соломы. Седьмой... Восьмой... Девятый...

Суету стократно усугубляют вездесущие мальчишки, шныряющие под ногами, кто просто так, в поисках бакшиша, кто с деловыми целями — с грудями штанов, носовых платков, сумок. Шум, крики, из лавки торгующей музыкальными кассетами, несется оглушающая мелодия последнего киношлягера в исполнении несравненной Латы Мангешкар.

Возле стены разложил на клеенке кучу толстых, потрепанных, внушающих уважение именно стариной и потрепанностью книг гадалщик. За небольшую плату он расскажет вам о прошлом, настоящем и будущем. Он полон достоинства и красив со своей серебрястой бородой и спокойным, мудрым взглядом.

Много здесь интересного, смешного, грустного, а то и просто страшного. На одном из перекрестков среди мешанины машин, автобусов и рикш мелькает какое-то черное тело, которое сначала принимаешь за заблудившуюся собаку. Это печальная достопримечательность Чоуринги — «человек-собака», несчастный, чей позвоночник искорежен страшной болезнью, ноги скрючены и высохли. Он может бегать только на четвереньках. У него хорошее, доброе лицо, большие глаза, белоснежные зубы оскалены в застывшей улыбке. Монетки, брошенные из окон машин, он иногда берет зубами*.

Стоит образоваться транспортной пробке, как к машинам со всех сторон кидаются люди. Одни судорожно протирают тряпкой стекла и двери, другие

* Побывав в Калькутте через много лет, в 1987 году, я нашел его по-прежнему «на посту».

просто показывают на рот — «есть хочу», прокаженные (это самое неприятное) тычут в стекла свои беспальные култышки, а если ничего не получают — уже из мстительности берут ими по ручкам дверей. Они, говорят, уже не заразные, иначе бы их не выпустили из больницы, но все равно страшно.

А у стены Индийского музея лежит человек. Плашмя, на животе. Голова его зарыта глубоко в песок. Рядом сидит изможденная женщина, его подруга, собирает скудные монетки, брошенные прохожими. Так проходит минут 10—20. Потом она откопает его, он полежит некоторое время без сознания, приходя в себя, посидит, жадно глотая горячий, бензиновый воздух, и вновь пустится в путешествие «за черту неведомого».

12 мая. Позвонили из генконсульства: экипаж судна «Молодогвардейск», пришедшего из Одессы, просит прочесть лекцию об Индии. По Калькутте у меня слайдов пока нет, есть только Дели. Проговорился, что есть Кхаджурахо, экипаж воодушевился, но замполит уперся. В конце концов согласился, но «чтоб без секса». Показал и рассказал все, что знал, восторг был полный, замполит аплодировал первый. «Гоно-рар» за лекцию я получил как герой старого фильма «Депутат Балтики» профессор Полежаев: испеченный в собственной судовой пекарне огромный круглый каравай ржаного хлеба, еще теплого, с головокружительным запахом. Это был вправду царский подарок. Ели его как торт. Самая действенная угроза Машке в эти дни была: «Не будешь есть кашу, не получишь черного хлеба».

18 мая. Самый главный рынок Калькутты, — это, конечно, Нью-Маркет (Новый рынок). Не побывать на нем просто невозможно.

Фасад его, выходящий на Линдсей-стрит, декорирован красным кирпичом в псевдоготическом стиле, есть даже островерхая башня с часами. Историческое название рынка — «Стюарт Хогг Маркет» — в честь местного судьи, сэра Стюарта Хогга, чьими стараниями он был построен в 1874 году за смешную по меркам сегодняшнего дня сумму — 650 тысяч рупий. В 1909 году рынок был расширен и стал «Новым».

Он представляет собой крытый лабиринт, я бы сказал даже, миниатюрный город со своими улицами и переулками, только вместо домов здесь лавки

и магазины. Их более двух тысяч. Иногда улицы расходятся веером от круглых, красивых, ярко освещенных площадей, иногда образуют широкие проспекты. Как во всяком городе, здесь есть и подозрительные окраины, тупики, задворки, куда соваться не следует. В книге-альбоме Десмонда Хейга, журналиста и художника, тонкого знатока старой Калькутты, я прочел, что почамы по рынку и теперь еще бродит привидение старого Стюарта Хогга. Все правильно: как всякое порядочное готическое строение английского происхождения, рынок просто обязан был обзавестись собственным привидением. Эта полузабытая легенда хорошо передает аромат старой, викторианской Калькутты...

В центре рынка — яркое люминесцентное освещение, витрины, забитые дорогими товарами, золотом, драгоценностями; в дальних углах — керосиновый фонарь или свечка, тряпье на дощатом прилавке. Территория поделена на секторы. Тесно прижавшись друг к другу, лавки образуют улицы ювелиров, золотых и серебрянных дел мастеров, продавцов кожаных изделий, ковров, косметики и благовоний, китайского фарфора, тканей, поделок из слоновой кости, ценных пород дерева, детских товаров, а также чая, кофе, табака, книг, кукол, сувениров и бог знает чего еще. Отдельный сектор отведен продовольствию — овощам, фруктам, мясу, живой птице, рыбе. Отдельно — цветы. Товары всякие — местные, привозные.

Особо надо сказать о марках. В Дели они предназначаются для продажи непритязательным туристам и обращение с ними просто варварское: их наглухо «присобачивают» клеем к картонке, а сверху затягивают слюдой. Это — даром затраченные деньги, ибо марки безвозвратно испорчены. Даже мне, диллтанту, до слез обидно глядеть на эту дикость. Бесмысленно спрашивать у приказчиков о чем-либо, даже элементарных филателистических познаний у них нет. Я не сомневаюсь, что есть в Дели настоящие филателисты, но где-то далеко от магазинов и рынков.

Другое дело здесь, в Калькутте. В одном из секторов, между детскими игрушками и книгами, сидят несколько морщинистых дедов в теплых жилетах и пледах. Перед ними — небольшие чемоданчики, а в них — сокровища филателии всех стран, всех эпох. Если чего-то нет, закажите — через неделю будет. Осо-

бенпо полны наборы Британской Индии, ее бесчисленных карликовых княжеств, каждое из которых выпускало собственные марки, впрочем разнившиеся только надписями, так как основным изображением был всегда портрет королевы Англии. Есть подборки марок нашей страны, царских и советских, по очень разрозненным — тех, что удалось набрать у советских моряков и туристов. Много огромных, очень ярких и красивых лжемарок (т. е. не признанных Международным филателистическим союзом) арабских эмиратов с репродукциями произведений искусства, главным образом обнаженной натуры.

Наверное, только здесь можно собрать полную коллекцию марок крохотного гималайского королевства Бутан (они составляют важную статью его экспорта). Особенно красивы круглые, тисненные золотом по фольге марки с изображением монарха. Есть и такой курьез, как «звучащая марка» — крохотная пластинка с записью государственного гимна заоблачного королевства.

Одному марочнику я задал вопрос «на засыпку» — в Дели на него никто мне не мог ответить: можно ли достать марки «Азад Хинд» — редчайшую серию, выпущенную Индийской национальной армией Субхас Чандра Боса в Бирме в 1943—1944 годах? (Об этом интереснейшем и необычном политическом деятеле, которого мы почти не знаем, я давно собираю материалы, ведь с Калькуттой связана значительная часть его жизни.) Не моргнув глазом, марочник достал кляссер и показал мне подборку небольших, невзрачных марок. Но стоили они столько, что я честно признался: купить их не могу. Без всяких эмоций он убрал кляссер и попросил захаживать еще.

И в заключение о кули, толпящихся у входа. Они всех возрастов — от 10 до 50 лет. Становится не по себе, когда седой, изможденный мужчина умоляюще просит тебя: «Бабу́, найми меня, я — хороший бой!» Со своей плетеной корзинкой кули будет за 2—3 рупии ходить с вами столько, сколько вам надо, — таково правило. Он же проведет вас к магазинам. Единственное неудобство — каждый из них «завязан» на определенных хозяев и норовит вести именно к ним, упорно «не замечая» других магазинов. Впрочем, если вы заупрямитесь, он покорится.

Удивительна их способность подхватывать у ту-

ристов словечки и выражения на разных языках. Они пользуются своим словесным багажом так умело, что иногда кажется, будто они все языки на свете знают. В нынешний сезон в русском лексиконе зазывал особенно активно употребляются заимствованные, по-видимому, у наших специалистов из Бокаро, перлы: «Отвали, моя черешня!», «Бери, дура, дешево!» А один паршивец, увязавшийся за мной, пустил вслед с совершенно русской интонацией: «Самому жрать нечего?»

20 мая. Вчера Индия взорвала атомное устройство. В газетах тоже взрыв восторга. Карикатура в «Амрита Базар Патрика»: Индира Ганди поднимается на небо, где нежатся на облаках «избранные» — ядерные державы — США, СССР и другие и висит табличка: «Собакам и индийцам вход воспрещен». Много захлебывающихся статей на тему о том, что с Индией теперь шутить опасно (это в адрес Пакистана и Китая).

28 мая. Есть такой миф: от несправедливости людей и богов умерла любимая жена Шивы — Сати. Обезумев от горя и гнева, он взял ее тело на плечи и пошел куда глаза глядят по земле, содрогавшейся под его шагами. Никто из богов не смел подойти к Шиве, чтобы утешить его, уговорить расстаться с телом жены. И тогда другой великий бог — Вишну взял грозное оружие — чакру (литой диск с режущими краями), бросил ее и разрубил тело Сати на 52 части, которые разлетелись во все края света. Места, где они упали, стали священными для индуистов, ибо несли часть духа Сати. Одна из частей (мизинец ноги) упала в чаще непроходимых бенгальских джунглей. И там был выстроен один из самых почитаемых в Индии храмов, посвященный грозной богине Кали, покровительнице Калькутты и всей Бенгалии. Это к нему шли пилигримы тропой, на месте которой ныне проходит Чоуриинги.

Индийцы уверяют, что храм Кали расположен совсем недалеко от нашей улицы — в получасе ходьбы, не больше. Поэтому сегодняшним воскресным утром мы с Виктором Метлевым встали пораньше и бодро зашагали на юг по бывшей паломничьей тропе. Сначала идти было легко — солнце жарило вполсилы. Менялись здания, рынки, рыночки, убегали в стороны переулки, но храма не было. Наконец между домами

мелькнули две башни из красного песчаника. Пошли туда.

На площадке сидят люди. Сверху доносится то ли пение, то ли плач. Спрашиваю жестом, можно ли войти. Кивают утвердительно. На галерейке снова кучки людей, сидящих прямо на полу. Похороны, что ли? Но тогда должна быть рядом река с гхатом — местом сожжения. Оглянулись — и вправду старушка лежит, спеленутая. В общем, бежали мы оттуда без оглядки. Выбравшись, увидели мост и реку. Это действительно был гхат при храме Кали. А сам храм прятался в боковой улочке за ветхими домишками.

И вот мы бредем по узенькой улочке, сплошь состоящей из лавчонок с сувенирами — статуэтками, бумажными иконками и лубками, брошюрами. Нас сопровождает густая толпа мальчишек, выпрашивающих бакшиш. Приходится пройти и через строй юродивых и калек, выставляющих напоказ свои болячки.

Храм Кали — массивный, серовато-белый двухступенчатый столп, высотой метров десять, с характерными криволинейными покрытиями, имитирующими деревенские бамбуковые постройки. Сооружен он сравнительно недавно, в 1809 году, а предыдущий, XVI века, находился ниже, в полутора километрах отсюда, на берегу реки Адиганги, превратившейся сейчас в мелкий ручеек.

В храм нас не пустили — здесь не любят (вполне справедливо) чужеземцев, праздно глазееющих на таинства мрачного и кровавого культа Кали.

Впрочем, оказалось, что заходить внутрь не обязательно. Можно зайти сбоку, в узкий проход между зданиями, и узреть богиню извне. Мы так и сделали, толпа молящихся на секунду раздалась, и я увидел метра в 7—8 от себя, в глубине алтаря, голову идола: три кровавых глаза на черном лице, белые зубы и свисающий красный язык. На шее богини были гирлянды цветов и... ожерелье из человеческих голов. И хотя они были, конечно, не настоящие, мне впервые в Калькутте стало не по себе... Отойдя от толпы, мы увидели кровавую дорожку, которая вела к невысокой стене из серого камня на южной стороне двора. Я заглянул туда — на сухой, пыльной земле стыли лужи крови. Это был жертвенный двор, где режут черных коз и петухов, чтобы поднести их грозной богине. В газетах можно наткнуться на сообщения о

том, что в глухих углах страны до сих пор ей приносят в жертву детей.

Уходя, я обратил внимание на большое дерево в углу двора, увешанное цветными лоскутами и камнями (в специальных петлях). Это «чампа» — «дерево желаний», ему приносят жертвы женщины, мечтающие родить сыновей и молящие об этой милости Мать Кали.

Да, мать. Великая Мать Кали — так зовут ее индусты. В отличие от христианства, где добро и зло четко разделены и противопоставлены, в индуизме боги дуалистичны и могут быть и благими, и страшными, несущими гибель и разрушение. Покровитель Бомбея — веселый, толстопузый Ганеша, в Дели почитают Вишну и Кришну, а покровительница Калькутты — Кали, чье имя слышится в названии города.

Кали («Черная») — одно из бесчисленных воплощений жены Шивы — Парвати. Прекрасная, добродетельная, даровательница благ и покровительница семейной жизни, Парвати может принимать различные облики. Когда на Земле умножается зло, она приходит в облике грозной и прекрасной Дурги. Но если богиня разгневана сверх меры, появляется самая страшная ее ипостась — Кали. Головой она упирается в небеса, три глаза налиты кровью и горят гневом, на шее развевается чудовищная гирлянда из черепов или отрезанных голов (мужских). Из отрезанных рук — ее набедренная повязка, в четырех ее собственных руках сверкают окровавленные секиры. Богиню сопровождает свора кошмарных женоподобных существ — пожирательниц трупов. Темными ночами ни один индеец не отважится прийти на гхат — там вершатся под покровом ночи чудовищные оргии спутниц Кали. И пока Кали не упьется вдоволь кровью жертв, никто во Вселенной — ни люди, ни боги не могут ее укротить и трепещут от ужаса. Только однажды, когда разбушевавшаяся богиня готова была в зловещем танце изничтожить Землю, муж ее Шива лег под удары ее ног, закрыв бедную планету своим телом. Так, во всяком случае, объясняют индийцы сюжет многочисленных лубочных картинок и статуэток, где Кали пляшет на поверженном муже. Впрочем, встречаются варианты с явно эротическими деталями, говорящие о первичном, ритуальном смысле сцены. В любом случае женское начало преобладает над мужским.

Бенгалия с глубокой древности является центром культов, почитающих Шакти, божественную женскую энергию, дающую начало всему сущему во Вселенной. И больше других богов здесь почитают воительницу Дургу и черную Кали. Осенью в их честь проходят грандиозные празднества — пуджи, которые я надеюсь еще увидеть.

Несколько слов о «душителях Кали» — тхагах. Известно, что английская администрация полностью справилась с ними только в конце 60-х годов прошлого столетия. А в декабре 1841 года князь А. Салтыков писал в «Письмах об Индии»: «Через 10 миль к нам присоединились 2 всадника лукновской * королевской полиции, которым было приказано охранять меня от тхагов, или душителей, индийской секты, наводняющей королевство».

В другом письме он подробно рассказывает о тхагах, и лучше него вряд ли можно рассказать. Поэтому просто выписываю:

«Дели, 9 февраля 1842 года.

...Позабыл я сообщить тебе несколько сведений о тхагах, которых я видел в лукновской тюрьме. Их там до 100, и все они в цепях. Ты знаешь, что эта секта проповедует учение, которое поставляет первую обязанностью убивать как можно более людей — для усмирения гнева богини Кали, богини зла и смерти. Индусы усердно поклоняются этой богине и изображают ее окруженной всеми смертными ужасами. (У меня есть рисунок, снятый с истукана Кали.) Эта секта, в течение тысячелетий остававшаяся неизвестной и недавно открытая англичанами, делится на три разряда: последователи первого — душат; последователи второго — поражают кинжалом в голову и бросают свои жертвы в наскоро вырытые ямы или колодцы; последователи третьей — отравляют хуккой и в случае надобности докалывают копьем. Виденные мною тхаги по большей части были душители.

Одно из этих чудовищ задушило на своем веку более 600 несчастливцев и, сидя в тюрьме, с похвалой сознавалось в этих безобразных подвигах. Несмотря на это, наружность его, по крепкому складу тела, по опрятности одежды, по степенной и даже важной осанке, имела в себе что-то внушающее уважение.

* Лукнов — так писалось тогда название города Лакхнау.

1.му было около 60 лет. Жена и дети не покидали его, окружали заботливостью и ласками. Недавно умер в тюрьме его товарищ, также почтенный старец, который славился кабалистическим числом 999 погубленных им душ. У меня есть его портрет, превосходно снятый одним туземцем.

...Тхаги признают все средства позволительными для достижения своей цели: обманы, ложная клятва, самые ужасные коварства им нипочем. Они вкрадываются в доверенность путников, вызывают их на дружественные отношения, охраняют от собратьев своих и, посвящая им себя в продолжение нескольких месяцев, в удобную минуту, в благоприятном, по признакам летящего ворона или воющего шакала, месте приводят давно задуманное намерение в исполнение. В начале открытия секты англичане захватили человек 20 тхагов, которые и были приговорены к виселице. Преступники просили позволения исполнить приговор собственными руками. Им это дозволили: они связали несколько кусков полотна, обертели им шеи, бросились в разные стороны и задушили себя. Одному удалось вырваться, но он тотчас же был схвачен солдатами и повешен».

Почему-то именно в таком ужасном месте, как храм Кали, родилось удивительно жизнерадостное искусство: лубочные картинки типа, который нигде больше не встречается и называется «калигхатским лубком».

Богатые собрания калигхатского лубка хранятся не только в музеях Калькутты и Дели, наш московский Музей изобразительных искусств также может похвастаться неплохой, в 50 с лишним листов, подборкой. Ее подарил Кабинету гравюры (ныне Отдел гравюры и рисунка) замечательный ученый и неутомимый путешественник Д. А. Ровинский (1824—1895). В 1876 году, путешествуя по Индии, он разыскивал на ярмарках народные картинки и, конечно, не мог пройти мимо Калигхата. Тем более что в те времена они стоили дюжина — одну анну (анна была равна $\frac{1}{16}$ рупии, ныне не употребляется). А я уже не могу купить этих картинок — их можно найти лишь в антикварных магазинах рядом с золотом и слоновой костью, и почти по тем же ценам. А возле храма продаются обычные типографские поделки.

Индийские исследователи считают, что калигхат-

ский лубок появился в начале прошлого столетия и окончил свое существование в 30-е годы нашего века. Традиционно возле храма Кали продавались сувениры — статуэтки из дерева, бронзы, глины. Они были дороги и неудобны для транспортировки, ведь большинство паломников были бедными людьми и шли пешком. Капиталистическая эпоха выбросила на рынок сувениры, обладавшие двумя свойствами — дешевизной и быстротой изготовления. Что же касается сюжетов, стилистики, техники, то они были заимствованы лубком у типично бенгальского народного «изобретения», так называемых патуа — длинных бумажных свитков, своего рода комиксов, изображающих эпизоды из жизни богов и героев. Бродячий певец или рассказчик, излагая текст, постепенно разворачивал свиток для иллюстрации очередного эпизода. Патуа отличались яркостью красок и лаконизмом исполнения, но требовали для изготовления немалого времени — до нескольких недель.

Калигхатский лубок довел лаконизм изображения и цвета до предела. Фон здесь отсутствует, изображены очень крупно лишь одна или две фигуры. Обрисованы они несколькими скупыми, но удивительно точными и красивыми линиями. Иногда рисунки оставлены без окраски, иногда выкрашены на манер русских лубков двумя-тремя очень яркими и чистыми красками. Встречаются экземпляры с попытками имитировать европейскую акварель — с полутонами и даже подрисовкой мелких деталей.

Содержание калигхатских лубков четко делится на две группы. Первая — лубок религиозный: изображения богов и полубогов — героев древнего эпоса — Шивы, Кришны, Вишну, Ганеши, Рамы, Кали, Дурги и т. д. Сюжетов сравнительно немного — несколько десятков. Зато невероятно разнообразна тематика второй группы, которую я бы условно назвал жанровой. Трудно понять, как родилось это полнокровное, брызжущее радостью жизни искусство рядом с культом грозной богини.

Главные герои этих картинок — так называемый «новый бабú», т. е. бенгалец-горожанин, уже тронутый европейским влиянием, — кучерявый, круглолицый, с тонкими усиками, а также его волоокие пышнотелые подруги. При этом, в соответствии с культом шакти — женского начала, издавна царящим в Бен-

галии, именно дамы являются активным и даже агрессивным началом в калигхатском лубке.

Вот красотка расчесывает перед зеркалом свои роскошные волосы. Купается в пруду. Дерется с соперницей. Бьет мужа. Врачует бабу, страдающего от последствий пьянки. А вот бабу сопровождает супругу на рынок, едет с нею на рикше. Вот раскачивает гамак, где блаженствует его благоверная. Вот англичанин, охотящийся на тигра. Бравый солдат с лихо закрученными усами и ружьем на плече. А каких чудесных животных, птиц, какие цветы, фрукты изображали безмянные мастера! Тигры, павлины, обезьяны, рыбы, слоны... Но больше всех покорила меня наглый, мордастый котиче, держащий в зубах креветку, родной брат нашего лубочного «Кота казанского» и другого кота — с лубка «Как мыши кота хоронили». Русский кот долго тешил почтеннейшую публику, как вполне безобидная картинка со смешным, в меру «соленым» текстом, и лишь в конце прошлого века великий знаток лубка Д. А. Ровинский доказал научно, что за внешне невинными прибаутками скрывалась злая сатира на похороны Петра I. Оказалось, что и калькуттский кот имеет «второе донышко». Сведущие люди обратили мое внимание на то, что на лбу у него — знак вишнуитского брахмана, а на шее — цветочное ожерелье. Непритязательная картинка оказалась сатирой на поповское ханжество. Как известно, правоверному брахману запрещено есть мясо и рыбу. Однако в Бенгалии брахманы охотно лакомятся рыбой, и по этому поводу существует едкая поговорка: мол, для этих... «лучший овощ — рыба».

29 мая. Первый «монсун» — муссонный ливень, для здешних мест немного ранний. С улыбкой вспоминаем мы дожди в Дели — хилые, чуть окропляющие тротуары. Дождь в Бенгалии — явление серьезное, это сплошная стена воды на несколько дней и ночей. Уже пятый день мы живем как в аквариуме. Все кругом раскисло, набухло — мебель, одежда, книги. Особенно плохо с книгами — корежатся на глазах; чтобы хоть немного просушить помещение, приходится без конца гонять кондиционер.

Ночью мы проснулись от грохота — ветром вырвало тяжелый брус, которым мы с вечера закладываем дверь комнаты. Мы вышли на залитую водой галерею, и в лица ударил мокрый и теплый ветер. И нам пред-

ставилось великолепное зрелище: Калькутта в синем блеске молний. Особенно красив был собор св. Павла в рамке из взъерошенных пальм.

И мерный, неумолкающий рокот ливня.

Страшны в эти дни улицы города. Калькутта построена на плоской равнине, поэтому стока нет и вода долго стоит на улицах, достигая иногда высоты 70—80 сантиметров. Улицы похожи на каналы, по которым могут передвигаться лишь рикши по пояс в воде со своими колясками. У машин заливают моторы, и они беспомощно глохнут.

Неприятная деталь. Вдоль калькуттских тротуаров тянутся сточные канавы, куда сливаются нечистоты. Даже в сухие дни тошно смотреть на подернутую пленкой черноту их поверхности. Во время наводнения содержимое канав всплывает и курсирует по улицам, так сказать, на общих основаниях.

На днях возвращаясь с работы пешком, я попал под дождь на сравнительно чистой Шекспир-сарани. Мне повезло — воды было только по колено, дождь был теплый. Так и шел — снизу вода, сверху вода, даже обувь не требовалось снимать.

30 мая. Закончилась победой 19-дневная забастовка железнодорожников, парализовавшая всю страну. И я получил наконец ящик с книгами, отправленный из Дели месяц назад. Дошел он в целости, только внутри все почему-то вымазано сажей и книги порваны.

Неожиданно стал реальностью наш отпуск. Уезжаем через шесть дней. По этому случаю устроили сегодня «отвальную» в ресторане «Ритц-Континенталь». Мужчины были, как положено, в пиджаках и галстуках (на улице 98-процентная влажность, дышать можно только через жабры). Попробовали великосветское блюдо — омаров; здесь, в Бенгалии, — обычный пункт меню — «омар, фаршированный пармезанским сыром». Мясо «зверя» вынимается из панциря, перемешивается с сыром и пряностями и снова изящно укладывается в панцирь, как в форму. Красиво и вкусно.

Забавен был «стриптиз по-индийски». Дамочка раздевается под музыку (европейскую, конечно), а под лифчиком и трусиками еще одни, телесного цвета. Приличия соблюдены, довольны все — и полиция, и посетители.

31 мая. В небольшом классическом особнячке неподалеку от Парк-стрит находится частная галерея «Субхом Арт Гэлери». Сегодня здесь открылась выставка «Эхо старой Калькутты». Цель ее, как было сказано при открытии, «показать, как выглядела Калькутта и как жили там люди в эпоху свечей и паланкинов».

Выставка очень напоминает наши историко-культурные выставки типа «Грибоедовская Москва» или «Петербург Достоевского». Из музеев и частных коллекций собраны картины, литографии, рисунки XVIII—XIX веков, изображающие старую Калькутту. Есть, конечно, Дэниелы, Б. Солвинс, Дж. Фрезер, Ч. Дойли, калигхатские лубки. Приятно было увидеть и литографию князя А. Салтыкова «Праздник Дурги в Калькутте». А особый колорит придают экспозиции вещи далекой эпохи, в основном из быта английского общества. Сам набор их заставляет то и дело вспоминать строки из «Евгения Онегина», особенно описание «уединенного кабинета» русского денди, схожего до мелочей с кабинетом денди лондонского и включавшего поэтому

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон шепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам.

Совсем как в московском или ленинградском музее, красовались на стендах изящные вещицы — лорнеты, табакерки, подсвечники, масляные лампы, бронзовые чернильницы и приборы, джентльменские несесеры с туалетными принадлежностями:

Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.

А местный колорит выставке придавали коллекция опахал и вееров, набор курительных приспособлений — хукк и кальянов — и даже великолепный паланкин.

Интересно, что в подготовительный комитет выставки вошли генконсулы Великобритании, Франции и СССР.

После выставки я пошел домой не по Чоуринги, как обычно, а углубился в сеть переулков, выжженных солнцем добела и пустынных. И неожиданно вы-

шел к зданию городского аукциона. Все там было как в старом романе: полутемный зал, живописный хлам, выставленный на продажу, грозный оценщик с молотком: раз, два, три... продано!

А подходя уже к дому, подумал впервые за эти месяцы: до чего же, оказывается, интересна эта чертова Калькутта! Эдак я ее еще и люблю.

5 июня. Завтра все-таки уезжаем. Беготня с билетами, с грузом. Духота стоит неопишуемая. По ночам яростные ливни. Днем — «парниковый эффект» — тотальная влажность, через несколько минут становишься мокрым насквозь. В офисе, в комнатах — устойчивый запах сырого погреба.

Газеты сообщили, что заместитель начальника тюрем штата был найден на собственной вилле запертым в шкаф. Голова лежала отдельно. Электроэнергию снова отключают утром и вечером. Жаркое лето продолжается.

6 июня. И все-таки уезжаем... Уехали!

9 августа. Вот и опять мы на нашей Бишоп-Лефрой-роуд.

Отпуск прошел как сон. Кроме Москвы были еще в Прибалтике. Жадно хватали ртами чистый прохладный воздух, удивляясь, что существует на свете такое чудо. Поражались малолюдьё (это в Москве-то!), чистоте улиц и обилию голых женских коленок (позже поняли, что в Индии-то все одеты в сари). И даже Дели на обратном пути показался нам почти неприлично чистым.

Но в Москве мы чувствовали себя гостями, временно пребывающими. И нет-нет, а мыслями мы то и дело возвращались в Индию: что-то там творится на нашей Лефрой-роуд, не сгнили ли заживо наши книги, и что нового в офисе, и какие новые фильмы идут в нашем любимом «Глобе»? Короче, мы чувствовали, что сейчас наш дом — в Калькутте.

15 августа. Все больше убеждаюсь, что Калькутта — это город культуры не только индийской, но и европейской. Очень заметно это, скажем, по музыке. Газеты то и дело печатают объявления о концертах знаменитых музыкантов, приезжающих из Европы и Америки, — пианистов, виолончелистов, скрипачей, да

и местных концертов с европейской программой не мало. Достопримечательность здешней музыкальной жизни — ежегодные «монсунные» концерты, в которых выступают и одиночные музыканты, и оркестры — симфонические и джазовые, и рок-ансамбли.

В этом году сезон начал «Калькуттский хор». Я слушаю его впервые и был поражен высоким профессиональным уровнем. Исполняли Брамса, Шуберта, русскую народную «В чистом поле», дважды, на «бис», «Эхо», негритянские спиричуэлс. Рафинированная публика, весь местный «свет» восторженно аплодировали. В составе хора индийцы и европейцы, по моему англичане. Но главное, руководит Калькуттским хором советский музыковед Татьяна Морозова. Может быть, это не такой уж случайный факт. Одним из первых знакомил жителей Калькутты с европейской музыкой еще в XVIII веке наш соотечественник Герасим Лебедев, музыкант, драматург, ученый. Я о нем пока знаю очень мало.

16 августа. Радость возвращения была очень недолгой. Чтобы не забывались, Калькутта напомнила о себе жестоким «лоуд-шеддинггом», о котором мы немного позабыли. Кроме света без конца отключают и воду. Снова скучаем на заднем дворе торгпредства, наполняем впрок ведра и кастрюльки, тащим по вечерам домой гору бутылок с водой, мажемся специально привезенным из Москвы антикомариным кремом «Тайга», который, похоже, пришелся по вкусу здешним москитам — они летят на него тучами... Даже вчера, в День независимости, ухитрились на несколько часов отключить свет.

18 августа. В числе главных приманок Калькутты туристические проспекты называют Мраморный дворец.

История его такова. Его построил в 1835—1840 годы раджа Раджендра Маллик Бахадур, представитель богатого и древнего рода здешних властителей, восходящего к середине XVII века. В три года юный раджа остался сиротой, и по решению Верховного суда его попечителем стал сэр Джеймс Хогг. Однажды он подарил мальчику пару красивых попугаев, не подзревая, что зажигает в нем на всю жизнь коллекционерскую страсть. Юный Раджендра Маллик начал скупать диковинных птиц, животных, благо, наследство было немалое, и населил ими большой сад вокруг

дворца. В клетках сидели занятные зверюшки, по дорожкам бродили павлины, на золоченых цепочках — роскошные попугаи. В саду было много гротов с сюрпризами, фонтанов и бассейнов с золотыми рыбками, мраморных причудливых статуй.

От природных чудес Маллик перешел к произведениям искусства. В прошлом веке корабли доставляли в Калькутту из стран Европы большое количество картин и статуй, которые охотно раскупались богатыми англичанами и индийцами. Раджа Маллик мало разбирался в искусстве, но деньги помогали ему одерживать победы на торгах и аукционах, и коллекции его быстро росли. Брал он, правда, без разбора — и отличные вещи, и третьеразрядный хлам. Кроме того, его агенты в Европе скупали живописные полотна, фарфор, хрусталь, серебро, мрамор. Так рос этот странный музей, слава о котором шла по всей Индии...

Сегодня Мраморный дворец и его коллекция принадлежат последнему отпрыску рода — Раджендре Лаллу Маллику. Он уже не так богат, как его предки, но гордо хранит два их завета: во-первых, двери «музея» широко открыты для бесплатного посещения всем — бедным и богатым; во-вторых, на протяжении многих лет регулярно организуется бесплатная кормежка для бедных людей. Говорят, что в былые годы их набиралось до трех тысяч.

А вот что увидели мы. Большой, когда-то красивый палаццо в итальянском стиле сегодня сильно обветшал, облицовка, как и всюду в Бенгалии, буквально съедена всепроникающей влагой. Сильно запущен сад. В относительном порядке находится лишь место для ежедневных религиозных церемоний. На газонах сохранилось немало бронзовых и мраморных статуй, изображающих античных богов и героев: тут есть Венера, Марс, Психея с Эротом, Геракл, Демосфен, Софокл. Но бронзовые статуи выкрашены дурацкой золотой краской — ни дать ни взять пионерский парк у нас в провинции. Мраморные же покрыты толстым слоем плесени и копоти, у многих недостает рук и голов.

Немалую часть сада занимает зоопарк, там есть зебра, лани, хорьки, пеликаны. На террасе в клетках томятся невероятных — чуть ли не в полтора метра ростом, ей-богу! — размеров попугаи из Латинской

Америки фантастической окраски — ярко-голубые с синим, красно-зелено-золотые, наверное очень дорогие, но грустные, грязные, заляпанные пометом. Звери тоже ободранные и голодные. В общем, впечатлительные тягостное.

У входа во дворец стоит стражник в красном мундире и тюрбане, но босой. Картинно взмахивает алебардой, предлагая войти. Оказываемся в холле, собственно, и давшем название дворцу — он облицован 90 различными сортами мрамора со всех концов света. Убранством он напоминает наши загородные дворцы, например Останкино, но, подняв голову, вместо лепнины и фресок видишь почерневшие деревянные балки, с которых трогательно свисают великолепные люстры венецианского стекла, правда давно не мытые. Затоптаны и покрыты пылью многоцветные мозаики полов.

Общее впечатление — пыльный чулан, где свалены разом ценные вещи и хлам. На полу возле стен стоят драгоценные китайские вазы вперемежку с облезлыми чучелами хорьков и лисиц. Заглянув в одну из ваз, я с отвращением обнаружил там засохшие трупы каких-то птенцов.

Особенно нестерпимо глядеть на картины. Их действительно много, висят они, как в старых европейских домах, «ковром» — без промежутков, вплотную друг к другу. Но перемешаны без разбора страны, жанры, эпохи, первоклассные и посредственные произведения. Много плохих пейзажей — итальянских и английских. Главная тема большинства картин — мифология, греческая и римская, больше всего — с обнаженной натурой. Полотна в ужасающем состоянии — съедены влагой и грибок, пузырятся и осыпаются, обнажая проплешины; рамы покорежены. Многие картины, думаю, уже погибли безвозвратно.

Гордость коллекции — полотно Рубенса «Свадьба св. Екатерины». Только его подлинность можно считать установленной, известна и его история: оно было подарено Калькуттской правительственной художественной галерее лордом Нортбруком, но в 1905 году, по прибытии в Калькутту, перехвачено семейством Маллик. Им предлагали даже выкуп в 15 тысяч фунтов, цену немалую, но они отказались. Не вызывает больших сомнений подлинность двух картин Рейнольдса «Венера и Купидон» и «Младенец

Геракл, душащий змей», а также картины Гейнсборо «Мальчик на ослике». Зато остальные работы, помеченные в каталоге именами великих мастеров, очень подозрительны, невозможно поверить в подлинность таких картин, как «Возвращение Улисса к Пенелопе» Пинтуриккио, «Венера и Адопис» Тициана, «Триумфальный въезд Цезаря в Рим» Мантеньи, «Мученичество св. Себастьяна» Мурильо, полотен, приписываемых Гвидо Рени, Веронезе и т. д. Да и приписываемые Рубенсу еще три полотна — «Минерва, подающая Аполлону любовный кубок», «Мученичество св. Себастьяна» и «Возвращение Улисса» — скорее всего просто поздние копии, даже не школа Рубенса.

Вход во дворец бесплатный, но очень докучает голодная и нищая челядь. Слуги не отстают ни на шаг — отпирают и запирают двери, что-то лепечут, якобы объясняя, а потом протягивают ладонь. При выходе из дворца босоногий страж вновь грозно взмахивает алебардой и... тоже просит бакшиш. Самого владельца Мраморного дворца не было — уехал куда-то, и мы были рады: не пришлось притворно восхищаться и врать этому достойному человеку (мы и вправду слышали о нем немало хорошего). Что же касается гибнущих аристократических усадеб и вишневых садов, то по этой части у нас в России опыт достаточно богатый...

23 августа. Недавно меня познакомили с настоятелем здешнего армянского храма отцом Акопом Гёкчяном, присланным из Эчмиадзина. Когда-то в Калькутте была довольно большая армянская община, но на сегодня осталось человек 50—60. Отец Акоп выглядел расстроенным, рассказывал о раздорах в общине, о косности быта прихожан, о том, что думают они не о душе, а о деньгах, и только о них. Пригласил меня посмотреть церковь, и сегодня я воспользовался его приглашением.

Церковь находится на Армянской улице, рядом раскинулся овощной базарчик. Отец Акоп был очень гостеприимен, рассказал и показал вещи удивительные. На месте, где сейчас стоит церковь Назарета, было когда-то армянское кладбище. Много старинных его надгробий с армянскими и английскими надписями сохранилось во дворе, некоторые вмурованы в пол церкви. Отец Акоп показал мне самое древнее

надгробие, датированное 11 июля 1630 года, — оно на 60 лет старше самой Калькутты! Здесь покоится Разабиби Сукьяс, но кто она была, где и почему умерла, уже никто не знает.

Армянская церковь, не нынешняя, а старая, деревянная, была построена на средства, собранные по подписке, в 1707 году неким Левонем Гевондяном, специально приглашенным из Персии. В 1724 году ее заменила каменная, дожившая до наших дней. Это типичный армянский храм, но сложенный не из туфа, а из кирпича и по-калькуттски выкрашенный в желтый цвет. Внутреннее убранство аскетично в отличие от русско-греческих или католических храмов. На алтаре — крест и 12 подсвечников, символизирующие Христа и апостолов, какие-то фрукты, кокосовые орехи, цветы (отец Акоп объяснил, что на днях праздновался День урожая). Алтарь украшен тремя картинами, написанными английским художником А. Харрисом, — «Троица», «Тайная вечеря» и «Пеленание тела Христа», довольно ординарными.

Настоятель рассказал, что в Калькутте есть Армянский колледж (совсем недалеко от нас, на Фри-Скул-стрит), издается журнал на армянском языке. Узнав, что я привез с собой слайды с видами Армении, он пригласил прийти как-нибудь в общину — показать местным армянам прародину. И совсем смешно пожаловался, что с родины ему шлют для представительских нужд почему-то только молдавский коньяк. «А мне хочется угостить своих гостей армянским коньяком», — улыбнулся он.

25 августа. Был свидетелем ссоры между рикшей и седоком, в которой проиграл все-таки рикша.

Рикша — печальная достопримечательность Калькутты, и только ее одной: во всей Индии «человек-лошадь» ликвидирован как наследие проклятого колониального прошлого и заменен такси или, на худой случай, велорикшей. Но в Калькутте рикши остались — есть данные, что эта профессия кормит до трех миллионов человек. Пробовали было разогнать их в законодательном порядке, но профсоюз рикш весьма горласт и с помощью коммунистов поднял такую бучу, что власти, махнув рукой, отступились.

Профессия рикши проста: легкая коляска на двух больших колесах со спицами, небольшой складной кабинкой на случай дождя или солнца и пара длинных

оглобель — вот его транспорт, приводимый в действие мускульной силой. Коляска — отнюдь не собственность рикши, он чаще всего арендует ее у хозяина и платит ему проценты с выручки. Коляска рассчитана на одного седока, но очень часто можно видеть, как две многопудовые матроны втискиваются в нее, чтобы сэкономить несколько пайс. И полуголый, голодный человек волочет свою ношу по раскаленным улицам. Самое страшное, это когда на пути его попадается подъем — он хрипит, задыхается, на ногах вздуваются жилы. Охотно нанимают рикш школьники — в коляску набиваются 5—6 чистеньких мальчиков и девочек в белых рубашечках и синих галстуках и, посасывая мороженое, спокойно катят на человеке-лошади.

С советскими людьми у рикш отношения сложные. Ездить на них строжайше запрещено, вплоть до высылки генконсульством в 24 часа — советский человек не должен унижать индийских братьев. Так-то это так, но индийские братья считают нас скупердяями, жалеющими пару рупий, жизненно необходимых рикше. Он долго плетется за вами сзади, что-то приговаривая, доказывая, потом зло плюет и поворачивает назад.

Рикши — самый дешевый и надежный транспорт, которому не страшны ни жара, ни наводнение. Если такси обойдется вам, скажем, рупий в 30, то рикша на это же расстояние поедет за 5. Поэтому ему суждена еще долгая жизнь на улицах Калькутты.

Дневной заработок рикши — 10—20 рупий в лучшем случае. В худшем его семья ложится спать натошак...

В газетах сообщение: ООН признала Калькутту вторым по загрязненности городом мира. Оказывается, есть и хуже — Карачи. За Калькуттой идут Лахор и другие города, почти все — азиатские.

26 августа. В только что открытом, самом современном концертном зале города — Рабиндра Садане (по-нашему это звучало бы как «Дворец культуры им. Рабиндраната Тагора») начались гастроли одного из самых прославленных танцевальных коллективов Индии — балетной труппы Удая Шанкара. Как ни странно, но она не имеет постоянного помещения и вынуждена скитаться и снимать для репетиций и спектаклей случайные залы. Удержу слова возмущения,

памятуя, что у нас очень долго не имел крова, например, замечательный театр Аркадия Райкина...

Имя Удая Шанкара известно далеко за пределами Индии. К стыду своему, я узнал о нем лишь здесь, в Калькутте, — ведь в нашей стране о нем почти никто не знает. Это тем более обидно, что в его судьбе сыграли важную роль два великих русских мастера — Анна Павлова и Михаил Чехов.

Удай Шанкар родился в 1900 году в семье министра при дворе махараджи Джхалавара (карликовое княжество, которое располагалось на территории нынешнего штата Раджастхан). Отец его был широко образованным человеком, знатоком санскрита, философии, поэзии, а также неплохо музицировал, пел и сочинял пьесы для самодеятельного театра, который организовал в своем доме. По его совету старший в семье сын — Удай, проявивший ранние способности к живописи и музыке, поехал учиться в Лондон в Королевскую школу искусств.

Однажды, уже в 1928 году, отец Удая приехал в Лондон, где задумал осуществить свое давнишнее желание: показать жителям столицы индийский балет. С помощью индийцев, живших в Лондоне, был создан танцевальный номер на темы из жизни двора Великих Моголов. Художником декораций (точнее, слайдов, их заменивших) и исполнителем одной из главных ролей выступил Удай. Этот спектакль стал поворотом в его судьбе: здесь молодого танцовщика впервые увидела великая Анна Павлова.

Анна Павлова была в Индии дважды. В 1921 году ее выступления произвели фурор в концертных залах Калькутты, Дели, Бомбея. Восхищению индийцев, впервые увидевших высочайшего уровня классический русский балет, не было пределов. В свою очередь, великая балерина проявила интерес к индийской культуре, особенно к индийскому танцу. Увы, никто не смог его показать, он исчез из общественной жизни; интеллигенция, увлеченная европейским искусством, забыла о его существовании.

В 1928 году Анна Павлова вторично приехала в Индию. Посетив пещерные храмы Аджанты и Эллары, она загорелась мыслью поставить балет на индийскую тему. И тут она встретила Удая Шанкара. Плененная грацией и талантом молодого индийского танцовщика, она пригласила его сотрудничать. Вмес-

те с Удаем Шанкаром и композитором Камалатой Баннерджи, написавшей музыку, Павлова создала балет «Восточные впечатления», состоявший из двух частей: «Танец Радхи и Кришны» и «Индусская свадьба». Роль бога-пастушка Кришны играл Удай Шанкар. Спектакль был показан в Индии, Европе и США.

В труппе Анны Павловой молодой танцовщик в совершенстве освоил традиции русского балета и решил посвятить ему жизнь. Однако великая балерина посоветовала ему искать собственный путь и создать труппу индийского танца, так незаслуженно забытого на родине. «Слова Павловой были для Удая равны шоку, но именно они заставили его начать борьбу за самого себя», — писал в воспоминаниях его брат.

Вернувшись в Индию, Удай развернул бурную деятельность. Он объехал всю страну, стремясь отыскать следы великого искусства. И на юге Индии, на Малабарском побережье, он увидел танцы в стиле катхакали, сохранившиеся с древних времен. В течение многих месяцев он был учеником гуру Шанкарана Намбудри, одного из последних мастеров, оставшихся в живых. А освоив мудрости древнего искусства, создал «Труппу индийского танца и музыки под руководством Удая Шанкара».

В 40-е годы, продолжая свои эксперименты, Удай Шанкар побывал в школе, открытой известным русским актером Михаилом Чеховым, воспитанником МХАТа, в Дартингтон Холле. Он внимательно изучал актерскую технику Чехова, пластику жестов и движений, педагогические методы. Они часто встречались и стали друзьями.

Один за другим ставились спектакли, посвященные эпизодам из богатейшей сокровищницы древнего эпоса, а позже — новой истории, главным образом борьбе за национальное освобождение. Слава ансамбля росла с каждым годом и перешла границы Индии, ему аплодировали многие столицы мира.

Удай Шанкар сегодня окружен всеобщим почетом, но уже отошел от повседневной работы — дают себя знать годы*. Ансамблем руководит его жена Амала Шанкар. Труппа много ездит по всему миру, поэтому гастроли на родине — событие, как для нас — редкие концерты ансамбля И. Моисеева или «Березки».

* Удай Шанкар умер в 1977 году.

В этот вечер было два отделения. Первое — своего рода разминка, небольшой балет «Несчастливая охота», трогательная история о мальчишке, случайно убитом царем во время охоты. Все роли исполняли дети, ученики студии. Среди них была и представительница нашей страны — узбекская девочка Гюзель, дочка заведующего Горьки Саданом — нашим Культурным центром.

А во втором отделении нам выпало счастье увидеть прославленную «Читрангоду» Рабиндраната Тагора — первую в истории индийского театра «танцевальную драму».

«Танцевальная драма» — удивительный жанр, неизвестный в Европе. Именно так пометил Тагор свой спектакль, написанный в 1936 году для музыкального театра. Под этим термином вошло в индийское искусство новое явление, и наиболее блестящим воплощением его стали работы Удай Шанкара и его труппы. «Танцевальная драма» — это синтез искусств, объединяющий в единое целое поэзию, музыку, драму, балет, а у Удай Шанкара еще и кино.

К «Читрангоде» Тагор написал кроме текста и музыку, и песни, и сам был режиссером первой постановки. В ней рассказывается о любви богатыря Арджуны (персонаж из «Махабхараты», один из братьев Пандавов) и девушки-охотницы Читрангоды. Он пренебрегает чувством скромной девушки, живущей в лесной хижине и похожей больше на мальчишку, и тогда Мать Кали после горячей молитвы девушки превращает ее в красавицу царевну, блещущую золототкаными нарядами, в которую Арджуна мгновенно влюбляется. После ряда перипетий великий, но, как все мужчины, недогадливый богатырь начинает наконец понимать, что роскошные одежды и пышная плоть — не самое главное, и мудрая богиня возвращает Читрангоде ее прежний облик.

Внешне представление выглядит как пантомима, совмещенная с балетом под музыку и пением за сценой. Декораций почти нет, они ограничены символическим деревом, означающим лес, или тронем, означающим дворец. Удай Шанкар использует также слайды, проецируемые на экран, и игру света. К сожалению, для европейца, смотрящего «танцевальную драму», львиная доля, так сказать, информации пропадает: он не понимает текста песен и комментариев, пою-

щихся на бенгали, он не понимает условного языка мудр (положений пальцев) и жестов, говорящих индийцу не меньше, чем словесный текст. Остается прекрасный, блестяще поставленный балет, исполняемый красивыми девушками и юношами в красивых одеждах. Но даже в таком усеченном виде он захватывает, и понимаешь, что перед тобой образец высокого искусства.

Главную роль — Читрангоды играла внучка Удая Шанкара — Мамата Шанкар *. После спектакля вышел на сцену сам маэстро. Он был встречен бурей оваций. Несмотря на свои 70 с лишним лет, он прям, строен и легок в движениях.

28 августа. Ходили на фильм с загадочным названием «Джек-Фрост». Оказалось, это наш родной «Морозко» с Инной Чуриковой и другими хорошими актерами. Если детский фильм сделан хорошо, то он понятен и интересен детям в любой стране. Поэтому билеты были распроданы на несколько дней вперед, зал набит детьми и родителями, и ребятня горячо переживала приключения героев в валенках и зипунах.

2 сентября. Поездка в храмовой комплекс Дакшинешвара. Он находится довольно далеко за городом, на севере. Храмов — 13. Главный вызывает ассоциации с типичным русским собором прошлого века, каких немало строилось в маленьких городках, — стройный, белоснежный, очень строго, в меру украшенный, только к православному пятиглавию добавлены еще четыре купола. Интересно, что англичане принимали довольно активное участие в строительстве. И участок под храмовой комплекс на берегу реки был охотно продан городу его владельцем — адвокатом Верховного суда Хасти. Средства на строительство дала богатая набожная вдова Рани Расмани. Оно началось в 1847 году, а в мае 1855 года состоялось торжественное открытие с бесплатным угощением для нищих.

Внутри храма на тысячелепестковом лотосе литого серебра распростерт Шива. На груди его стоит фигура богини, вырезанная из черного базальта. Здесь Кали не так страшна, как в старинном храме, и выступает в ипостаси «Спасительницы мира» («Бхава-

* В 1976 году она сыграла одну из главных ролей в знаменитом фильме Мринала Сена «Мригайя» («Королевская охота»).

тарини»). Со ступеней главного входа богиня видна очень хорошо.

Остальные 12 небольших храмов, совершенно одинаковых и напоминающих наши кладбищенские часовни, расположены в два ряда по обе стороны широкого, очень чистого двора. Все они посвящены Шиве. Сегодня, в воскресный день, народу здесь очень много — приходят целыми семьями, но характерная для Бенгалии деталь: огромная толпа окружает храм женского божества, а в храмах Шивы почти никого нет. Много нищих и юродивых, успешно отравляющих прогулку. В тени огромного дерева, на ветвях которого восседают сотни обезьян, отдыхают обессиленные жарой люди. По сравнению со старым храмом все здесь более цивилизованно, что ли.

С Дакшинешварой связаны имена двух замечательных религиозных мыслителей. Здесь жил и выполнял обязанности жреца Кали реформатор индуизма, святой и мистик Рамакришна Парамаханса (1836—1886). Здесь же жил и работал его ученик — философ и религиозный реформатор Свами Вивекананда (1863—1902). Их кельи сохранены до сих пор.

Свами Вивекананда стал известен после своей сенсационной речи на Всемирном религиозном собрании в Чикаго в 1893 году, в которой говорил о духовном вырождении Запада, о том, что свет Веры и Знания брезжит с Востока, из Индии. Он умер внезапно, совсем молодым, но имя его стоит в ряду выдающихся мыслителей нового времени. Вивекананда стал основателем нового религиозного течения — неоведантизма. Не буду излагать его содержание, но в грубом приближении можно сказать, что в основе его лежат модернизированные Рамакришной идеи индуизма. Сын своего народа, Вивекананда всю недолгую жизнь посвятил борьбе против кастового, классового, религиозного и расового неравенства людей в Индии, но он считал себя ответственным за судьбы всего человечества. Его учение было одним из вариантов вековой мечты о человеческих отношениях, которые основаны на взаимном уважении, признании человеческой личности в качестве наивысшей ценности, идеалов дружбы, братства и справедливости.

Для пропаганды нового учения Вивеканандой были созданы монашеский орден Рамакришны — Белур Матх и связанное с ним религиозно-просветительское

общество Миссия Рамакришны. Цель их — всемерная гуманизация человеческих отношений через распространение образования, культурно-просветительскую деятельность и благотворительность. Одно из ведущих отделений Миссии — Институт культуры, основанный в 1938 году. Он ставит целью пропаганду индийской культуры и развитие культурного сотрудничества Индии с другими странами*.

Главный храм Миссии Рамакришны находится на окраине Калькутты в местности, называемой Белур (отсюда и название монашеского ордена — матха) — Белур Матх. Мысль Вивекананды о том, что его учение должно не замыкаться, как старые религии, в узкие рамки своей исключительности, а быть открытым всем, своеобразно воплощено в архитектуре огромного здания, построенного в 1899 году и соединившего черты христианской церкви, индуистского храма и мусульманской мечети. Если смотреть на храм с различных точек, он представляется то одним, то другим, то третьим.

Внутреннее убранство храма исключительно строго: гладкие, без украшений, стены, огромное полированное пространство каменного пола. На месте алтаря — одинокая статуя сидящего Рамакришны (говорят, что в ней спрятана урна с прахом святого). Это все. Доступ в храм открыт всем. В результате там нет никого — ни индуистов, ни христиан, ни мусульман..

3 сентября. В Западной Бенгалии ухудшается продовольственное положение — весь север штата залит дождями. В соседней Ориссе катастрофа противоположного свойства — засуха погубила урожай. Газета «Стейтсмен» сообщает, что на 31 августа в Мединапуре, Алипурдваре и других городах штата умерло от голода 82 человека.

9 сентября. Сообщения о голоде множатся. Правительство обещает организовать передвижные кухни для голодающих. По Калькутте разъезжают пикапы с мегафонами, с которых что-то хрипло кричат на бенгали, видимо, призывают жертвовать деньги на голодающих.

* По данным 1987 года, в мире функционировало 124 отделения Миссии. В июне 1988 года в Москве состоялось торжественное учреждение Общества им. Вивекананды по изучению индийской культуры в СССР.

10 сентября. В деревне Мугберис (район Мединапура) крестьянка убила и съела своего ребенка, чтобы утолить голод («Амрита Базар Патрика» от 10 сентября). В той же заметке сообщается, что в деревнях продают детей по 5 рупий (цена билета в кино). Говорят, что толпы людей идут на Калькутту, съедая на своем пути все — траву, лягушек, крыс.

11 сентября. Они появились в Калькутте — черные, какие-то обугленные люди с пустыми глазами. Они садятся на пыльные тротуары под стены домов и замирают. На некоторых перекрестках стоят котлы с бесплатным варевом. Я даже видел рацион на человека — столько-то дала (гороха), муки, овощей и перца. Но к котлу, рассчитанному на 150—200 человек, приходит 700—800, поэтому, чтобы всем хватило, туда нещадно льют воду и разливают эту жижицу в подставленные черепки и консервные банки.

На углу нашей Бишоп-Лефрой-роуд стоит целая семья — он, она и шестеро детей, двое из них — грудные. Они, судя по круглым лицам, с севера штата. Целые дни семья просит подаяния у прохожих, но робко, непрофессионально, видно, что эти люди и вправду попали в беду. Дважды мужчина протягивал руку в окно машины, но у меня ничего с собой не было. Вечером мы собрали старую одежду, обувь, еду, и я отнес большой узел на угол. Он как будто ждал — пошел навстречу, взял узел, спокойно, не униженно, поблагодарил и пошел к семье.

12 сентября. Всю ночь шел дождь, а к 12 часам дня превратился в стену воды. Улицы снова затоплены, машины стоят, ходят лишь автобусы, да рикши бродят почти по пояс в воде. Я взял фотоаппарат, чтобы заснять эту бенгальскую Венецию, и наехавший автобус окатил меня могучей волной, хорошо, что я инстинктивно закрыл рукой объектив.

Когда дождь затихает, становится еще хуже — начинает парить, сквозь пелену испарений жжет тяжелое солнце. Ощущение — как будто движешься в горячем, густом бульоне. А вокруг ободранные, съеденные влагой до самой дранки стены, жидкая грязь на тротуарах, где сидят отчаявшиеся люди.

14 сентября. Ездил в порт встречать груз бумаги, но судно не пришло. Калькуттский порт, самый крупный в Индии, — это целый мир со своими нравами, со своей отдельной, ни на что не похожей жизнью,

закрытой для посторонних. Я увидел лишь скользкие пирсы да куда хватало взгляда — силуэты судов со всего мира. А на обратном пути — портовый район Гарден-Рич, воспетый в балладах Р. Киплинга:

Когда глазастый выплыл труп
У стенки в тишине,
Чтоб в Гарден-Риче затонуть,
А в Кеджери сгнуть вполне,—
Что Хугли мели нашептал,
Мель рассказала мне...

«Гарден» — по-английски «сад». Никаких садов здесь нет и в помине. Я увидел угрюмые даже для Калькутты, страшные, исхлестанные водой кварталы, черные остовы старых, еще прошлого века, складов, чудовищные, на много сотен метров, ряды трущоб — нор, душегубок — язык не поворачивается назвать это человеческим жильем. Фотографировать нельзя — тут же летят камни. Из машины мы не выходили, но я попросил на минуту остановиться напротив одной из построек. Она была сделана из листов ржавой жести, старых картонных ящичков, уже расплзшихся от влаги, кусков мешковины, скрепленных гнилыми веревками. Из черной дыры входа глядели на меня ненавидящие глаза. Запах был жуткий — смешно говорить о канализации, все нужды справляются на месте, тут же валяются дохлые крысы и собаки. По улице мимо нас брела совершенно голая, синяя от холода старуха, на лице — печать безумия, местная сумасшедшая или святая...

Когда мы были уже достаточно далеко от портового района, я увидел на одной улице странную картину: люди подходили к какой-то точке тротуара и... исчезали. Так мы открыли невиданный доселе рынок — подземный. В земле прорыты узкие ходы, целая сеть, перекрытая толем, по ним с трудом может протиснуться один человек. На прилавочках в углублениях-пещерках, тускло освещенных керосиновыми фонарями, сидят, поджав под себя босые ноги, хозяева «лавок». Это рынок контрабанды — японских, гонконгских, сингапурских товаров: яркие тряпки, транзисторы, счетные машинки величиной с ладонь, изящные игрушки, красивые, бесполезные и очень дорогие.

На прилавках товаров нет, лежат для отвода глаз всякие мелочи — заколки для волос, куколки, брелки. Методика торговли проста. Говоришь, что тебе надо,

например японский транзистор. «О'кей, сэр, подождите!» Куда-то в темноту высылается мальчишка — «бой». Через десять минут тащут коробку с отличным «Соши».

24 сентября. А фешенебельная Калькутта живет полуевропейской жизнью, как будто ничего не зная о своих пасынках. Продолжаются «монсунные концерты». В Лоретто-хаус выступает пианистка Дорис Ротмунд из ФРГ: Бетховен, Шуман, Лист, Равель, Дебюсси. И слушают, да как еще слушают!

29 сентября. Еще два концерта. 6-й «монсунный» — Джордж Гудмен, негритянский баритон, питомец Бруклинской музыкальной академии. 7-й «монсунный» — два джазовых ансамбля, на этот раз местных, любимцы калькуттской молодежи. Один я уже слышал — под управлением Браса Гонзалеса, он выступает по вечерам в отеле «Хиндустан». Если на концертах «серьезной» музыки присутствует в основном «бомонд», то на этот раз зал был до отказа забит студентами; стояли снаружи у всех окон, в коридорах, висели на подоконниках. Все окна были, конечно, открыты, и лужайка была густо усеяна теми, кто не попал внутрь. Репертуар, аппаратура, манера игры у ребят — самые современные. После каждого номера — рев восторга, когда кажется, что вот-вот рухнут готические своды старого зала.

30 сентября—5 октября. Началась эпидемия «калькутского гриппа». Приехал на обед домой и свалился без сознания, температура под 40°, болят глаза, голова. Самое неприятное ощущение — болит кожа на теле и голове, как будто обожжена, больно шевелиться, даже прикосновение простыни — как укол.

11 октября. С трудом прихожу в себя, большая слабость. По вечерам часто ходим в парк у Виктория-мемориал. Там, как всегда, мало людей, нет нищих и попрошайек, чисто и прохладно. Почти как в московском парке, только вместо берез и сосен машут листьями пальмы.

Чинно гуляем по дорожкам, вызывая улыбки индийцев — никак не можем привыкнуть, что здесь можно ходить по газонам и даже сидеть и лежать на них: трава коротко подстрижена и выдерживает любую тяжесть. Садимся на берегу пруда, подплывают водяные змеи и, высунув из воды головки, с любопытством нас рассматривают.

12 октября. Сегодня на главпочтамте, красивом здании начала века с серебристым куполом, производилось спецгашение марок и конвертов, посвященных 100-летию Н. К. Рериха. Марку индийцы оформили скромно, но с большим вкусом — на белом фоне золотая медаль с профилем Рериха. По просьбе генконсула готовлю сообщение о Рерихе (со слайдами) для музея Академии изящных искусств.

Днем мы были на выставке-продаже поделок и сувениров, организованной Советом социального страхования. Вырученные от продажи деньги пойдут на благотворительные цели. Но все эти выпиленные из фанеры рамочки, композиции из ракушек, вышивки и т. д. производят жалкое впечатление и смахивают на обычное нищенство. Они сделаны руками несчастных стариков и старух, ютящихся при ашрамах (монастырях) и в домах престарелых. Выставка эта — как вопль о помощи.

Несколько дней назад ко мне подошел на Чоуриинги молодой парень и предложил посмотреть его акварели. Они оказались очень красивыми, хотя чуть «приторными» — морские сценки всякого рода: буря, «шикарный» багровый закат, лунная дорожка на волнах и т. д. Я позвал его в торгпредство, и там возле подъезда его работы мигом расхватали, тем более что просил он очень недорого — 20—25 рупий за лист. Одну наиболее лаконичную по цвету вещицу — ночь на Бенгальском заливе — взял и я. По пути в торгпредство Биджой (так звали парня) рассказал мне, что он студент Института искусств и ремесел «Читрангсу». Грядет сессия, и за прием каждого экзамена нужно заплатить господину профессору 200 рупий. Вот так. Услышали бы об этом наши лодыри, за которыми гоняется учебная часть, умоляя сдать экзамены да еще платя стипендию!

Биджой пригласил меня в институт на выставку-продажу студенческих работ. Сегодня мы на ней побывали после благотворительной. Уровень вполне профессиональный, представлены фаянс, батик, дерево, акварель, вышивка. Ребята хорошие, но горизонт у них очень узок, каждый погружен только в избранный участок ремесла и больше ничего не хочет знать. Европейского искусства, не говоря уже о русском и советском, они почти не знают, да и своего тоже. После окончания — никаких гарантий или распределений.

Получай диплом — и плыви на все четыре стороны.

13 октября. Много месяцев люблюсь с нашей галереи собором св. Павла, но только сейчас зашел наконец внутрь.

Собор построен в 1839—1847 годах на средства, данные Ост-Индской компанией, епископатам Калькутты, муниципалитетом, а также собранные по подписке среди английского населения. Это кафедральный собор англиканской церкви в Индии. В 1934 году его сильно потрянуло во время землетрясения, и майор инженерных войск Бенгалии У. Н. Форбс разработал проект реставрации и частичной перестройки, взяв за образец башню «Белл Гарри» в Кентербери. Под его руководством собор был успешно восстановлен и приобрел нынешний вид. Это спокойная бетонно-серая громада в псевдогоготическом стиле, как будто перенесенная рукой великана из Англии на берега Хугли. Внутреннее оформление аскетично, как полагается у протестантов, но в храме светло и уютно. У входа масса объявлений о собраниях прихожан, о концертах западной музыки, о репетициях хора. На скрипучих, черного дерева скамьях лежат вышитые подушечки, молитвенники. Вдоль восточной стены — ряд мозаичных панно из жизни св. Павла. Очень интересно большое западное окно с витражом по рисунку Э. Берн-Джонса, лидера английских прерафаэлитов — своеобразного «ретро» в английской живописи конца прошлого века. На стенах боковых притворов прикреплены памятные таблички с автографами знаменитых людей, в том числе У. Теккерея и лорда Керзона.

14 октября. Голод в Западной Бенгалии и Ориссе нарастает. Газеты переполнены репортажами и страшными фотографиями из районов. Ходят слухи, что через границу просачиваются беженцы из соседней Бангладеш, где тоже неурожай.

Голод — давнишнее проклятье Бенгалии, богатейшей, плодороднейшей земли. Обычно мы считаем виновными колонизаторов. По-видимому, дело здесь гораздо сложнее, не в моей компетенции разбираться, но несомненно одно: в чудовищном голоде 1943 года, самого черного в истории многострадальной Бенгалии, колониальные власти сыграли позорную роль своей преступной беззаботностью перед лицом надвигающейся катастрофы и нежеланием хоть что-то сделать, чтобы приостановить ее. Огромные толпы отча-

явшихся людей хлынули в Калькутту. На ее тротуарах под витринами магазинов, забитыми товарами и продовольствием, умерли от голода тысячи людей. Трупы устилали улицы, их не успевали подбирать. Это тогда родилась жуткая пословица: бенгальцы мечтают даже не о щепотке риса, а о кружке воды, в которой варился рис. В провинции вымирали целые деревни. По самым минимальным подсчетам, погибло от голода более пяти миллионов человек. Помню изданный у нас то ли в 1945-м, то ли в 1946 году роман Б. Бхаттачарии «Голод», который я, маленький, боялся брать в руки: там были страшные картинки — вереницы живых скелетов, бредущих по выжженной солнцем равнине.

19 октября. Когда мы возвращались с работы, машине преградил путь «голодный марш», организованный девятью левыми партиями — КПИ, КП (м), Форвард-блоком и другими. Хорошо организованные колонны шли без перерыва и без остановки почти два часа, перекрыв все движение в городе.

Нарастает напряженность. Владельцы кинотеатров в ответ на забастовку персонала объявили локаут. Все кинотеатры в городе закрыты. Молодежь протестует против безработицы и организовала «гхерао», т. е. окружила здание Законодательной ассамблеи штата и не дает государственным мужам работать, изводя их безостановочным, многочасовым скандированием лозунгов. Кричат по команде, оглушительно, слышно только то и дело «зиндабад!» («да здравствует!») и «мурдабад!» («долой!»).

20 октября. Увидел в боковой улочке недалеко от Читтаранджан-авеню необычный храм с гопурамом — высокой надвратной башней, декорированной фигурами богов и героев. Она пришла с Юга Индии, на Севере таких башен не бывает. Это оказалась стилизация под Юг, храм же совсем новый, 1963 года, и принадлежит общине марвари. Называется он Байкунтханатх-темпл.

Марвари — довольно многочисленная община, исповедующая джайнизм. Основные их занятия — ростовщичество и торговля. Община чудовищно богата, но особой любовью у населения не пользуется. Популярный образ марвари — откормленный, надменный барин с такой же супругой. Желая сказать что-нибудь, по его мнению, очень злое и неприятное, оби-

женный рикша или нищий бурчит мне вслед: «Ты, толстый, как марвари!...»

Храм внутри, как говорится, «с иголки», весь сияет белоснежным мрамором. Посреди двора — ярко блестящий медный столп с затейливыми украшениями. В алтаре — мраморный идол, одетый в богатые, шитые золотом одежды. На мраморном полу лежит навзничь, крестом, человек — молится.

21 октября. Купили в местном эмпориуме (универмаге) маску персонажа тибетской мистерии «цам», так называемого «докшита», красивую и страшную одновременно: красная, оскаленная острыми зубами, с тремя глазами и короной из черепов. Как такого повесить на стену, не испугав ребенка? Провели с Машей разъяснительную работу: я рассказал, что он в принципе — добрый, детей не ест, питается булками с медом и кока-колой. И попросил дать ему имя. Маша назвала его.., Вася. Она даже беседует с ним о своих делах.

Сегодня последний день работы. Четыре дня офисы будут закрыты — пуджа.

22—25 октября. Пуджа — многодневный праздник в честь того или иного бога, как все индийские праздники очень «многослойный», многосмысловой, но суть его ясна: извечная мистерия борьбы добра со злом. У каждого города, как известно, свой нрав, и согласно ему проходят и праздники. В Бомбее пуджа — это радостный карнавал в честь покровителя города — веселого толстяка, слоноголового Ганеши. В Дели это Дассера, когда победу над злом символизирует победа бога-героя Рамы над десятиголовой Раваной. В Калькутте пуджи посвящены в основном женским божествам — воплощениям Шакти: Лакшми — богине богатства и красоты, Сарасвати — покровительнице искусств, но главные две, многомиллионные, подобные людскому океану, это пуджи в честь покровительниц Бенгаллий — воительницы Дурги и кровавой Матери Кали.

Сейчас идет Дурга-пуджа. Смысл ее таков. Демон Махиша многолетним подвижничеством заслужил награду богов: могучую силу, неодолимую во Вселенной. Получив эту силу, демон стал безобразничать, притесняя и обижая не только людей, но и богов. Чаша терпения небожителей переполнилась, и они «схитрили»: создали существо, в «договор» с демоном не

включенное — богиню Дургу (в некоторых мифах в нее превратилась жена Шивы — Парвати). Дурга была грозна и прекрасна, головой она упиралась в небо, а в каждой из своих десяти рук держала оружие — копье, меч, дротик, лук, чакру (литое кольцо с режущими краями) и т. п. Оседлав огромного льва, богиня бросилась в бой. Махиша пытался скрыться, превратившись в буйвола, но буйвол был растерзан львом, а выскочивший демон уничтожен разгневанной богиней. Добро восторжествовало.

Подготовка к празднику начинается еще летом, но пока она незаметна. В многочисленных ремесленных лавчонках, разбросанных по берегу Хугли, из взятой со дна реки глины лепят статуи богинь. Потом их высушивают, красят яркими красками, обряжают в роскошные одежды, согласно вкусам и достатку заказчиков. А ими могут быть и отдельные (достаточно состоятельные) лица, и группы — жильцы дома, улицы, района. От собранной суммы зависят не только одеяние богини, но и количество украшений на ней. Статуи устанавливаются в пандалах — красивых шатрах из цветных тканей.

И вот все готово к празднику. Статуи заняли свое место в пандалах. Потянулись к небу струйки благовоний, ударили барабаны и гонги, затянули молитвы жрецы. Пуджа началась.

Несколько дней и ночей топчется на улицах огромного города несметная толпа, жуя орешки и сладости, попивая кокосовое молоко и кока-колу, любуясь на богинь, сравнивая, сплетничая. Древний смысл пуджи: созерцание священных статуй — «даршан» угодно богам; чем больше их увидишь, тем больше благодати приобретешь. В наши дни все, конечно, проще: пуджа превращается в гигантский многокрасочный карнавал, желанные несколько дней отдыха в веренице суровых и хмурых калькуттских будней.

В этом году в Калькутте воздвигнуто более двух тысяч пандалов. Многие из них богато иллюминированы — сотни разноцветных лампочек горят и мигают всю ночь.

«Алтарь» каждого пандала имеет традиционно пятичастную композицию. В центре размещается основная, самая живописная группа: Дурга верхом на льве, поражающая Махишу. Лев терзает (с большим или меньшим количеством крови) черного буйвола, из

шкуры которого выскакивает демон, чтобы пасть от руки богини. Он зеленого цвета и опереточно страшен: глаза налиты кровью, огромные усы стоят торчком — и чем-то напоминает нашего Бармалея. Фигура богини украшена бижутерией, блестками и удивительно изящными вещицами, сделанными из «шола» — белой пористой древесины тростника, растущего на здешних болотах

По бокам основной композиции в своеобразных «кабинках» из ткани стоят «наблюдатели» битвы, боги — Ганеша и Катрикея, и богини — Лакшми и Сарасвати

Вся прелесть в том, как решена старая схема. Все зависит от фантазии устроителей их ресурсов. В одном пандале поставили проекционный аппарат, дающий движущийся фон. В другом электрические вспышки (как на танцплощадке) придают битве дополнительный драматизм. В третьем гоняют на магнитофоне развеселую киномузыку. В четвертом Дурга имеет несомненное сходство — и лицом, и фигурой — с популярной кинозвездой Шармилой Тагор. Есть Дурги кубистические и даже абстрактные (в пандале, принадлежащем Институту искусств). Блюстители старинного благочестия пишут длинные меланхолические статьи в местные газеты о падении нравов, о вульгарности современной молодежи.

Три вечера мы ездили по праздничному городу и, смешавшись с веселой толпой, тоже смотрели, сравнивали, любовались. Впечатление портил зарядивший вдруг дождь, но он же сообщал празднику дополнительную прелесть, удваивая великолепие иллюминации отражениями в лужах.

В первый вечер мы ездили в южную сторону, к госпиталю Миссии Рамакришны, и обнаружили множество пандалов на улице Сарат-Гхош и ее переулках. Около 11 часов вечера мы оказались на площади, где шумела ночная ярмарка: в свете фонарей бойко шла торговля игрушками и сладостями. Тут же в одной из палаток активисты Коммунистической партии (марксистской) продавали брошюры Маркса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна.

На второй вечер мы подались на север, в сердце исторического города. Такой густой толпы я не видел ни разу в жизни. Это было безбрежное море людское, в котором любая единица растворялась как капля.

Пробиваться сквозь неслыханной плотности толпу можно было только силой, охраняя детей. Но ни разу не было хотя бы малейшего инцидента, грубого слова или злого взгляда. Не было пьяных, не было обмена «любезностями», люди были доброжелательны и деликатны.

Был, правда, один момент, когда нервы дрогнули. Мы пробивались к какому-то невероятных размеров шатру, когда путь преградила полиция. Вымышленный полицейский закричал нам: «Туда нельзя с детьми! Оставьте ребенка здесь, а сами идите!» Но, увидев наши перепуганные лица, махнул рукой — назад пути все равно не было — и пропустил нас.

Возле кинотеатра «Элита» мы нашли самые красивые статуи. Их делал большой художник. На светло-голубом керамическом фоне большие фигуры богов из серой необожженной и неокрашенной глины смотрелись удивительно. Кругом стояла густая толпа, в восторге цокавшая языками и не желавшая расходиться.

Уже у самого дома нас затащила в какой-то двор толпа ребятешек. Судя по всему, это был склад бумажной макулатуры. Они сотворили из нее бумажные волны, захлестнувшие весь двор. В центре стояла грошовая пластмассовая куколка богини. Ребята были явно горды своей изобретательностью. Мы не устояли и, собрав несколько рупий, вручили их ребячьей команде. Бакшиш был принят с достоинством.

Был еще и третий вечер, когда по просьбе генконсула я как «бывалый» повез по Калькутте последнюю экскурсию — для должностных лиц. Калькутта, умытая дождем, спрятавшая в ночи свое дневное убожество, напоминала сказочные сады Черномора: тысячи разноцветных огней перемигивались в лужах, пандалы, подсвеченные изнутри, сияли, как волшебные дворцы.

А утром 25-го наступил странный финал, шокировавший нас, добропорядочных европейцев. Всю красоту вытащили из шатров, доставили в грузовиках на берег Хугли, вывезли на лодках на середину реки и... безжалостно утопили. Через полчаса от былого великолепия остались груды размокших бумажных украшений на воде да комки серой глины.

Индийцы разъяснили мне суть этого обряда. Статуи Дурги и других богов делаются из глины, взятой

взаимы у священной Ганги, чтобы богиня могла сойти на землю и свершить свое дело: уничтожить накопившееся за год зло. Затем она должна вернуться на небо. По легенде, великая река течет не только по земле, но и под землей и по небу. Возвращая глину в реку, мы даем возможность богине высвободиться из временной оболочки и вернуться к другим небожителям. И не надо вздыхать о загубленной красоте, через год будут сделаны новые статуи, еще красивее!

27 октября. По просьбе женсовета собрал ребятню и повез ее в Музей кукол, благо, он находится в семи минутах езды от нас, прямо на Чоуринги.

В отличие от музея в Дели, где собраны куклы из разных стран мира, в здешнем музее сооружены большие и очень сложные диорамы, иллюстрирующие великие эпосы древности — «Махабхарату» и «Рамаяну». Их несколько десятков, все многофигурные, с великолепно прорисованным фоном. Куклы сделаны мастерски, а ведь в некоторых экспозициях, скажем великой битвы на поле Курукшетры, насчитываются десятки персонажей, больших и малых, но одинаково тщательно сделанных. Ребятня визжит от восторга, особенно при виде всевозможных причудливых монстров, с которыми без конца сражались герои эпоса: великанов, ракшасов (чудищ-людоедов) и прочих страшилищ, воплощенных с необузданной фантазией.

Другая часть музея — куклы разных стран, в основном подарки. Выделяется огромный плюшевый медведь — подарок генконсула СССР.

31 октября. Из Дели приехала моя бывшая сослуживица, секретарь редакции Сунанда С., милая скромная девушка, привезла приветы от друзей. Мы пригласили ее в гости, а так как, по индийской этике, девушке идти одной в чужой дом неприлично, то она захватила с собой калькуттскую кузину. Мы повели их в Дом советской культуры, где выступала самодеятельность с дальневосточного учебного судна «Меридиан». Молоденькие морячки выступали весело и непринужденно — пели шуточные песенки Высоцкого, откаблучивали «Яблочко», выполняли незамысловатые фокусы — и очаровали индийскую аудиторию. Были довольны и паши гости, особенно кузина, живущая, судя по всему, достаточно скромно. Дома мы устроили «русский обед»: борщ, всякие са-

латы, колбаса, шпроты и т. д. А также здешние пирожные. Не помню, упоминал ли я уже об одной забавной детали. Дело в том, что из-за жары все сливочное масло в Калькутте выпускается соленым. На нем делают и кондитерские изделия, поэтому пирожные и красивые торты тут имеют страшный, солено-сладкий вкус.

Больше всего наши гости боялись съесть ненароком свинину или говядину. Кузина, кроме пирожных, вообще ни к чему не прикоснулась. Сунанда вела себя смелее — ела шпроты, борщ (постный, конечно, мы это предусмотрели) и даже попробовала на язык капельку коньяку. И это было отважно с ее стороны, без всякой иронии. Индийцы очень настороженно относятся к чужой еде, боясь ритуально оскверниться. Правда, у молодежи любопытство часто пересиливает все запреты.

Что касается нас, то к индийской кухне мы давно уже привыкли и нас не пугает даже наперченный арбуз или подобная этому экзотика. Бенгальская кухня в целом похожа на общиндийскую — обилие овощей и фруктов, острота и т. д. Но есть и особенности, например в ней много «даров моря» — рыбы и креветок. Рыбой завалены рынки, дешевой и дорогой, всякой. Самая вкусная (и самая дорогая) — это, конечно, хилса, напоминающая севрюжину. Креветки, лангусты, омары — большие и усатые. Единственное условие: никогда не думать и не пытаться узнать, где выловили рыбу и креветок, чем они питались, ибо навсегда отобьешь у себя желание есть их и лишишься одного из деликатесов Бенгалии.

Рыбу здесь готовят не только вкусно, но и красиво. Ее обрабатывают специями, горчичным семенем, перцем и жарят в кипящем масле, после чего она покрывается зелено-золотистой корочкой, под которой сверкает белое мясо, и, кроме того, у нее удивительный аромат. Эта красота водружается на гору серебристо-белого рассыпчатого риса. Очень любят здесь дал, из которого готовят бесконечно разнообразные соусы, подливки, каши.

Но самую большую славу бенгальской кухне создали сладости. В отличие от известных нам восточных сладостей, принадлежащих в основном к арабской кухне, — тяжелых, жирных, содержащих массу муки, орехов, сахара, меда, пряностей, — бенгальские

сладости очень легки, так как их основной компонент — творог.

Кондитерские лавки выглядят нарядно. Сласти высятся под стеклами витрин живописными горками — красными, зелеными, шоколадными, золотистыми — в зависимости от добавки красящего вещества (свекольного сока, какао, кокосового экстракта). Это «сандеш» — плотные квадратики из творога, уваренного с сахаром и пряностями. Они покрыты сверху тончайшими серебристыми листами, напоминающими фольгу, которая облепляет сласти и никак не хочет отчищаться. Когда мы впервые купили эти сладости и растерянно обсуждали, что делать с «фольгой», продавцы рассмеялись и объяснили, что это — съедобное, «пищевое» серебро, имеющее к тому же и дезинфицирующие свойства.

Другой тип бенгальских сладостей — расгулла, шарики из творога с небольшим добавлением манки, сваренные в сиропе. На ощупь языком они упругие, пористые и полны холодного сиропа. Особенно приятно есть их после острых блюд.

Бывший посол Индии в СССР, многолетний президент Индо-Советского культурного общества (ИСКО) К. П. Ш. Менон в одной из своих ранних книг («Дели-Чунцин», 1947 г., издана и у нас, на русском языке) приводит эпизод, связанный с бенгальскими сладостями и характерный для накаленной политической атмосферы Калькутты 30-х годов. Его тесть, сэр Санкаран Наир, очень важное лицо — член Исполнительного совета вице-короля, тогдашний председатель Индийского национального конгресса, решил пригласить на обед вице-короля и просил прислать ему из Калькутты расгуллы. Его просьба была исполнена, а для верности дана телеграмма: «Бенгальские сладости отправлены». Телеграмма заинтересовала полицию, ибо в те времена «бенгальскими сладостями» среди террористов-революционеров Бенгалии назывались бомбы. Началось секретное расследование. Сладостей вице-король так и не попробовал; они, да и сама телеграмма, были доставлены сэру Санкарану после того, как обед благополучно прошел...

Из необычных фруктов нам нравится «памблу» (в Дели его называют «чакотра», но его там мало) — цитрусовый плод, что-то вроде огромного, в два-три раза крупнее обычного грейпфрута, с красной мя-

котью. На вкус он кисло-горько-сладкий, но едят его не с сахаром, а с солью и перцем. Мы его кладем во все салаты вместо кислой капусты. Удивительно разнообразие сортов манго — их здесь, говорят, до девяноста — всех цветов, размеров и ароматов. Его справедливо называют «королем фруктов», с ним, по моему, не сравнится ни один другой, настолько нежна и ароматна его мякоть. Сок его необычайно крепок — говорят, были случаи, когда спелый плод падал на спину или руку сборщика, и если сок не был вовремя смыт, то вызывал настоящий ожог на коже.

2 ноября. Используя субботнее утро, побывали в парке Национальной библиотеки в Алипуре, очень чистом и уютном районе в южной части города, где живет весьма состоятельная публика.

В библиотеке я бывал несколько раз — привозил наши издания для русского и советского раздела. Он достаточно большой, но подборка книг довольно случайна. Всего в фондах библиотеки сейчас около двух миллионов томов. Залы ее невелики, и на массовое посещение она не рассчитана. Основал ее в 1835 году редактор газеты «Инглишмен» Дж. Стокуэллер, первым же ее попечителем был Дварканатх Тагор, дед Рабиндраната Тагора.

Библиотека располагается в бывшем дворце Уоррена Хейстингса, первого генерал-губернатора Индии (1774-1785), одного из творцов колониальной администрации, исправно функционировавшей более 200 лет. Это так называемый Бельведер, и он оправдывает свое изысканное название. Он и сегодня красив, этот великолепный дворец в стиле итальянского Ренессанса, с колоннадой, прекрасным трехарочным входом и статуей бенгальского королевского тигра на страже у входа. Здание было передано библиотеке в 1953 году правительством Республики, и на торжественной церемонии тогдашний министр образования Индии Маулана Калам Азад сказал: «Цитадель власти становится твердыней знаний».

А мы приехали погулять по настоящему английскому парку, где ухожена лишь часть его, а основная территория представляет специально сохраненные дикие заросли. Есть здесь таинственные, затянутые зеленой ряской пруды, рощи, заросли кактусов, огромные, мясистые листья которых изрезаны надписями, увековечившими имена вездесущих дураков. Есть да-

же баньяновое дерево, под которым так хорошо отдыхать.

4 ноября. Академия изящных искусств и ее музей расположены в десяти минутах ходьбы от нашего дома, поэтому я часто туда наведываюсь.

Основаиа Академия в 1933 году с целью поддержки молодых художников и скульпторов, организации их выставок и продажи работ. До завоевания независимости Академия ютилась на задворках Индийского музея на Чоуринги и влачила довольно жалкое существование. В 1959 году, благодаря неустанным хлопотам ее президента, энергичный леди Рану Мукерджи, Академии был выделен «золотой» участок — в самом центре исторической части города, между Виктория-мемориал и собором св. Павла. Там и были выстроены наконец для нее здания. Сегодня у Академии семь выставочных залов: пять — для постоянной экспозиции и два — для современников. Тут есть картины и рукописи Р. Тагора, старинные миниатюры, ковры, работы художников 30—40-х годов, считающихся классиками. Постоянно организуются персональные и групповые выставки молодых, лекции, семинары, публикуются альбомы, буклеты, каталоги. По просьбе леди Мукерджи и мне выпала честь несколько раз выступать с сообщениями о русском и советском искусстве.

Сегодня я в очередной раз заглянул в Академию. Там были две выставки. Одна — некоего Алуна Лич-Джонса, абстракциониста из Австралии. Вторая — Всеиндийская выставка детских рисунков (одиннадцатая). Рисунки как рисунки — яркие, нарядные — зверюшки, птицы, праздники и фестивали, цветы и дети. Неприятно удивил меня лишь один рисунок — 12-летнего Сундара Субраманиама из Мадраса, получивший 2-ю премию. Он изображал взвод тяжелых танков с немецкими крестами на броне и на знаменах, танкистов в немецкой форме. Под рисунком аккуратные подписи по-немецки: Панцерин № 1, Панцерин № 2.

Это германофильство — не случайность, а традиция, идущая от простейшей выкладки: враг моего врага — мой друг. Немцы — враги англичан, следовательно, друзья Индии. Эту идею вынашивали еще во время первой мировой войны индийские революционные эмигранты, обосновавшиеся в Берлине: договарива-

лись с кайзером о борьбе против Антанты в обмен на поддержку освободительного движения в Индии. Во время второй мировой войны этой идеей руководствовался Субхас Чандра Бос.

Пора рассказать о нем подробнее.

В нашей стране это имя попросту неизвестно: в нем не принято было долгие годы говорить или писать из-за сложных перипетий его судьбы. В Индии же оно окружено величайшим почетом и вписано золотыми буквами в историю национально-освободительного движения. А в Бенгалии, особенно в Калькутте, поклонение ему носит почти религиозный характер: я своими глазами видел пандалы — молитвенные шатры, воздвигнутые над его статуями.

Субхас Чандра Бос (1897—1945) родился в городе Каттак (штат Орисса) в семье бенгальского адвоката. Он получил широкое, но беспорядочное образование — учился в школе баптистов, изучал философию в калькуттском Президентском колледже, откуда был исключен за участие в обструкции преподавателю-англичанину, оскорблявшему национальное достоинство студентов-индийцев. Позже он учился в Англии, в Кембридже, а вернувшись домой, немедленно включился в освободительное движение.

Бос завоевал большую популярность среди радикалов; в накаленной, готовой в любой момент взорваться атмосфере Калькутты он чувствовал себя как рыба в воде. Он сразу же вступил в противоречие с политикой Индийского национального конгресса (ИНК), направлявшейся М. К. Ганди — медлительной, склонной к соглашательству. Его раздражал провозглашенный Ганди принцип ненасильственного гражданского неповиновения, требовавший огромной выдержки, дисциплины, мучительного лавирования. Молодой, честолюбивый, самоуверенный революционер, блестящий оратор, он жаждал открытой схватки с угнетателями; примером для подражания он выбрал Ататюрка, сумевшего вытащить униженную, побежденную в первой мировой войне Турцию из бездны позора, заставить ее сделать решительный шаг из средневековья в XX век. Впрочем, подражал он не только Ататюрку. Он придумал себе особый, полувойенный костюм и приветствовал отряды своих сторонников (у них тоже была собственная форма), вырасывая руку вперед и вверх. Сторонники звали его

«Нетаджи» («Вождь») — термин, точно соответствующий немецкому «фюрер».

Боса неоднократно арестовывали власти за участие в демонстрациях, за яростные речи, звавшие на борьбу с колонизаторами, даже по подозрению в терроризме. Он много раз сидел в тюрьмах и концентрационных лагерях. И тем не менее в 30-е годы он стал мэром Калькутты и в этом качестве совершил поездку по Европе, где встретился со всеми крупными политическими деятелями того времени. В 1938 году он занял пост президента ИНК, но из-за противоречий с другими руководителями партии, и прежде всего с Махатмой Ганди, вышел из Конгресса и создал собственную партию левого толка — Форвард Блок. Ее эмблема — тигр в прыжке — и сегодня то и дело встречается на стенах калькуттских домов. Форвард Блок — неперемный участник блоков левых сил в Западной Бенгалии.

Разразилась война, и Бос решил использовать ее как возможность сбросить британское иго. В июне 1940 года он в очередной раз был арестован, но после шестидневной голодовки помещен под домашний арест. За девять дней до суда, в январе 1941 года, он бежал из Калькутты, загримированный и переодетый учителем-мусульманином. Достигнув через Пешавар Кабула, Бос связался с посольством Италии и с поддельным паспортом на имя Орландо Маротти «вынырнул» в Москве, а оттуда в марте 1941 года прибыл в Берлин.

Самым страшным врагом Индии он считал Англию и ради ее поражения готов был вступить в союз с самим дьяволом. Не разделяя нацистских взглядов, он задумал использовать гитлеровскую Германию как орудие против Англии. Он встречался с Гитлером, Герингом, Риббентропом, обсуждая возможности союза против англичан. Эта страница его деятельности изрядно коробит нас, советских людей. Но нам трудно сегодня понять мотивы, им двигавшие. И надо честно сказать себе: ведь и наша страна была тогда связана с Германией пактом; Молотов встречался с Гитлером, а Сталин с удовольствием фотографировался с Риббентропом... Есть немало данных, что Бос проявлял большой интерес и к нашей стране, к истории нашей революции. Есть также предположения, что, будучи в Москве, он пытался заручиться поддержкой

Советского Союза, но потерпел неудачу. Никаких документов на этот счет пока не опубликовано.

Теории индийского националиста не заинтересовали немцев. В феврале 1943 года из Киля вышла в направлении Тихого океана германская подводная лодка. Где-то в морской пучине ее ждала другая — японская. С борта на борт был передан человек. Это был С. Ч. Бос. Его доставили в Токио, где он встретился с высшими чинами Японии и был пожалован самурайским мечом. Так он вновь вступил в сделку с дьяволом.

На территории завоеванной японцами Бирмы содержались в концлагерях многочисленные военнопленные — индийцы, служившие в англо-индийской армии. Все они были переданы в распоряжение Боса, из них была создана Индийская национальная армия — ИНА.

Казалось, сбываются давнишние мечты Нетаджи. Он становится президентом Индийской лиги независимости, возглавляет Временное правительство Индии. Японцы передают под его юрисдикцию Андаманские и Никобарские острова. Вся Индия, затаив дыхание, слушает по ночам передачи радио «Азад Хинд» («Свободная Индия»).

1943 год был годом страшного голода в Бенгалии. Бос и его товарищи по оружию закупают сто тысяч тонн риса и от имени Индийской лиги независимости предлагают в дар голодающей Бенгалии. Английская администрация дар отвергает, а Боса объявляет ренегатом и врагом Империи.

23 октября 1943 года Временное правительство Индии объявляет войну союзникам. Под знаменем, созданным по эскизу самого Боса — трехцветное полотнище с распростертым в прыжке тигром, — 25-тысячная ИНА вместе с японскими войсками пересекает индийскую границу с территории Бирмы, мечтая освободить свою землю от чужеземного ига с помощью других чужеземцев. «Дели чалё!» («Даешь Дели!»), «Джай, Хинд!» («Да здравствует Индия!») — повторяют солдаты лозунги своего руководителя.

Поход ИНА закончился трагически: она была разбита англичанами под Импалом, жалкие ее остатки пытались уйти с японцами, но были брошены ими на произвол судьбы.

Японский самолет доставил Боса в Токио, затем

на Формозу (Тайвань). 18 августа 1945 года единственный самолет взял старт с острова, но через несколько минут врезался в гору.

С тех пор С. Ч. Боса, по преданию, никто не видел. Говорили, что он хотел улететь в Москву, так же как много лет спустя говорили о Линь Бяо...

Многие люди считают, что если бы С. Ч. Боса остался жив, то именно он стал бы первым премьер-министром независимой Индии, настолько велика была его слава, слава человека, впервые выступившего с оружием в руках против угнетателей.

С течением лет возникли легенды: Боса жив. Они циркулируют и сегодня, самые невероятные: Боса находится в английской тюрьме; в американской тюрьме; в одной из стран Восточной Европы; в иркутской тюрьме и т. д. Когда в 1973 году в Индии с визитом был Л. И. Брежнев, группа ветеранов национально-освободительного движения всерьез собиралась встретиться с ним и потребовать: выпустите нашего Нетаджи из Сибири!

Более того, почти ежегодно по Калькутте проносятся слухи, что Нетаджи вернулся и хочет встретиться с народом. Обычно это бывает в день рождения С. Ч. Боса — 23 января. Говорят, что один из таких самозванцев рискнул как-то даже появиться перед толпой. В несколько минут его забросали сандалиями, а потом изрядно поколотили. Спасла его полиция.

В Калькутте Босу воздвигнуто два памятника. Один — на Майдапе, на пьедестале от снятого английского памятника: он изображен в форме ИНА, со вскинутой рукой. Второй — на небольшой площади в северной части Калькутты, конный, хотя известно, что он никогда верхом не ездил. Но студенты настояли на конном варианте.

На днях я встретился с П. Г., прогрессивным журналистом, человеком интеллигентным, топом и независимо мыслящим. Говорили мы о разных разностях. Но угораздило меня спросить о Нетаджи, и мой знакомый немедленно впал в раж. Дело в том, что специальная правительственная комиссия недавно опубликовала заключение: С. Ч. Боса действительно погиб в 1945 году в авиакатастрофе. Что тут поднялось! «Это клевета!», «Он еще вернется!» И П. Г., как большинство бенгальских патриотов, стоит упрямо на сво-

ем: конечно, жив! Он еще не так стар, какие-то 77 лет. Он еще может стать премьер-министром, выпустите его только из вашего Иркутска. Вот увидите, он вернется!

В один из тихих воскресных дней я побывал в музее-квартире Субхас Чандра Боса, откуда он совершил свой драматичный побег в 1941 году. Оказалось, что всего в 10 минутах ходьбы от нашего дома в небольшом переулке стоит старый дом семьи Босов, построенный отцом Субхаса — Джанаки Натхом в 1909 году. 23 января 1947 года старший брат Боса передал дом в дар народу.

В мемориальной комнате все сохранено так, как было до 1.35 утра 17 января 1941 года, когда владелец ее спустился в машину и навсегда покинул Индию. На полу белой краской помечен его путь. В гараже стоят две машины — на одной он совершил побег, вторая принадлежала ему как главе Временного правительства.

А в комнате находится скудное имущество профессионального революционера: дешевое шерстяное одеяло, старенький чемодан с пожитками, пузырьки с лекарствами. На стене — большие часы и фотография, изображающая храм Кали в Дакшинешваре.

В других комнатах выставлены документы, рукописи, письма, военная форма Боса, в отдельной витрине — самурайский меч. На стендах много фотографий: детские, юношеские, 20—30-х годов, передающие накаленную атмосферу «второго города Империи». Фото, сделанные в Бирме: Бос, верховный командующий ИНА, обходит строй, рассматривает карты. А вот Германия: Бос пожимает руку Гитлеру (эпизод, с почтением воспроизведенный в детском комиксе, посвященном жизни национального героя), у самолета — с Герингом, рядом с Риббентропом... Смотреть на них неприятно, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. И наше тотальное игнорирование имени Боса вместо вдумчивого анализа его деятельности, ее светлых и темных сторон, унижает прежде всего нас самих.

Странно, при всем обожании Боса музей его был совершенно пуст...

Вот как далеко завел меня скромный детский рисунок с немецкими танками...

6 ноября. На днях босоногий мальчишка принес

письмо, напечатанное на слепой английской машинке. Там говорилось, что жители деревни Данкуни приглашают советских друзей на мероприятие под названием: «Ленин-пуджа». Ехать вызвался только я.

Данкуни оказалась небольшим поселком, уже не похожим на деревню, в округе Хугли, в 60 километрах к северо-западу от Калькутты, с населением около двух тысяч человек. Местная молодежная организация «Данкуни Нетаджи Сангха», где верховодят коммунисты (обе партии), решила устроить к 57-й годовщине Октябрьской революции праздник, посвященный Ленину. Для простого бенгальца любой праздник — пуджа.

Я впервые ехал по этой дороге и увидел наконец знаменитые болота Бенгалии — они километрами тянулись с обеих сторон шоссе. Вода в них была стоячая, черная, жирно блестела (как у Багрицкого: «А под кувшинками, в жидком сале черные сомы луну сосали»). Кувшинок, правда, не было, только какой-то страшный, высохший тростник, а кто жил там, в глубине, не хотелось и думать. Зато стало ясно, откуда летят в Калькутту легионы злющих москитов, отравляющих нам жизнь.

На большой поляне стоял пандал со статуей Дурги, поражавшей почему-то не буйвола, как обычно, а слона. Оказалось, что здесь идет какая-то своя, очень местная пуджа. А по периметру лужайки были натянуты некие веревочки, и на них нацеплены самодельные картины. В углу лужайки — деревянный помост для президиума, а вокруг разместилось все население Данкуни. Конечно, никаких стульев не было, все сидели на циновках, бесчисленная детвора — в первых рядах. На крестьян публика не была похожа, потом я узнал, что в основном здесь живут рабочие калькуттских фабрик, едущие по утрам в город на работу. Все — в национальной бенгальской одежде — дхоти и белоснежных длинных рубахах. Подойдет такой дядя, поклонится богине, прошепчет краткую молитву и — к нам.

Темнело очень быстро. Я попросил натянуть между столбами простыню и дать ток для слайд-проектора, который таскаю с собой в портфеле на все митинги. Пока тянули провода, стало совсем темно, а потом оказалось, что света-то и нет — и здесь лоуд-шеддинг!

Выставку, в качестве главного гостя, я открывал в кромешной тьме, при свете «летучих мышей» — разрезал ленточку, говорил о Ленине. Потом мне вручили большой фонарь, и начался осмотр выставки. Местный художник грубовато, но старательно скопировал черной тушью популярные картины и фотографии из наших изданий. Странно и трогательно было видеть здесь, в бенгальской деревушке, под южными синими звездами знакомые с детства сюжеты: Ленин и Крупская в Шушенском, V съезд партии, Ленин у путловцев, Ленин в Разливе, Смольный в ночь Революции, провозглашение Советской власти, Ленин в Горках, Колонный зал в январе 1924 года... Портрет Ленина на трибуне, украшенный гирляндой цветов, стоял около помоста, где размещался президиум.

Была в рисунках одна особенность: местный художник постарался максимально приблизить к Индии события, происходившие более полувека назад в далекой стране. И с наивной простотой он одел Дзержинского вместо кителя в сюртук калькуттского клерка, Калинина — в соломенную шляпу индийского крестьянина. Но серп и молот были те же, что и сегодня на знаменах компартии (параллельной).

При переходе от картины к картине два музыканта, неотступно следовавшие за нами, дули пронзительно в трубы, а еще один бил в барабан. Дали наконец свет, и я смог показать слайды «Мавзолей и Красная площадь», «Ульяновск», «Ленин в искусстве». Накал был слабый, но смотрели увлеченно. Потом подали бедное трогательное угощение — самосы (пирожки со жгучей пачинкой) на банановых листьях. В заключение был концерт, пели песни революционные, народные и, конечно, Тагора. В небольшом ларьке продавали коммунистические издания. Я купил на память несколько тоненьких, карманного формата брошюрок на дешевой бумаге на бенгали и ория. Мне перевели названия. Это оказались работы Ленина и Сталина периода русской революции 1905—1907 годов, и подбор был знаменательный: о крестьянском вопросе, о земле, о национальном вопросе, о союзниках в революции...

Не забуду этот митинг: бенгальская деревушка в теплой ночи, тускло освещенный пандал с многорукой богиней и глухо вздыхающая в темноте толпа, слушающая про Ленина.

Для нас события 1917 года — история, а здесь, в Калькутте, в Бенгалии, тема революции постоянно «на слуху» — о ней говорят, пишут стихи, поют песни, ставят фильмы и спектакли. Годовщину нашей революции Калькутта отметила спектаклем «Джатра о Ленине», поставленным труппой «Тарун-опера», которой руководит Амар Гхош.

Это типично бенгальский народный театр, специализирующийся на «джатрах» — народных представлениях с музыкой, танцами, куплетами, иногда весьма «солесными», вроде наших частушек. Название труппы «опера» чисто условное — «так оригинальнее». «Джатру о Ленине» написал провинциальный учитель Шамбху Баг по мотивам «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Постановка во многом перекликается с Театром на Таганке, хотя, естественно, сделана значительно более условно. Спектакль идет в парке, под открытым небом, публика сидит вокруг сцены кольцом. Декораций нет, кроме нескольких условных геометрических форм: лесенки, круглого барабана и куба, которые становятся то трибуной, то пеньком, на котором сидит Ленин в Разливе, то сундуком, из которого Керенский достает костюм медсестры. Так же как на Таганке, матросы и рабочие ходят по «залу», а в конце спектакля с винтовками и красными флагами выходят из публики и идут на штурм Зимнего, зрители же подхватывают революционную песню.

Ленина играет Шанти Гопал, играет талантливо, с большой силой, грим сделан очень удачно, и толпа кричит ему «Зиндабад!». Трудно избавиться от впечатления, что здешний зритель все время как бы примеряет происходящее на сцене к своему сегодняшнему дню: «А как это будет у нас?»

13 ноября. Началась еще одна пуджа, снова закрытые учреждения, толпы на улицах, пандалы на углах, грохот барабанов. Только вместо белолицей прекрасной Дурги молитвы воздаются чернолицей, оскаленной Кали с ожерельем из черепов. В Дели в эти дни бушует Дивали — «праздник огней», здесь он лишь дополнение к гигантскому карнавалу в честь Великой Матери.

В один из вечеров городские власти организовали специальный выезд в Калигхат для работников иностранных консульств. В обычное время иностранцам в места, связанные с погребальными ритуалами, вход

запрещен, и вполне справедливо: грустные обряды — не зрелище для туристов, нечего глазеть, да еще и фотографировать. Но это была Великая Ночь, что-то вроде приема у Богини, даже имена дипломатов выкрикивали по радио. Давка была безумная, и все женщины, боясь за детей, остались в автобусе. Но ради того, что мы увидели в этот вечер, стоило поработать локтями.

На большой площадке возле реки багровели погребальные костры. На них надлежало сгореть тем, кто был счастлив умереть в день пуджи или накануне. Слово «счастлив» употребляю без иронии: сожженный в день Кали освобождается от бесконечной цепи перерождений и воссоединяется с божеством — высочайшее счастье, о котором мечтает любой индуст. Поэтому к каждому месту сожжения тянулась безмолвная цепочка погребальных носилок. А посреди двора, озаренный мерцающим светом костров, высился огромный, 5—6 метров высотой, истукан богини, какой-то особенно страшный — черный; секира в ее руке, сверкающая в свете костров, была покрыта запекшейся кровью. Кали окружала жуткая свита разъяренных демонов, отвратительных обитательниц кладбищ, терзающих трупы; растерзанные человеческие тела изображались с тошнотворной точностью. И я понял, что чувствовали первые христианские миссионеры, впервые увидевшие это зрелище.

Не сомневаюсь, что все это чрезмерно устрашающее «шоу» несло в себе сильный элемент «клюквы» — требовалось произвести впечатление на иностранцев. Но ведь есть люди, которым не страшно и которые всю эту жуть воспримут по-своему. Вот так, например:

Богиня Кали *

А над Калькуттой — пороховая дымка,
А над Калькуттой — праздник Дивали,
Богиня Кали глядит на нас с улыбкой,
Не пряча груди синие свои.
Богиня Кали, грозная богиня,
Надев колье из срубленных голов,

* Автор стихотворения — журналист-международник Р. Г. Окулов, в те годы заведующий информационным отделом Посольства СССР в Индии (в Дели). Оно было очень популярно и на праздничных вечеринках с успехом исполнялось хором на некий веселый мотив. Ученые-индологи указывают, что надо говорить «Дивали», но поскольку в хинди нет ударений, то в шуточном стихотворении можно употребить и «Дивали».

Как тыщи лет назад, так и поныне
Ногами попирает мужиков.
Она. Калькутта, как богиня Кали,
Меняет кожу, маски и черты,
Но никакие маски не скрывали
Ее викторианской красоты.
А над Калькуттой грохочут фейерверки,
А над Бенгалией — бенгальские огни,
И хоть богиня Кали — фея смерти,
Шумит веселый праздник Дивали.

14 ноября. Ездили смотреть пуджу и «веселый праздник Дивали». Особенно богатая иллюминация, как обычно, на севере — море огней, модели храма Кали и почему-то Тадж-Махала из материи, страшные и смешные одновременно статуи злых духов — чертей, ракшасов, демонов и демониц. Поразили нас статуи в одном из пандалов на Читтаранджан-авеню: Кали и Шива были изображены в виде удивительно красивой пары, она — современная красавица киноактриса с распущенными волосами (почти голая), он — красавец бабу, но в отличие от живых людей — оба нежно-голубого цвета. Эти статуи делал какой-то студент, думаю, в будущем замечательный мастер.

Некоторых сюжетов я вообще никогда не видел, например Шиву с рыжими, аккуратно подстриженными по-английски усами. Или статую Рамакришны, держащего на руках пляшущую Кали. Или «пасть ада» диаметром метра два и т. д.

На одной из улиц мы увидели группу каких-то оголтелых молодчиков, явно пьяных или чего-то накурившихся. Они страшно кричали, били в барабаны и размахивали факелами, из которых сыпались искры — не дай бог, попадут в бензобак. Кто они — не знаю, но было в них что-то нехорошее, злое, и толпа боязливо перед ними расступалась.

В звуковую какофонию пуджи вносил свой вклад Дивали — канонадой взрывов, то одиночных, то сериями, как пулеметы. Вернувшись, мы решили устроить небольшой шум в торгпредстве, но подъехал автобус какой-то фирмы, сотрудничающей с нами, и всех желающих пригласили поехать в район Чайнатауна, где повели на крышу небоскреба. Там стояли столики с кока-колой и пивом и огромное количество взрывчатых веществ лежало по углам. Вот где мы отвели душу! А поскольку в праздник огней чем больше огня и грохота на земле, тем больше ликова-

ния в небесах и уныния в аду, думаю, индийские небожители остались нами довольны: иногда казалось, что от ужасающего грохота, который мы устроили на крыше, рухнет небоскреб... С крыши открывалась панорама необъятного города, озаряемого огнями и вспышками ракет, в одном месте явственно разгорался большой пожар. Взрывы не давали спать всю ночь. Я вспоминал Дивали в Дели — там тоже было здорово, но все как-то помельче. И пуджи там не было тоже.

17 ноября. Вчера ночью ездили встречать гостя — казахского поэта Олжаса Сулейменова, прибывающего по приглашению молодых поэтов Бенгалии. Ночной Дам-Дам был пуст и печален. Самолет сильно опоздал и прибыл почти в час ночи. По пути в гостиницу мы отклонились от прямого маршрута и посмотрели последние пандалы уходящей пуджи.

Днем, когда наша «Волга» выезжала из гостиницы, из близлежащей подворотни вылетел на полной скорости какой-то оголтелый сикх на мотоцикле и врубился ей в бок. Все обошлось, если не считать вмятины в дверце, но эпизод ярко рисует здешние транспортные нравы. Правил нет никаких: можешь на полном ходу стартовать из двора, не думая, что впереди, можешь ехать «против течения» в часы пик — все можешь, но если что случится — пеняй только на себя!

В Горьки-садан доехали без дополнительных происшествий. Олжас — хороший поэт и хорошо читает свои стихи: с напором, рубя воздух сжатым кулаком. Молодые поэты, и среди них наш сотрудник Сидхешвара Сен (в бенгальском произношении — Шодешор Шен), слушали с удовольствием, потом сами читали свои стихи. Потом шел разговор о революционной поэзии, о традициях Маяковского, которого здесь знают и любят. Недаром замечательного своего поэта Назрула Ислама здесь прозвали «бенгальским Маяковским».

У этого поэта странная и печальная судьба. Он родился в бенгальской деревушке в мусульманской семье. Детство его и юность прошли в накаленной атмосфере начала века — раздел Бенгалии, перенос столицы Британской Индии из Калькутты в Дели, начало деятельности террористических групп, грандиозные митинги и схватки с полицией, проповедь Махатмы Ганди. Он первый перевел на бенгали «Интерна-

ционал» и сам писал вдохновенные революционные стихи, которые повторяла и пела вся Индия — они шли к единению индуистов и мусульман, к борьбе за свободу и независимость. На наш сегодняшний взгляд, они чересчур перегружены пышными метафорами и сравнениями, множеством патетических восклицаний, но корнями своими они уходят в национальную традицию Бенгалии, восходящую еще к поэме «Гибель Мегхнада» Модхушудона Дотто, где героем, борцом за свободу был Равана, сражавшийся против «Рама и его сброда».

В середине 30-х годов случилось несчастье — Назрула поразила тяжелая мозговая болезнь. Как ни бились врачи, он навсегда утратил разум и память. Он и сегодня жив, проживает в столице Бангладеш — Дакке*. Я видел в газетах фотографии, сделанные на праздновании его очередного юбилея: в президиуме сидит, увенчанный гирляндами цветов, иссохший, как мумия, седовласый старец. Он не знает, что страна его стала в 1947 году свободной, что она пережила в том же году трагедию раздела, что его имя занесено золотыми буквами в историю индийской литературы.

Наследников у него много, и сегодня именно бенгальская поэзия славится своими радикальными мотивами. И недаром один из молодых поэтов во время дискуссии с Олжасом сказал убежденно: «Если в Индии будет революция, она начнется в Калькутте!»

18 ноября. Самолет Олжаса Сулейменова улетал в 6.30 утра, поэтому я повез его в аэропорт в 4 часа. Улицы были пусты, тротуары заполнены телами спящих, завернутых с головой в одеяло (если оно есть) или просто в какое-то тряпье. Когда возвращался назад около 6 утра, увидел в районе трущоб, примыкающем к Дам-Даму, большую толпу и снующие в ней белые с голубой каймой косынки — это раздавали немущим бесплатное молоко для детей сестры из ордена Матери Терезы. Впервые мне посчастливилось увидеть саму ее — она садилась в микроавтобус: сухонькая старушка, похожая на нянечек в больницах.

Я много слышал и читал об этой удивительной иезуитке, которую здесь называют «ангелом Калькутты». По национальности она — югославская албанка, ее имя — Агнеса Гонжа Бояджиу. Орден направил ее

* Кази Назрул Ислам умер в Дакке в 1976 году.

на работу в Индию в 1928 году. Потрясенная невообразимой для европейца нищетой калькуттских трущоб, она решила посвятить жизнь их обитателям. Никаких средств на благотворительные цели орден ей не выделил, и молодая монашка полагалась только на себя. Каким-то образом она выбила у городских властей старый, полуразвалившийся дом-сарай и сделала его своей штаб-квартирой. К ней присоединились другие молодые монашки, в основном обращенные в христианство местные девушки. Они ухаживали за больными, раздавали лекарства и продовольствие, помогали прокаженным. Что-то им жертвовали благотворители, что-то выпрашивали по домам: лекарства, срок хранения которых истек, старое тряпье, остатки еды — все у них шло в дело. Но имя Матери Терезы связывают прежде всего с явлением, не существующим больше нигде на свете, — с «домами Матери Терезы».

Смысл их прост и страшен. В специальные помещения — подвалы, сарай, оборудованные на скудные средства, активистки ордена сносили тех несчастнейших из несчастных, которых всегда было в изобилии на тротуарах Калькутты: стариков и старух, нищих, калек-детей, прокаженных — тех, для кого уже не было места ни в обществе, ни на земле, — съеденные голодом и болезнями живые скелеты. Их никто не собирался спасти — ни сил, ни средств, ни продовольствия у юных монашек для этого не было. Их задачей было облегчить последние минуты несчастных, дать им умереть не по-собачьи, на асфальте, а под кровом, на циновке или охапке соломы, обеспечить последним глотком воды и ласковым словом, заверить, что их тело будет по индуистскому обычаю сожжено и пепел брошен в Гангу. Эти дочери Иисуса оказались удивительно тактичными и никогда не старались обратить умирающих в христианство или схоронить их не так, как требует индуизм. Конечно, некоторым «счастливым» удастся выжить и даже поправиться, но путь у них один — опять на асфальт, их не могут держать ни одного лишнего дня: циновка нужна другим.

Армянский священник отец Акоп Гёкчян предлагал мне побывать в этих домах, но у меня так и не хватило храбрости пойти туда...

Сейчас миссия Матери Терезы известна во всем мире. Ей присуждена Нобелевская премия, которую

она, конечно же, полностью отдала на нужды своего ордена. Индира Ганди недавно вручила ей бесплатный билет, позволяющий пользоваться любыми видами транспорта для поездок по территории Индии. Больше стало и средств, их тратят на лекарства и продовольствие, которые распределяют в трущобах, как сегодня утром. Конечно, это капля в море, но и она необходима. На днях в газетах появилось сообщение: Мать Тереза поручила бездомным детям собирать на улицах скорлупу кокосовых орехов. Из нее делают дешевые сувениры. Вот только покупать их надо осторожно — к изготовлению привлекают не только всякий обездоленный люд, но и прокаженных.

Еще о Матери Терезе Год 1988

Не думал, что имя Матери Терезы станет известно в нашей стране — иезуитка, монашка, внеклассовая благотворительность... Но многое изменилось с 1985 года. И вот — осень 1988 года, страшное землетрясение в Армении, потрясшее мир. Мать Тереза в СССР — встречается с М. С. Горбачевым, летит в Армению, в эпицентр бедствия. В Москве подписано соглашение между Миссией Матери Терезы, Советским комитетом защиты мира и Всесоюзным институтом спинномозговых травм о том, что в стенах института будет функционировать Дом милосердия Матери Терезы, где четыре сестры Миссии будут оказывать помощь жертвам землетрясения и другим пациентам с поражениями спинного мозга (позже сестры перешли на работу в один из домов для престарелых).

В Комитете защиты мира — пресс-конференция. Появляется Мать Тереза с помощницами. Она не изменилась за прошедшие годы — все та же маленькая морщинистая старушка в белой с голубым косынке, такая же неутомимая, спешащая по зову сердца туда, где людям плохо.

— Я и мои сестры, — говорит она, — приехали, чтобы помочь тем, кто попал в беду. Мы небогаты, но для нас — счастье дарить нежность и сострадание всем, кто в них нуждается, кто пал духом: больным, умирающим, одиноким, старым — всем, страдавшим — по любви и заботе. Для нас не существует разли-

чий в национальности, цвете кожи, вероисповедании, все люди для нас — дети Господа и заслуживают нашей помощи, все созданы, чтобы любить и быть любимыми. Я хочу поблагодарить господина Горбачева за разрешение открыть в СССР наш Дом милосердия, где мы сможем служить страждущим своей любовью и состраданием.

Мы, журналисты, забрасываем Мать Терезу вопросами.

—Вы видели много боли и страданий во всем мире. С чем бы вы сравнили масштабы бедствия в Армении?

—Оно не сопоставимо ни с чем, мною виденным. То, что я видела, было невероятно, ужасно. Но я не хочу искать сравнений. Сейчас главное — работать, помогать тем, кто нуждается в помощи. Я видела, что пострадавшим оказывается необходимая помощь. И еще меня поразило, что люди, пораженные страшной бедой, находили силы дарить меня улыбкой.

—Какой национальности сестры, которые будут работать в Москве?

—Они представляют четыре народа: индийский, югославский, польский и итальянский.

—Ваше отношение к коммунистам?

—Для меня они такие же дети Бога, как все люди на земле.

—Какую помощь оказывают вам русская и армянская церкви? Будут ли работать в вашем Доме советские монахини?

—Мы пока не начали работу — только подписано соглашение. Но мы уверены, что эти церкви немедленно придут нам на помощь и разделят с нами любовь и сострадание. Что касается работы у нас, то надеюсь, что советские молодые сестры присоединятся к нам. Сейчас у нас работают сестры 35 национальностей. В нашей работе появилось новое направление: мы помогаем еще и тем несчастным, кто заболел страшной болезнью XX века — СПИДом.

19 ноября. В Калькутте много кино клубов, где пропагандируется и обсуждается киноискусство разных стран и эпох, организуются фестивали. Я состою членом «Синема-клуба» и в этом качестве побывал на фестивалях датском, бельгийском, югославском и совсем уже невообразимом — старых фильмов испан-

ил Бунюэля, желтых и почти рассыпающихся от старости. Был также фестиваль фильмов С. Эйзенштейна, которого здесь очень ценят. Есть при Доме советской культуры и клуб его имени. Но все это — для избранных, а на экранах царит рвань двадцатилетней давности, купленная по цене пленки, в основном английская и американская. Французского, итальянского, немецкого кино здесь просто не знают и не покупают — надо тратить деньги на дублирование, а эти понятны и так.

С Калькуттой связано и такое понятие, как «бенгальская школа» индийского кино, связанная с именами Сатьяджита Рея, нашего соседа по дому, и Мринала Сена.

Имя Сатьяджита Рея входит сегодня в мировую кинообойму наравне с именами Феллини, Курасавы, Крамера, Вайды. Он первый создал индийское психологическое кино. Мне посчастливилось увидеть ранний фильм, сделавший Рея знаменитым — «Патхар Панчали» («Песня Дороги»), и я был просто ошеломлен. Рассказ о буднях маленькой бенгальской деревушки превращается в величественную сагу о Жизни Человеческой. Все здесь не похоже на привычное нам индийское кино. Нет кричащих красок (фильм черно-белый), нет киногероинь с могучими формами — вместо них большеглазая, плохо воспитанная девочка Дурга, ее братик Апу и страшная, костлявая, почти безволосая старуха Индира, упрашивающая богов забрать ее к себе. Здесь значительна любая мелочь: первый муссонный дождь, деревенская пуджа, свадьба подружки, поезд, проходящий где-то далеко в поле. И все включено в великий круговорот Природы: жизнь водяного паука, бегущего по глади озера, и человека — для нее явления одного порядка. Ничего подобного я никогда не видел. Говорят, что это лишь первая часть кинотрилогии — истории Поэта.

Приехав в Калькутту, мы жили первые дни в смятении и все время ожидали нападения террористов, о которых ходило много слухов. И как назло по вечерам в нашу тоненькую фанерную дверку начинали стучать. Я покорно шел открывать, но там стояли не террористы, а страшно смущенные студенты с букетами цветов и спрашивали, нельзя ли увидеть мэтра. И я с облегчением указывал им на соседнюю дверь...

Другое славное имя — Мринал Сен. В отличие от психологических драм Рея, его фильмы — это революционные памфлеты, обжигающие классово-ненавистью. Последний его фильм — «Хор» рассказывает притчу о некоей фирме, объявившей набор нескольких сот рабочих, на который явилось несколько десятков тысяч — с давкой, плачем, ненавистью отчаявшихся людей. Фильм ведет нас в резиденцию губернатора, в хижину бедняка, в студенческое общежитие. Отдельные новеллы сливаются в общий хор. Последние кадры: судорожно прижавшийся к стене губернатор, на которого надвигается огромная тень восставшего народа. Несомненно, Сен связан с левацкими кругами, в частности с КП (м). Вне страны фильм может показаться чересчур прямолинейно-плакатным, но здесь, в Калькутте, он бьет в цель. К сожалению, фильмы С. Рея и М. Сена идут очень короткое время в отдельных небольших кинотеатрах, поймать их трудно, разве только на просмотрах в клубах. Широкий зритель этих фильмов просто не знает, для него кино — опиум с красавицами и с музыкой и с километрами танцев.

Недавно я познакомился с еще одним жанром индийского кино, нам совсем неизвестным.

Недалеко от нашего офиса на Парк-стрит, в боковой улочке, стоит крохотный кинотеатрик. Там я увидел афишу нового фильма «Хар-хар Махадев»: какие-то чудища, Шива с трезубцем, слогоголовый Ганеша и т. д. Я спросил ребят из офиса, что это за фильм. «Это что-то на религиозную тему. Интеллигентные люди на такие фильмы не ходят», — с презрением проворчал Набарун Бхаттачария, молодой парень, поклонник Хачатуряна и Эйзенштейна, с которым мы вместе ходим в «Синема-клуб». Ну и ладно, пусть я буду неинтеллигентным, мне такой фильм давно уже хотелось посмотреть. В крупных кинотеатрах они не идут, мы их, естественно, не покупаем, а я подзревал уже давно, что из 900 с лишним фильмов, выпускаемых Индией в год, именно такие должны составлять большинство: смешно было бы, если бы религия не использовала в своих целях кино!

Короче, пошли мы на «Хар-хар Махадев» всей семьей, тем более что Маша по комиксам уже неплохо знает индийскую мифологию. И увидели кинопродукцию, для чужих глаз не предназначенную. Вот по-

чему билеты были удивительно дешевы — по 50 пайс, и в зале сидели какие-то тихие, бедные люди. Возможно, на эту тему бывают фильмы и талантливые, мы видели просто плохой. Сценария, видимо, не было совсем — «шпарили» прямо по раскадровке дешевого комикса о Шиве. Актеры загримированы неряшливо, Ганеши вместо хобота приделан какой-то резиновый шланг, бутафория — самая убогая, игры — никакой. Зато в изобилии документальные кадры с видами священных мест, ашрамов, молящихся толп и джеег, потоками текущих в сокровищницы храмов. Думаю, что на такую продукцию мы теперь до-олго не пойдем.

22 ноября. Встречал делегацию, приехавшую поездом, и впервые побывал на вокзале Хоура. По величине он равен трем-четырем Курским вокзалам, это целый город со своими улицами, по которым можно ездить на машине. В целом впечатление ада кромешного. Как у Тагора в стихотворении «Флейта» про бедного клерка Харипаду, который не в силах платить за электричество:

Вечера провожу на вокзале,
Поскольку электричество жечь
Я позволить себе не могу.
Паровозы шипят,
Режут ухо гудки,
Пассажиры спуют
И кричат, и под ношей сгибаются кули.

Всё точно как сегодня. Воют паровозы — старые, прокопченные, нами уже позабытые, мчатся куда-то оголтелые носильщики-кули в ярко-красных куртках, орут продавцы орешков и сладостей, проводники и пассажиры. Воздух густой, насыщенный углем, дымом, копотью. Вагоны тесные, изношенные донельзя. Ежедневно отсюда с 14 платформ уходит 280 поездов — 180 тысяч пассажиров, миллион тони грузов (это я выписываю из справочника). А когда-то здесь была крохотная кирпичная арка, две платформы и билетная касса. Этот исторический кусочек сохранен до сих пор в южном углу огромной станции. Первый поезд с 300 пассажирами, который тащил паровозик по имени «Фэйри Куин», прошел от станции Хоура до станции Хугли 15 августа 1854 года.

28 ноября. В предыдущей записи я упоминал, что, сидя за нашей тоненькой фанерной дверью, мы очень

боялись нападения террористов, а если быть точными — наксалитов.

До приезда в Калькутту это слово было для нас газетной абстракцией, но здесь оно облеклось в плоть и кровь. Уже через несколько дней после моего выхода на работу кто-то из индийцев показал мне точку на лужайке возле нашей «Виллы роз» и сказал: А вот сюда под Новый год упала бомба, которую подбросили нам наксалиты». И хотя сейчас до нас доходят лишь отголоски былых битв, память о наксалитах жива в Калькутте: о них кричат еще полустертые надписи на стенах, пишут газеты и полицейские хроники.

...В 1967 году в маленьком бенгальском местечке Наксалбари вспыхнуло вооруженное восстание безземельных крестьян из племени санталов и сельскохозяйственных рабочих. Оно было направлено против произвола джотедаров (бенгальских помещиков), продажности местных властей, нерешенности аграрной проблемы. Восставшие попытались силой захватить земли помещиков и владельцев плантаций. Начались столкновения с полицией, были человеческие жертвы.

Восстание продолжалось 52 дня. 13 июня 1967 года правительство Западной Бенгалии ввело в мятежный район полицейские силы и арестовало около 200 человек. Но эхо восстания отдалось в соседних штатах — Ориссе, Бихаре, Андхра-Прадеше, и крохотная бенгальская деревушка Наксалбари стала символом вооруженной борьбы крестьянства за свои права, а участников движения стали называть наксалитами.

Роковую роль в судьбе движения сыграл захват руководства в нем маоистами. Среди арестованных лидеров оказались люди, не имевшие никакого отношения к крестьянству: идеолог индийских маоистов Чару Мажумдар; партийный агитатор среди племен — Кану Саньял; выходец из племени, несколько раз баллотировавшийся в Законодательное собрание от компартии, Джангал Сантал и другие. Все они когда-то принадлежали к левозэкстремистскому крылу КП (м), откуда вышли и создали собственную маоистскую партию, которую называли «Индийской марксистско-ленинской коммунистической партией».

Все они были убеждены, что только маоистский Китай — единственный в мире оплот революции. Правящую партию ИНК они считали целиком представляющей интересы «крупных помещиков и бюрократи-

ческих компрадорских капиталистов» и «пешкой в руках двух внешних сил — империализма США и советского социал-империализма». А главная их идея заключалась в том, что в Индии создавалась «отличная революционная ситуация» и народ готов к революции, главной силой которой будет крестьянство. Нужно только создать в сельской местности партизанские отряды и постепенно освобождать территорию, окружая большие города. Начальными акциями должны стать убийства классовых врагов — помещиков, полицейских, ростовщиков, кулаков.

Маоистские группы были созданы и в других штатах. По стране прокатилась волна взрывов, поджогов автобусов и кинотеатров, убийств помещиков и полицейских. Наксалиты обратились к студентам с призывом бросать учебу и идти в народ — вести агитацию, нести в крестьянство идеи Мао. Но попытка поднять крестьянство на немедленный захват власти успеха не имела. Убийства, поджоги и грабежи совершали охотно примкнувшие к наксалитам бродяги, уголовники, люмпены. Бессмысленные преступления оттолкнули крестьян от наксалитов.

Леваки начали действовать и в Калькутте. В университете они разбивали статуи Ганди, жгли американские и советские книги, ломали мебель. Потом эффектно сваливали обломки посреди аудиторий и подвешивали на них красный флаг. Совершались нападения на полицейских, в основном — на постовых, стоявших поодиночке и невооруженных.

16 июля 1972 года полиция выследила и арестовала лидера-теоретика наксалитов Чару Мажумдара. Через 12 дней было объявлено, что он умер в тюрьме Лалбазар от «сердечного приступа», чему, конечно, никто не поверил. По Калькутте прокатилась волна арестов. В несколько недель все лидеры наксалитов были выловлены, а тюрьмы забиты юношами 16—22 лет.

Полиция передала в печать материалы о 300 арестованных наксалитах (на конец 1970 года). Увы, они говорили сами за себя: 7 человек были моложе 15 лет, 118 — от 15 до 19 лет, 132 — от 20 до 25, 22 — от 26 до 30. 133 из 300 были студентами и школьниками. Удручающими оказались данные об уровне их политических знаний. Из 300 человек 210 не читали ни одного произведения Маркса, 50 имели о марксизме

самое смутное представление и только 40 более или менее представляли, о чем идет речь.

За наксалитами шла форменная охота, и к 1973 году их остались единицы. Таков был печальный конец маоистов в Индии.

3 декабря. Я давно договорился с Горьки-саданом о серии лекций со слайдами по истории русского и советского искусства. Сегодня наконец состоялась первая лекция — об Андрее Рублеве. Думал, что при полном равнодушии индийцев к европейскому искусству Рублев для них — пустой звук, и ошибся.

Пришло человек 30—35 — достаточная аудитория, чтобы можно было говорить всерьез: старые интеллигенты в шерстяных жилетках и шарфах, которым всегда и до всего есть дело, студенты, молодые репортеры, рышущие в поисках своих двадцати строк новостей. Слушали хорошо, и вопросы задавали очень компетентные: о Сергии Радонежском, о смысле Троицы, о Дмитрие Донском, так что индифферентность здесь кажущаяся, кое-что они о нас знают, и ухо надо держать остро.

5 декабря. Поход в Зоосад. Он в своем роде исторический памятник: был открыт без малого 100 лет назад — в январе 1876 года самим принцем Уэльским — будущим королем Эдуардом VII, путешествовавшим по Индии. Считается в Индии крупнейшим; много цветников, бассейнов, аллей для прогулок. Вместо тесных клеток, в которых мучаются звери у нас, в Московском зоопарке, здесь огромные участки нетронутой природы — рощ, оврагов, заботливо огороженных, где звери могут жить в относительно свободных условиях. В самом центре Зоосада, среди большого бассейна, — остров, населенный гиббонами и орангутанами, — обезьянья республика. Два бассейна с крокодилами. Дом рептилий славится королевскими кобрами, воспетыми Киплингом.

Много внимания уделяется детям — здесь много лавочек, где продают сласти, орешки, мороженое. И конечно, поездки на пони и на слонах. Один из слонов показывает фокус: если бросить перед ним на землю монетку, он поднимет ее хоботом и сунет в карман хозяину.

Гордость Зоосада — белые тигры, чета с тремя тигрятами. Это какая-то аномалия в тигрином мире — они и вправду белые с черными полосами, очень мир-

ные и грустные. Служитель входит к ним в клетку, мост, подметает и даже проходится веником (восхитительная деталь — веник из павлиньих перьев!) по шкуре грозных хищников. Вокруг — густая толпа.

25 декабря. «Холи-Крисмас» — католическое Рождество. В богатых магазинах Чоуринги и Парк-стрит продаются искусственные нейлоновые елочки, но не зеленые, а самых невероятных расцветок — серебристые, фиолетовые, красные. В лавках — рождественская распродажа со скидкой, ее ждут весь год с нетерпением все слои населения, это возможность купить за полцены одежду, обувь, материю и т. д. На щиповках и брезентах, покрывших все тротуары, лежат груды поздравительных открыток, в том числе и самодельных, со сценами поклонения волхвов, младенцем Иисусом и девой Марией, с видами знаменитых соборов Европы. Среди них я углядел и нашу Богоматерь Владимирскую.

А в нашей маленькой колонии идет подготовка к Новому году. Детский хор под управлением тети Ниши, жены представителя Морфлота, готовит сюрприз: новую песню. По вечерам в детской комнате собираются наши мальчишки и девчонки, и по округе разносится текст, который все уже знают наизусть:

Раз морозною зимой по тропинке лесной
Шел медведь к себе домой в теплой шубе меховой.
Шел он, шел к своей берлоге, не глядел себе под ноги
И, шагая через мост, наступил лисе на хвост...

Не ахти какие слова, а вспоминаешь сразу сугробы, тропинки, морозный лес... А «шуба меховая» напоминает о том, как месяц назад я нашел в шкафу свою осеннюю, подбитую мехом куртку (мы уезжали в Индию поздней осенью) и решил пошутить: надел ее и вышел на солнышко. Дурацкая получилась шутка: ощущение было, как будто меня облепило со всех сторон горячее тесто, а по голове ударили чем-то тяжелым. Не помню, как содрал проклятую куртку и отдышался только минут через сорок.

27 декабря. На Парк-стрит расклеены афиши, обещающие выступления лучших танцовщиц кабаре Бомбея и Калькутты. Программа называется «Рождественская ночь». Билеты дорогие, но вдруг подумалось: а может, пойти? Уговорили еще две пары, из тех, что легки на подъем и не трясутся над каждой рупией.

Ровно в 7 вечера мы сидели в огромном, совершен-

но пустом и пахнущем пылью зале сараевидного здания в переулке недалеко от Парк-стрит. Прошло полчаса, час. В зале прибавилось еще полтора десятка околпаченных простаков. Мы сидели уже из упрямства, ждали, что будет дальше.

На сцене появилось несколько студентов. Один объявил, что полиция все еще не дала разрешения на проведение вечера, но вот-вот даст, и предложил пока послушать музыку. Другой заиграл на аккордеоне старый добрый «Сент-Луис блюз», от которого сходило с ума наше поколение в 50-е годы. Потом пошли под фисгармонию песни Тагора. Похоже было, что плакали наши денежки.

И вдруг что-то изменилось, видимо, кто-то догадался, дать полиции бакшиш — и разрешение было получено. На сцену высыпали музыканты, да и публики заметно прибавилось. И началось!

Одна за другой выходили на сцену элегантнейшие шлюхи Бомбея и Калькутты — демонстрировали свои прелести, исполняли «танец живота», постепенно подбирались к стриптизу, снимая то одно, то другое и как бы выжидая реакции полицейского у входа Свободных мест уже не было, в зале стояла банная духота, и фены с нею не справлялись. Атмосфера накалялась, рев нескольких сотен распаленных самцов сотрясал стены, номера становились все более откровенными, а наиболее буйные ребята уже пытались взобраться на сцену. Запомнилось, как девица, подбоченясь, стоит у самого края сцены и курит. И время от времени протягивает сигарету вниз, совсем уже осатаневшему парню в сикхском тюрбане, а он каким-то кошачьим, гибким движением подпрыгивает, пытаясь схватить сигарету. Все более зловещим становилось веселье, и трудно было судить, чем все кончится. Мы почли за благо уйти.

Парк-стрит была пустыня. Хотелось хлопьев снега, рождественского морозца. А на нас дышала бенгальская ночь — темная, холодно-влажная, чужая.

31 декабря (ночь). Когда новогодний банкет в торгпредстве выдохся и во дворе стали крутить «новинку» — сразу две серии «Романса о влюбленных», я тихонько выбрался с опостылевшего двора и решил пройтись немного по Чоуринги, ее переулкам. Стоял густой, холодный туман, знакомые улицы становились «остраненными», непохожими, и я брел, удивляясь

превращениям зимней Калькутты. В окнах домов тускло, вполне, светили лампочки, освещая голые, осклизлые стены, из черных провалов подъездов несло погребной затхлостью. В дверных проемах лачуг мигали огоньки костерков. Из тумана выныривали сторбленные тени и снова уходили в туман.

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

И фонари светили тускло, туманными шарами. Под одним, привалившись спиной, стояла жалкая, продрогшая проститутка.

Калькутта — большой порт, и представительниц древнейшей профессии здесь много. Но, боже мой, как непохожи на «жриц любви» эти замордованные существа, мешки костей и немощной плоти, закутанные в грязное тряпье, голодные и отчаявшиеся! Кто польстится на них, разве что матрос-забулдыга?

Тем вечером, уходя в кривые, промозглые улицы Калькутты, я вспоминал увиденное за девять месяцев — глаза бежавших от голода на калькуттский асфальт, рев толпы, блокирующей местный парламент, молодых ребят, вскидывающих кулаки в рот-фронтском приветствии, дворцы и лачуги, богатство и нищету. И понял, почему без конца повторяю строки Блока, Некрасова, Мандельштама, почему так близок мне бывает этот огромный, мучительный город, что он напоминает. Ну конечно, Ленинград-Петербург, город Достоевского и Блока, с его дворами-колодцами (сам жил в одном из них), облупившейся штукатуркой некогда надменных дворцов, грязными, пропахшими кошками подъездами, черной водой каналов. Атмосфера старого Петербурга жива не только в городе на Неве, но и здесь, в чужом, англо-индийском городе на реке Хугли. На его грязных тротуарах, в гнилых лачугах и притонах и сегодня разыгрываются драмы, достойные пера Достоевского: идут на панель Сонечки Мармеладовы, маются униженные и оскорбленные, мерзнут на ветру бездомные дети, и вывихнутая злоба Раскольников мутит мозги бедному студенту, ворячающемуся на своей циновке...

«Чуть мигают фонари, пустыня и безлюдье; только на нескольких перекрестках словно вихрь пронесит пьяное веселье, хохот, красные юбки; сквозь непроглядную ночную вьюгу женщины в красном пронесли шумную радость, не знавшую, где найти приют. Но больная, увечная их радость скалит зубы и машет красным тряпьем; улыбаются румяные лица с подмалеванными опрокинутыми глазами, в которых отразился пьяный приплясывающий мертвец — город...» (Александр Блок).

1975

2 января. Продолжаю записи, сделанные в прошлом году.

Калькутта интересна еще и тем, что здесь сохранились остатки викторианской эпохи, которых не найдешь в самой Англии. Но... в Англии я не был, а в Ленинграде жил, люблю его во всех ипостасях и могу сравнивать.

Князь А. Салтыков пишет:

«Мы бросили якорь перед Калькуттой. С первого взгляда город похож на Петербург: река, широкая, как Нева, ряды европейских зданий с большими промежутками, низменная местность и целый лес мачт. *Ma che cologa, che sudata* (Но какая жара, какая духота)».

Схожи эти города не только во внешних деталях, схожа их судьба. Петр I основал свою столицу в 1703 году фортом на Заячьем острове; форт, с которого началась Калькутта, возник в 1690-м — раньше на 13 лет. И пусть Петербург был основан «своим» царем на «своей» земле, а Калькутта — чужими солдатами на чужой земле, в обоих случаях — и через «окно в Европу» и через «ворота в Индию» лез один и тот же нахрапистый гость — европейский капитализм. У нас к новым порядкам приобщали «родной» царской дубинкой, плахами и топорами, у индийцев — «чужими» мушкетами и виселицами. Оба крупнейших в своих странах порта были одновременно и столицами, и оба потеряли свой статус. И Петербург, и Калькутта славились своими радикальными традициями, были центрами рабочего и революционного движения. В Петербурге взлетали в воздух от бомб народовольцев

кареты царей и высших сановников, в Калькутте бомбы националистов рвали в клочья английских губернаторов и полицейских. И шли на виселицы революционеры в английской Калькутте и русском Петербурге. Нигде не следили за русской революцией 1905—1907 годов так внимательно, как здесь, в Бенгалии, беря на заметку все ее достижения и просчеты. Никто еще не занимался вопросом: а не смыкалась ли каким-то образом деятельность русских борцов против самодержавия и индийских борцов за независимость? * Вспоминаю слова молодого поэта: «Если в Индии будет революция, она начнется в Калькутте».

4 января. Скопилась уже целая папка вырезок и выписок по истории Калькутты. Чтобы оживить эту грудку бумаги, я решил сегодняшней день, первую субботу нового года, посвятить поискам могилы основателя города Джоба Чарнока **.

Впрочем, оказалось, что никаких особых изысканий не требуется. В первом же путеводителе был найден точный адрес: двор церкви св. Джона на площади Дальхаузи.

И вот я на самой знаменитой, самой красивой и фешенебельной площади Калькутты. Какие великолепные здания формируют ее! С севера — огромное красно-белое, в псевдоклассическом, вроде Моссовета, стиле здание «Дома писцов», одно из старейших в городе. Оно было построено в конце 70-х годов XVIII века как офис для писцов и младших служащих Ост-Индской компании и прославилось как место пьяных оргий и скандалов, которые устраивали каждую ночь его обитатели. По свидетельству современников,

* Позже я прочел очень интересную (пока не опубликованную) статью советского индолога проф. А. В. Райкова (Липецк). Он нашел в советских архивах документы о неких Кендрацком и Болеслове, участниках революции 1905—1907 годов, бежавших после поражения и через Сибирь попавших в Калькутту. Связавшись с революционными группами, они предложили индийцам помощь в изготовлении взрывных устройств. Одно из донесений полиции сообщало, что высокая технология изготовления бомб, которые были конфискованы, несвойственна Бенгалии. Затем следы этих людей теряются.

** В 1976 году вышла книга корреспондента ТАСС О. Орестона, прожившего в Индии много лет (начиная с 1944 года), — «Ворота Индии», — посвященная истории завоевания Индии англичанами и становления Калькутты. Как не хватало мне такой книги, когда я был в Калькутте, сколько велосипедов приходилось изобретать заново!

каждый писец употреблял в те времена не менее четырех бутылок вина в день (для дам был установлен предел — одна бутылка). Начальство «гуляло», конечно, несравненно масштабнее. Теперь здесь размещается секретариат правительства штата Западная Бенгалия. Это здание и берут в осаду рабочие и студенты во время своих многотысячных маршей. Пьяных оргий здесь не бывает, зато всюду бушуют оргии бумажно-бюрократические. Бумаг скопляются тонны, они теряются, гибнут от влаги, их жрут крысы. В «Амрита Базар Патрика» я прочел забавную цифру: здание секретариата обслуживают около сотни котов, но, увы, не могут справиться с нахальными грызунами.

Ныне правительству штата стало тесно в старинном здании, украшенном ионической колоннадой и статуями Науки, Сельского хозяйства, Коммерции и Правосудия, и оно возвело для себя «Новый секретариат» в квартале отсюда, на углу Хейстингс-стрит, — 14-этажный, из стекла и металла.

На северо-западном углу высится экстравагантное здание с ребристым куполом серебристого цвета; фасад его, выходящий на площадь, — полукруглый и украшен коринфской колоннадой, наверху — огромные часы. Внутри ведут большие полукруглые ступени. Это Главпочтамт, построенный Уолтером Гранвиллем в 1864—1868 годы.

С юга — еще одна современная постройка — Телефон-Бхаван — центральная телефонная станция Калькутты, обеспечивающая около 90 тысяч абонентов — для города-гиганта очень мало.

И наконец, на юго-западном и северо-восточном углах площади стоят две старинные церкви — св. Андрея и св. Джона.

Но самое главное заключается в том, что я стою на том месте, где в 1690 году Джоб Чарнок с группой солдат и служащих Ост-Индской компании положил начало Калькутте.

Кем он был? Родился в 1631 году в семье небогатого помещика из Восточной Англии. Как тысячи других, отправился в далекую страну в поисках богатства. Прибыл в Индию в 1655 году. Впервые упоминается в книгах Ост-Индской компании как мелкий служащий с жалованьем 20 фунтов в год. Потом становится начальником фактории в Патне (Бихар). По воспоминаниям современников, он был ревностным и

инициативным служащим Компании, а в жизни — человеком тяжелого, неуживчивого характера. Но все-таки он был не такой уж плохой человек, этот Джоб Чарнок. Однажды во время своих поездок он увидел погребальный костер, на котором собирались сжечь девочку-вдову вместе с телом ее покойного мужа. Он спас ее от смерти и женился на ней, очень ее любил и впоследствии тяжело переживал ее смерть.

После долгих скитаний по Бенгалии, Ориссе, Бихару, после хитросплетений политики, когда местный наваб то разрешал англичанам строительство факторий, то изгонял их, судьба привела агента Компании на берег реки Хугли, где среди зловонных болот стояли три убогие деревушки — Сутанати, Каликотта и Говиндапур. Джоб Чарнок с 30 солдатами высадился на болотистом берегу возле Сутанати и водрузил британский флаг. В своем дневнике он оставил меланхолическую запись: «24 августа 1690. Приказал капитану Бруку идти с его судном в Чаттанати [Сутанати], куда мы прибыли около полудня, но нашли место в ужасающем состоянии... от наших строений ничего не осталось, дожди идут день и ночь».

Дело в том, что несколькими годами ранее настырный Чарнок уже дважды пытался закрепиться здесь, выстроил даже укрепления, хижины, землянки, но был взят в осаду войсками наваба и вынужден ретироваться, оставив после себя целое кладбище; из тех бедолаг, кто остался здесь навсегда, лишь немногие погибли от пуль наваба, большинство уложили ужасная лихорадка, шедшая из болотных недр, и желудочные болезни. Хижины и укрепления индийцы разрушили.

На этот раз Чарнок пришел уже на законных основаниях — с разрешением наваба на строительство фактории и гарантией на торговлю без пошлин в обмен на ежегодно выплачиваемые три тысячи рупий. Все объяснялось просто: империя Великих Моголов нуждалась в деньгах.

Решено было строить глинобитные хижины с соломенными крышами на манер местных. Но агент Компании мечтал о большем и воздвиг все-таки первый каменный дом канцелярии. Вокруг него началось строительство форта. Сам Чарнок его уже не увидел: истерзанный болезнями, он умер здесь в 1693 году, прожив в Индии около 40 лет. А вокруг форта начал

расти город — с дворцами и лачугами, с героизмом и подлостью, с неслыханной роскошью и неслыханной нищетой. Через столетие Р. Киплинг посвятил ему знаменитое стихотворение, которое и сегодня любят цитировать в Калькутте. Насколько я знаю, никто еще не пытался адекватно перевести его. Вот мой слабый подстрочный перевод:

Как полуденный кошмар Чарнока —
Вот досада —
Возник Город.
И распозлся хаотически,
Как поганый плесневый гриб.
Сам себя воздвигнувший, сам себя спроектировавший
На болотной почве.
Дворец, хлев, лачуга — бедность и гордыня
Бок о бок.
И над переполненным, тлетворным Городом
Реет Смерть.

Кстати, почему-то в Калькутте к «барду империализма» отношение иное, чем в Дели. Там его поминать не любят, а в книжных магазинах найти можно лишь «Маугли» в диснеевских изданиях. В Калькутте широко продаются и тома стихов, и «Ким», и иллюстрированная биография Киплинга, хотя родился и учился он в Бомбее, а Калькутту не любил. Я иногда думаю, что дело вовсе не в пресловутом «империализме» Киплинга, а в том, что он непозволительно глубоко вник в национальный характер индийцев и знал их «как облупленных», со всеми достоинствами и недостатками, и не только знал, но и любил по-своему. Он перешел границу, которая на Востоке лежит перед любым европейцем (мы чувствуем ее ежечасно даже с лучшими нашими друзьями-индийцами). А этого Восток не прощает.

...И вот стою я на прекрасной площади Дальхаузи, названной в честь маркиза Дальхаузи, генерал-губернатора Индии в 1848—1856 годы, а ранее называвшейся «Зеленой», «Парковой», «Бассейновой». Тщетно стараюсь представить себе, что здесь когда-то были джунгли с тиграми, шакалами и ядовитыми змеями, что вот там, где сейчас Главпочтамт, был болотистый берег реки Хугли (она за два с половиной века изменила русло и сильно отступила), стоял первый Форт Уильям (теперешний — уже другой, более поздний). На стене почтамта прикреплены памятные доски, на одной из них схема старого фор-

та — неправильного четырехугольника из кирпича — первого бастиона Империи на земле Индии, откуда расплодилось Горе и утвердилось в Индии на долгие двести лет. А на месте «Дома писцов» стояла первая калькуттская церковь — св. Анны.

Посреди площади находится небольшой водоем, питаемый родником. Считается, что этот родник — тот самый, что располагался у ворот старого форта и снабжал водой первых поселенцев — Чарнока и его соплеменников.

А вот и церковь св. Джона, трехъярусная, с остроконечным шпилем, врезающаяся в небо черным крестом, сухой и аскетической, как все англиканские церкви, архитектуры. Во дворе ее сохранилось самое старое христианское кладбище, где англичане хоронили своих усопших с первых дней Калькутты — с 1690 по 1767 год; после этого было открыто второе — на Парк-стрит. В углу кладбища, почти вплотную к стене, стоит небольшой мавзолей: два шестиугольника, нижний — больше, верхний — меньше, над ним небольшой купол. Внутри несколько старинных надгробий, на одном имя Джоба Чарнока и длинная неразборчивая надпись, где упоминается имя его жены. Она тоже похоронена здесь. Фоном мавзолею служит серый, с подтеками доходный дом. Из-за стены слышен шум огромного города, звонки трамваев, крики торговцев. Особого почтения к своему основателю Калькутта не испытывает, хотя могилу и сохранила. Впрочем, и сам скромный чиновник Ост-Индской компании вряд ли мог представить, какой каменный Вавилон вырастет из убогих землянок, выкопанных в душный августовский полдень 1690 года.

Насчет названия «Калькутта». Прежде всего надо отметить, что по-английски оно звучит «Калкатта». Фактория была заложена на месте деревушки Сутанати, но имя ей дала почему-то другая — Каликотта (по другому варианту — Калигхат). Есть еще одно забавное объяснение, из тех, что называют «народно-этимологическими». Будто бы англичане, высадившиеся на берег, встретили крестьян с гозом сена, у которых и спросили, как называется деревня (по-английски, естественно). А те, полагая, что речь идет о сене, ответили: «Каль катта» («вчера скосили»).

Сама церковь св. Джона тоже оказалась достаточно интересной. Построили ее в 1784 году по проек-

ту военного инженера лейтенанта Эгга, и когда она была завершена, то оказалась обладательницей единственного каменного шпиля, возвышавшегося над молодым городом. Поэтому индийцы называли ее не иначе, как «Патар сирджа» — «Каменная церковь».

Характерна сама история строительства церкви. Участок под нее подарил англичанам местный махараджа. Затем был создан строительный комитет во главе с генерал-губернатором, обнаруживший, что средств на строительство нет. Великая и богатая, лопающаяся от денег Ост-Индская компания дала на церковь какие-то жалкие крохи, поэтому средства пришлось добывать с помощью лотереи, пожертвований по подписке, а в конце концов генерал-губернатор, превысив свои полномочия, самовольно выдал крупную сумму из муниципальных средств. И один из современников, некий сэр Шор, писал другу с иронией:

«Землю под этот храм дал язычник, средства на нее были использованы самые противозаконные — лотереи, жертвования, конфискации. И только Компания не дала ничего».

Наверное, когда-то здесь кипела жизнь, особенно по воскресеньям: дефилировали разноцветные кареты и паланкины, суетились слуги с огромными пестрыми зонтами (ведь считалось престижным появляться на публике в сопровождении не менее семи слуг и четырех носильщиков), джентльмены в буклях и париках, в расшитых серебром камзолах спешили на помощь дамам, выходящим из карет и соперничающим между собой в роскоши туалетов.

...Сейчас здесь пусто и тихо, редко-редко зайдет какой-нибудь чужак-турист, вроде меня. Пусто и внутри, пылью подернуты вмурованные в стены мемориальные таблицы с именами знатных прихожан, жертвовавших деньги на храм (здесь венчались дед и отец Теккерей).

Интерьер, в отличие от католических храмов, аскетичен, стены облицованы черным мрамором; очень скромно и просто по оформлению алтарь, но зато там я увидел наконец «Тайную вечерю» — знаменитое творение Джона Зоффани (1733—1810). У нас этого художника знают мало, большинство его работ хранится в Англии и Индии, это типичный мастер XVIII века — автор портретов царствующей фамилии, полотен

на религиозные и мифологические сюжеты, известен также портретом великого Гаррика в одной из ролей. Песколько портретов я уже видел в Виктория-мемориал, но «Тайная вечеря» интересовала меня из-за своей необычной истории. Внешне в ней ничего особенного нет — типичная церковная живопись XVIII века, реалистическая по манере, слащавая по подаче, технически выполнена на хорошем уровне.

А история ее такова. Еще будучи в Англии, Зоффани написал картину на ту же тему (есть сведения, что она находится в Brentford, в церкви св. Георгия), причем изобразил в виде св. Петра себя самого, а в виде женственного Иоанна — свою жену. Ничего в этом криминального не было — все в духе эпохи. Но художника угораздило в виде Иуды изобразить брата царствующего короля Георга III. Королю это почему-то не понравилось, и Зоффани вынужден был покинуть Англию. В 1783 году он объявился в Индии, где прожил до 1790 года и создал свои лучшие произведения.

Здесь, в Калькутте, он написал второй вариант «Тайной вечери» и в 1787 году преподнес его в дар церкви св. Джона, где она заняла почетное место в алтаре. И снова он не удержался от «хулиганства»: уговорил главу калькуттского аукциона, некоего Талло, позировать для Иоанна, но когда картина была выставлена, бедняга с ужасом узнал себя в Иуде! Оскорбленный аукционер обратился в Верховный суд, который заставил художника уплатить изрядный штраф за оскорбление личности.

В церкви хранится еще одна, в высшей степени загадочная реликвия: осколок бомбы (одной из двух), упавшей на церковный двор 24 декабря 1942 года. Японской, что ли?

С другой стороны площади — храм св. Андрея, принадлежащий пресвитерианской церкви Шотландии. Он малоинтересен как снаружи, так и внутри, но я вычитал в старой книге два интересных исторических анекдота, связанных с ним.

Первый — о том, что пресвитер этой церкви, д-р Джеймс Брейс повздорил с англиканским епископом, утверждавшим, что шотландской церкви не положен шпиль, это прерогатива англиканской церкви. В ответ пресвитер поклялся, что возведет шпиль с петушком, который будет выше шпиля церкви св. Джона.

И выполнил обещание. Оскорбленный епископ обратился к властям, и те приняли поистине соломоново решение: церковь св. Андрея оставить как есть, но департаменту общественных работ «во веки вечные» не ремонтировать шпиль. Однако этот шпиль благополучно дожил до наших дней, и петух продолжает гордо красоваться над Калькуттой, не требуя до сих пор ремонта.

Во втором анекдоте рассказывается о том, что на месте храма св. Андрея когда-то стояло здание Старого суда, за ветхостью разобранный в 1792 году. Здесь проходил в 1779 году скандальный процесс над неким Филиппом Френсисом, обвиненным в предосудительных отношениях с юной женой мелкого писца Ост-Индской компании Гранда, ради которой означенный Френсис забыл жену и пятерых детей, оставленных в Англии. Миссис Гранд, урожденная Ноэль Катрин Вирли, миниатюрная блондинка с мечтательными голубыми глазами, считалась первой красавицей Калькутты. Френсис был признан виновным и приговорен к штрафу в 50 тысяч рупий. Оскорбленный муж, взяв деньги, уехал в Бихар, где основал на них фабрику по производству очень дорогой краски индиго, и, несмотря на слезные мольбы красавицы, дал ей развод лишь через много лет, когда она достигла сорокалетнего возраста. Я бы не стал записывать эту длинную историю, если бы не одна деталь: уже сорокалетней она отплыла наконец в Европу, где стала женой знаменитого наполеоновского министра — Талейрана.

5 января. Боюсь, что, пораженный возможностью напрямую соприкоснуться с историей, сконцентрированной на крохотном участке старого города, почувствовать атмосферу давно минувших времен, я чересчур увлекся в предыдущих записях деяниями джентльменов в шитых серебром камзолах, которые, что ни говори, пришли на чужую землю грабить чужие богатства. Поэтому я продолжу рассказ о них записью еще об одном памятнике, что находится во дворе церкви св. Джона; мрачная и загадочная история его не прояснена до сих пор.

Этот невысокий мраморный обелиск с 56 английскими именами посвящен памяти жертв так называемой «черной ямы» (или «черной дыры») Калькутты. История эта до сих пор вызывает споры.

«Черная яма» Калькутты

В 1756 году навабом (правителем Бенгалии, Бихара и Ориссы) стал молодой Сирадж-уд-Даула. Английские историки рисуют его жестоким, мстительным, распутным тираном, но воспринимать их писания следует осторожно, так как пишут они о враге. Возможно, он и был таким на самом деле, но большинство правителей тогдашней Индии, да и всего Востока были не лучше. Так или иначе, англичане оказались замешанными в один из дворцовых заговоров против молодого наваба и дали в Калькутте приют бежавшим от его гнева заговорщикам. В ответ на требование выдать беглецов, а также прекратить строительство военных укреплений вокруг Калькутты, что было нарушением договорных обязательств, англичане ответили наглым, оскорбительным письмом. После ряда драматических событий, длительной осады, многочисленных атак, трусливого бегства калькуттской верхушки во главе с губернатором Дрейком на корабле, последняя цитадель Калькутты — Форт — пала и весь город оказался в руках войск наваба. Принявший на себя командование гарнизоном после бегства начальства некто Джон Холуэлл сдал шпагу офицеру наваба. Холуэллу суждено было сыграть важную роль в дальнейших событиях, поэтому немного о нем.

Джон Холуэлл был типичным служащим Ост-Индской компании — жестоким, беспринципным, корыстолюбивым. Он носил звание главного мирового судьи, а также осуществлял контроль над землями Компании в окрестностях Калькутты. За ним числились такие «подвиги», как вымогательство денег, заключение невинных людей в тюрьму с целью получения выкупа, грабеж баржей под предлогом неуплаты «пошлины» за проезд через «его» владения, организация публичных домов и т. д. Но надо отметить, что человек этот обладал огромной личной храбростью, неуемной энергией и ясной головой. Вот почему именно он возглавил оборону уже обреченной Калькутты и держался до конца.

Холуэлла и других пленных привели к навабу, но тот говорил с ними милостиво и дал обещание, что не сделает им зла. Когда конвойный офицер обратился к уже ушедшему на отдых навабу с вопросом, что делать с пленными, тот раздраженно ответил, что

такие мелочи можно решить и без его участия, но потом осведомился, где англичане держали провинившихся солдат. Ему ответили, что в форту есть гауптвахта. «Вот там и разместите их», — решил наваб.

Гауптвахта представляла собой крохотную комнату с двумя небольшими окнами. Естественно, наваб не обязан был знать, что это за помещение, и, отдавая распоряжение, исходил из здравого смысла подчиненных.

Увы, то, что случилось дальше, иллюстрирует старую истину: нет ничего страшнее нерассуждающего служаки, в чем мы не раз убеждались и на нашей российской шкуре. Сколько бед пережило человечество от того, что, боясь лишней раз потревожить государя, приказ его выполняли буквально, не желая думать!

Единственным свидетельством происшедшего являются мемуары Холуэлла. Он пишет, что в ночь с 20 на 21 июня 1756 года 146 пленных англичан, среди них 12 раненых офицеров и одна женщина, Мэри Кейри, были заключены в помещение гауптвахты размерами 6 на 4,5 метра. Сам Холуэлл был брошен в камеру первым и успел пробраться к окну и ухватиться за решетку. Остальные ввалились все вместе, топчя упавших. Снаружи бушевал пожар — горели подожженные по приказу наваба укрепления и другие постройки. Даже снаружи температура воздуха доходила до 40 градусов. А внутри люди задыхались от смрада и духоты, от ран и жажды, пытались пить собственную мочу, сходили с ума, умирали в мучениях. Они умоляли солдата снаружи открыть дверь, но он заявил, что нужен приказ наваба, а господин спит. Лишь на рассвете кто-то доложил навабу о трагедии. В гневе тот приказал немедленно открыть гауптвахту. Было 6 часов утра. Когда разобрали трупы, оказалось, что в живых остались лишь 22 мужчины и женщина. Среди них был и Холуэлл, описавший трагедию.

Его свидетельство уже давно поставлено под сомнение историками Индии. Опираясь данными геометрии и физики, они доказали, что даже если бы люди были втиснуты вплотную друг к другу, как мешки в трюм, туда вошли бы в стоячем положении всего 89 человек. По-видимому, под влиянием перенесенного ужаса Холуэлл всячески преувеличивал трагедию, чтобы показать жестокость и бесчеловечность индий-

но и. И когда стали выяснять имена 146 человек, побывавших в «черной яме», установить удалось лишь 56. Их и выбили на обелиске, возведенном стараниями Холуэлла в память о той страшной ночи. Он стоял в самом центре площади Дальхаузи до 30-х годов, когда индийские патриоты потребовали убрать этот оскорбительный для национального достоинства Индии памятник. Власти вынуждены были перенести его во двор церкви св. Джона. Тем более что они успели вписать в историю своего господства в Индии немало «подвигов», жестокостью превосходящих «черную яму» Калькутты.

Через некоторое время после описанных событий Калькутта была вновь отвоевана англичанами. А 23 июня 1757 года у деревни Плесси английские войска под предводительством Роберта Клайва разгромили армию Сирадж-уд-Даула. Эта дата стала одной из самых черных в индийской истории, началом колониального владычества Англии в Индии, растянувшегося на 190 лет. Лишь в августе 1947 года последний английский солдат покинул землю Индии...

7 января. В Асутош-музеум (этнографическом музее Калькуттского университета) открылась выставка, организованная Итальянским культурным центром, — «Древние связи Италии и Индии».

Выставка сделана добротню, хорошо смотрятся изящные, ярко освещенные витрины, масса фотографий и цитат из древних авторов.

Из них я узнал, что еще в 50 году н. э. порт Арикамеду (в двух милях на юг от сегодняшнего Пондичери, анклава на территории Тамилнада, долго принадлежавшего Франции) был важнейшим центром торговли с Римской империей. Туда отправлялись специи, парфюмерия, слоновая кость, шелка, ценные сорта дерева. Плиний Старший, упрекая патрициев за страсть к роскоши, писал, что «нет года, когда бы Индия не выкачивала из Римской империи сотни миллионов сестерциев». «Гвоздем» выставки является небольшая статуэтка Лакшми из слоновой кости, найденная при раскопках в Италии.

Да и сам музей оказался удивительно интересным и «до краев» наполненным произведениями народных мастеров. У входа вас встречает каменная статуя, в главном холле высится резная каменная колонна из

уже не существующего храма X века в Сундербале. В вестибюле — копии фресок, индийских и цейлонских. А в залах — творения народных мастеров с древности до наших дней. Некоторые из экспонатов можно и сегодня купить на уличных лотках, и я с гордостью отмечал: это у меня есть, и это тоже есть...

Этнографический музей университета (Для любителей искусства)

Асутош-музеум, первый в Индии университетский музей, был открыт в 1937 году и назван в честь сэра Асутоша (в бенгальском произношении — Ашутоса) Мукерджи, замечательного просветителя и вице-канцлера (соответствует нашему «ректор») Калькутского университета.

Целью создания музея было представить все фазы развития искусства Прачьи (так называлась в древности территория, объединявшая нынешние Западную Бенгалию, Бангладеш, Ориссу и Бихар) — от I тысячелетия до н. э. до настоящего времени.

В 10 галереях музея размещены: каменные скульптуры древнейшего, древнего (классического) и средневекового периодов из Бенгалии, Ориссы и Бихара — индуистские, буддийские и джайнские; бронза востока и запада Индии, Непала, Тибета; редкие монеты и печати; иллюстрированные рукописи из Непала; уникальные картины на пальмовых листьях; рукописи из Ориссы; старые и современные предметы из дерева и слоновой кости; коллекция миниатюр — могольских, раджастханских; непальские и тибетские танки (иконы на шелку); изделия народного творчества Бенгалии, Ориссы, Бихара — из глины, дерева, папье-маше, калигхатский и орисский лубок и, наконец, коллекция бенгальской терракоты.

В 1937 году, в день открытия, новый музей насчитывал всего пять экспонатов. К концу года их было уже 1228. А в конце 70-х годов одна из последних ревизий фондов дала цифру: 24 200 экспонатов, в том числе 1440 каменных статуй, 3500 терракотовых плиток и статуэток, 1125 пата* и картин, 950 металличе-

* Пата — лубочные картинки на длинных лентах бумаги или ткани, своего рода комиксы. Повествуя о подвигах героев, уличный рассказчик постепенно разматывает пата

ких предметов, 550 деревянных, 70 из слоновой и другой кости, 240 рукописей, 3370 монет и 2300 изделий народных промыслов. Из всего этого богатства выставлено лишь около трети. Причина обычная — не хватает площади.

Денег, разумеется, не хватает тоже, но фонды продолжают пополняться первоклассными памятниками культуры. Разгадка проста: их дают раскопки, осуществляемые силами университетских археологов. В 50-е годы тогдашний помощник куратора музея П. К. Дас Гупта раскопал со студентами в пределах 50 миль от Калькутты три древних города-порта: Тамралипти (Тамлук), Чандракетугарх и Харинараянпур, располагавшихся на Ганге, а также ряд других мелких городов. Особенно много находок дал Чандракетугарх (около 40 км к северо-востоку от Калькутты): тысячи монет серебряных и медных VI—V веков до н. э., терракотовых печатей, кувшинов для вина (римских). А в районе Миднапура была найдена изумительной красоты терракотовая женская голова (эпоха Гуптов), ставшая гордостью музея.

Кстати, в районе Хугли, а также в Ориссе, в развалинах города Сисупалгарха, найдено немалое число глиняных медальонов местного происхождения с изображением головы цезаря Августа, явно скопированным с римских монет. Так что выставка, посвященная древним связям Италии и Индии, в стенах Асутош-музеума была неслучайной.

Земля Индии открыла еще не все свои тайны — ежегодно раскопки приносят все новые чудесные открытия. А фонды музея продолжают пополняться.

11 января. Однодневная поездка в Вишнупур. 145 километров к западу от Калькутты, чтобы хоть краем глаза взглянуть на бенгальскую «глубинку».

С XVI по XVIII век Вишнупур был столицей небольшого княжества, которым правила династия Малла, центром вишнуитского культа, а также искусств, архитектуры и торговли. Судя по путеводителям, он и сегодня славится своей музыкальной школой, шелками и глиняными изделиями. Но главное его богатство — уникальные храмы, облицованные терракотовыми плитками, не известные нигде за пределами Бенгалии. Недалеко от Вишнупура находится одна из деревень, где делают знаменитых на всю Индию «бан-

курских лошадок» (по названию округа Банкура, куда входит и Вишнупур).

Бенгальский зимний пейзаж довольно уныл: пустые, залитые водой поля — до горизонта, дальше — леса, редкие, хилые, напоминающие подмосковные посадки в конце октября, когда облетела листва. А Вишнупур (бенгальцы произносят «Бишнупур») оказался крохотным, сильно запущенным городком. Достаточно солидно смотрелись лишь несколько домов прошлого столетия на центральной площади, в одном из которых размещались музыкальная школа и новый отель. Никаких магазинов с шелками и сувенирами не было, только выжженные солнцем пустые улочки да скудный базарчик, где продавали бананы и какие-то корни. И всюду запустение, облезлые, заплесневелые стены, убожество и нищета... Вот уж, поистине, недолговечна мирская слава!

Зато храмы оказались превыше всяких похвал! Все они «сгрудились» за городской чертой, где когда-то, по-видимому, и был религиозно-культурный центр города. Они стоят поодиночке и группами, красно-коричневые на изумрудно-зеленых полянках. Все на платформах: говорят, что когда-то здесь текла река, которая часто разливалась. Формы храмов самые разнообразные: четырехсторонняя аркада на высокой платформе, окружающая куб с пирамидальной крышей; храмы с «щипцовой» кровлей, странно напоминающей храмики Новгорода; одинокие башенки с характерными для Бенгалии полукруглыми кровлями, явно имитирующими бамбуковые хижины. Все храмы носят экзотические, но мало что говорящие имена: Шамвай, Колачандлалджи, Джорбангла и т. д. Все-таки о некоторых я кое-что узнал. Так, самый большой и знаменитый из храмов называется «Панчаратна» — «Пять сокровищ» и посвящен Кришне — «Черному господину» (Шьяма-Раи). У него соответственно пять святилищ, которые завершаются пятью главами, расположенными, как в русском православном соборе: центральная глава и четыре по бокам. Трехпролетный вход разделен колонками; завершения арок килевидные, как у мусульман. Год строительства — 1643. Храм Джорбангла — 1655 год.

Но главное во всех этих храмах — терракотовые плитки, сплошным ковром покрывающие их стены, колонны, иногда только снаружи, иногда и внутри (в

Джорбангла плитками выложены не только внутренние стены, но и потолки!). И каждая плитка — произведение искусства, не повторяющееся дважды. В основном это сюжеты из легенд о Вишну и его аватарах — Кришне и Раме: богатство неисчерпаемое — тысячи сюжетов. А еще орнаменты! Цветы! Звери и рыбы! Жанровые сценки! Я носился, как сумасшедший, с фотоаппаратом, да много ли снимешь на жалкие 36 кадров! Залезал на один из храмов, сверху отличный вид: стоят со всех сторон храмики, как подосиновики. А в одном месте натолкнулся на непонятные развалины, долго по ним бродил, пока не понял: остатки христианского храма. Какого века — неизвестно, и вряд ли кто знает.

В основном храмы сохранили свою облицовку, причем в хорошем состоянии. Некоторые плитки почернели, но это вина старых мастеров — плохо обожгли. Терракота — вечный материал, способный выстоять против времени, огня, воды, любой стихии, кроме одной — хищных туристов, выламывающих плитки, и местных невежд, продающих их за бесценок. Вот почему на многих чудесных зданиях появились безобразные проплешины. В правительство штата уже был сделан запрос о необходимости поставить охрану у бесценных памятников старины.

У нас оставалось еще немного времени, и мы заехали на час в одну из банкурских деревушек, где делают знаменитых лошадок, делают многими тысячами, обжигая в домашних очагах. Они бывают разные — деревянные, бронзовые, но здесь, где их родина, они — глиняные, красные и черные. Ушки и хвосты — съемные. К сожалению, посмотреть, как их делают, не удалось, поджимало время. Но несколько штук, небольших, у одного дома мы купили. Уезжая, увидели на околице деревни двух огромных, красного цвета красавцев-коней, в лепнине, узорах, — они охраняли въезд в деревню от злых духов.

На обратном пути в реденькой эвкалиптовой рощице мы остановились отдохнуть. И узрели (тоже впервые в жизни) крепость термитов. Это высокие, метра полтора и выше, структуры кремового цвета, напоминающие конусы, но с множеством складок с рваными, острыми краями. Они были продырявлены многочисленными ходами, но хозяев не было — то ли покинули свой дом, то ли ушли вглубь на зимовку. Ни

одного, даже крохотного кусочка на сувенир мы ни отломить, ни отбить не смогли — крепость стали. Оставалось одно — сфотографироваться рядом на память.

Терракотовые храмы Бенгалии

В средние века Бенгалия становится центром культа бхакти, основанного на легенде о любви Радхи (человеческой души) к Кришне (Богу) и сыгравшего огромную роль в становлении индийской культуры. Кришнаитские храмы строятся по всей Бенгалии: для каждого преуспевающего индуиста дело чести — вернуть людям часть накопленных богатств посредством строительства храма, которым могут пользоваться все. Храмы строили помещики, брахманы, ювелиры, купцы, даже виноторговцы.

Особенно много кришнаитских храмов с уникальным терракотовым декором сохранилось в бенгальском округе Банкура, куда входит и Вишнупур, а также в округе Бирбхум, граничащем со штатом Бихар.

Терракота — материал древний, известный еще в Мохенджо-Даро и Хараппе (III—II тысячелетия до н. э.). Но терракотовая облицовка храмов — чудо, принадлежащее Бенгалии. Пик этого искусства был в XVI—XVIII веках. Храмы строились до конца прошлого века, но постепенно этот обычай угас, что привело к исчезновению ремесла храмовых строителей, остались лишь игрушки и банкурские лошадки...

В былые времена по Бенгалии бродили артели мастеров по терракоте. Артель состояла обычно из 12 человек, во главе стоял мастер, приказы его исполнялись беспрекословно. Он принимал заказы, отвечал за качество исполнения, получал плату. Остальные считались его учениками и как бы членами единой семьи, а потому и жили, и работали вместе.

Как начиналось строительство храма? Заказчику, пожелавшему спасти душу, мастер показывал имевшийся у него набор типовых проектов для храмов различных форм и размеров. Выбранный согласно средствам и вкусам проект принимался к исполнению. Часть артели немедленно отправлялась по округе на поиски глины. После испытания образцов останавливались на каком-то из месторождений, и работа начи-

налась. Делали кирпичи небольшого, строго определенного размера. Из той же глины делались формы, по которым будут отливаться типовые детали украшения. Специальные художники-модельеры разрабатывали композиции и сценки, которые украсят будущие плитки, и здесь никаких пределов их фантазии не ставилось. В период сушки, не раньше и не позже, острым инструментом — ножом, резцом из кости или бамбука — прорабатывались детали, чистились, уточнялись. Далее шли обжиг в особых печах, отбор, облицовка. Когда храм был закончен, артель отправлялась дальше, в поисках новых заказов.

Если в вишнупурских храмах тематика украшений традиционная, чисто кришнаитская — мифологические сюжеты, орнаменты, птицы, цветы, жанровые сценки, то в Бирбхуме, кроме того, присутствует тематика совсем необычная: жизнь европейцев. То ли мастеров поразили необычный вид и обычаи пришельцев, то ли они хотели угодить новым хозяевам, но, так или иначе, рядом с Кришной, Рамой и Ситой появились леди с собачками, джентльмены с трубками, солдаты и т. д. Есть и довольно едкие сюжеты, например осел, выпрашивающий подачку у англичанки, ряд изображений на плитках носит эротический характер.

О банкурских лошадках

Бесчисленные фигурки животных из терракоты были найдены при раскопках в долине Инда, но лошадей там не было. Лошади пришли откуда-то извне, с севера, неся на себе арийских наездников, и с течением веков стали важной темой племенного и деревенского искусства Индии. Индра, бог грома и дождя, ездил в колеснице, запряженной десятью тысячами золотых и по-павлиньему раскрашенных жеребцов. Бог солнца Сурья ездил в колеснице, запряженной семью жеребцами. На юге Индии терракотовых лошадей ставят у околицы села, чтобы бог Аянар мог объехать ночью вокруг него и охранить жителей от злых демонов. Их высота — до 3 метров, они ярко раскрашены и декорированы.

В Бенгалии таких лошадок лепят деревенские мастера в округе Банкура. Их жертвуют богам, если хотят иметь ребенка, поправить здоровье, выиграть

дело в суде. Иногда их ставят на могилы индуистских или мусульманских святых.

Большие терракотовые кони, красные или черные, стоят в поле, у околицы, их подвешивают к ветвям деревьев, слывущих священными, у прудов и бассейнов. Для крестьянина конь — символ надежды.

Эта практика жива и сегодня. Деревенские гончары лепят такие фигурки тысячами, они разбиваются, пропадают, гибнут от непогоды, и новые тысячи занимают их место.

В 1963 году черные и красные терракотовые фигурки впервые появились в сувенирных магазинах Калькутты. Под названием «банкурские кони» они начали свое победное шествие по стране и всему миру. Банкурские кони имеют небольшое тело, длинные ноги, длинную шею, маленькую головку и длинные уши, из-за которых их путают с осликами. Уши и очень короткий хвост — съемные. Сейчас у них появилось множество собратьев из дерева, бронзы, стекла, фаянса и т. д. Но родоначальниками всех их являются кони из бенгальского округа Банкура.

25 января. Я нашел способ знакомиться с Калькуттой. Машиной меня и еще кого-нибудь, чаще всего Виктора, забрасывают в достаточно отдаленный район, откуда мы идем пешком, изучая по пути, как писали Ильф и Петров, «быт и нравы местных народов». И всегда находим что-то интересное. Сегодня это был новенький, «с иголочки», джайнский храм в какой-то боковой улочке. У входа были вмонтированы в стены большие плиты песчаника с высеченными на них поучительными сюжетами. Среди эпизодов из жизни джайнских вероучителей я вдруг увидел странно знакомый сюжет, который встречал в «Мудрости Балавара» — средневековом грузинском собрании басен и поучений, а также у Льва Толстого в его собственном переложении. А самой-самой первой была буддийская притча о человеке, которого загнал на дерево разъяренный слон. Устроившись на ветвях, человек огляделся и увидел у подножия дерева двух мышей, черную и белую, грызущих корни. В пропасти, на краю которой стояло дерево, извивался дракон, готовый проглотить человека, а на самом дереве выглядывали из нор головы четырех аспидов, также угрожавших человеку. Но он узрел на ветвях немного

меда диких пчел и стал его жадно слизывать, забыв о подстерегающих его опасностях.

Вот расшифровка образов древней притчи, которую давали проповедники всех времен — от неизвестных буддийских монахов до Толстого. Слоны — это смерть, преследующая сынов человеческих; пронасть — мир сей; ветви — дни человеческие; мыши — день и ночь; четыре аспиды — вещества, из которых создан человек, от исчезновения любого из них он гибнет; дракон — ад, а мед — мирские наслаждения, которыми мир обманывает сбившихся с пути людей. Сотни или тысячи лет бродит эта жестокая и безнадежная сказка по миру — от Индии и Непала до Грузии и России, и внимают ей одинаково и буддисты, и индуисты, и христиане, и мы, неверующие... И здесь, в Калькутте, затерянный в человеческом муравейнике, воспринимаешь ее мудрость особенно остро.

26 января. На территории, примыкающей к Форту Уильям, состоялся парад местного гарнизона по случаю Дня Республики. Конечно, после грандиозных зрелищ в Дели здесь все кажется гораздо скромнее. Прошли пожарные части, несколько пушек и БТР, несколько подразделений кадетов и кадеток. Сам дух здешних парадов все-таки очень непривычен для нас, особенно вольный шаг вместо нашего «прусского», идущего еще от Павла I. Непривычно и музыкальное сопровождение: идет военная техника, а оркестр исполняет старинный вальс «Осенний сон» (да, да, тот самый!), идут войска, и звучит разухабистый фокстрот, что-то вроде лещенковского «Чубчика».

Поэтому наиболее интересным оказалось другое: мы побывали возле Форта, куда обычно близко подходить не рекомендуется, так как здесь размещен воинский гарнизон. Я уже упоминал, что первый Форт стоял на месте теперешнего почтамта и был разрушен войсками Наваба при взятии Калькутты в 1756 году. После того как город был отвоеван англичанами, новый губернатор — Клайв немедленно заложил в октябре 1757 года укрепления на месте одной из трех деревень, давших начало Калькутте, а именно Говиндапура. Английские историки утверждают, что каждый из выселенных с насиженного места жителей получил хорошую компенсацию. Так это было или нет, проверить невозможно, данных нет. Зато доподлинно известно другое. После битвы при Плесси (23 июня

1757 года) Роберт Клайв и командующий эскадрой английских кораблей в Индии адмирал Уотсон потребовали от возведенного ими на престол вместо Сираджа нового наваба — Мир Джафара возмещения ущерба, нанесенного Ост-Индской компании во время штурма Калькутты. Для перевозки контрибуции потребовалось 100 рыбацких лодок. На них перевезли из Муршидабада в Калькутту 700 сундуков, доверху наполненных драгоценностями и золотом.

Теперешний Форт, возведенный в 1757—1773 годы, — это неправильный восьмиугольник; пять сторон его глядят на город, три — на Хугли. Снаружи стоят две старинные пушки и причудливая беседка, прозванная «Пепперпот» — «Перечница». Внутри, как говорят, находятся казармы, церковь св. Петра, бассейн, плацы для тренировки и парадов, базар и кинотеатр. С территории Форта за всю его историю не было произведено ни одного выстрела...

Неподалеку от Форта располагается весьма представительное здание в псевдоготическом стиле, со стрельчатыми окнами, с прекрасной, в пинаклях и витражных розах башней, с мраморной колоннадой по южному фасаду. Капители колонн высечены из лучшего кайенского мрамора, и нет двух одинаковых. Вокруг разбит живописный английский парк. Впечатление, что ты находишься не в Индии, а в старой доброй Европе. Это — здание Верховного суда, построенное в 1864—1872 годы архитектором Уолтером Гранвиллем, причем образцом для подражания ему служила ратуша бельгийского города Ипра.

Вход внутрь, естественно, ограничен. Известно, что там висят до сих пор портреты английских монархов и вельмож, правивших Британской Индией, в том числе работы вездесущего Джона Зоффани. Высшее общество бережно хранит воспоминания о благословенных временах Раджа: жилось ему и тогда неплохо, зато по сравнению с сегодняшним днем везде царили тишина и порядок. Кажется, кусочек Империи застыл здесь во времени, нетронутый. Но статуя перед фасадом разбивает вдребезги законсервированную имперскую тишину парка: молодой парень со всклочоченной копной волос, со связанными за спиной руками, внешним видом и позой напоминающий Зою Космодемьянскую, стоит дерзко и гордо среди великолепия английского парка. Чувствуется, что автор памятни-

ки хотел изобразить обреченного, но не сломленного бойца. Это памятник Кхуди Раму, 14-летнему борцу за свободу, бросившему в 1905 году бомбу в английского губернатора и повешенному по приговору Верховного суда, вынесенному именно здесь, в этом красивом, величественном здании.

Поближе к реке находится еще одна достопримечательность английской Калькутты: Иден-гарденс — сады Идеи, небольшой изысканный парк, названный в честь его учредительниц, сестер Иден, родственниц генерал-губернатора Индии в 1835—1842 годы, лорда Окленда (неплохие акварели одной из них хранятся в музее Виктории). Парк был заложен в 1835 году. Он был и остается местом для прогулок «чистой публики». Современники писали о «великолепных аллеях величественных деревьев, где так приятно было бродить при лунном свете». Циклон 1864 года уничтожил эту красоту, а люди довершили его дело. Сегодня парк украшен лишь цветущими кустами и клумбами. Главная его достопримечательность — деревянная буддийская пагода, вздымающаяся красно-желтой пирамидой на одной из лужаек.

История ее весьма типична для английских колониальных нравов. Ее построила в бирманском городе Проме в 1852 году над изображением Будды, усыпанным драгоценным жемчугом, некая Ма Кин, вдова правителя города. Во время поездки по Бирме маркизу Дальхаузи приглянулась пагода, и он приказал перевезти ее в Калькутту. Ее разобрали, погрузили на корабль Ост-Индской компании и в 1854 году установили в Форте Уильям. Позже она была перенесена на территорию Иден-гарденс.

Но вернемся к памятнику перед зданием Верховного Суда. Что же происходило тогда в Бенгалии? Шел новый, XX век. Национально-освободительное движение набирало силу по всей Индии, но особенно интенсивным было в Бенгалии и столице Британской Индии — Калькутте. В попытках сбить его накал колониальные власти предприняли маневр: в 1905 году решено было расчленить Бенгалию на две части по религиозному признаку — на индуистскую и мусульманскую. Ответом был взрыв негодования и как следствие — терроризма. Подобно нашим народовольцам (да и просто используя их опыт), молодые националисты устраивали форменную охоту за английскими чинов-

никами. Калькутту сотрясали многочисленные демонстрации протеста, кончавшиеся обычно арестами или расстрелом демонстрантов. Именно тогда возникла индийская Марсельеза — знаменитый гимн освободительного движения «Банде матарам» («Мать-Родина») на слова известного бенгальского писателя Бонкимчондро Чоттопадхьяя. На всех военных парадах и демонстрациях его обязательно исполняют наряду с национальным гимном. Я уже упоминал, что бенгальским патриотам помогали и наши соотечественники — участники революции 1905—1907 годов, бежавшие от царских жандармов после разгрома революции.

Размах неповиновения был велик, и англичане поняли наконец, что их детище — Калькутта — вышло из повиновения. И было решено: перенести столицу Британской Индии из неудобной Калькутты в Дели. Это произошло в 1911 году. И рядом с древним городом по проекту знаменитого Эдвина Лютенса в считанные годы возник красивый, новенький с иголочки Нью-Дели.

Лучше всего события тех лет описал Рабиндранат Тагор в романах «Гора», «Дом и мир» и других. Интересно: дома, честно говоря, я читать Тагора просто не мог, было скучно: хвалил потому, что положено хвалить, великий все-таки писатель, да и стихи хорошие. А здесь, в Калькутте, книги его для меня наполнились жизнью, и я понял, что Тагор — грандиозное явление не только литературы, но и всей бенгальской культуры, и не только бенгальской, но и индийской, и мировой. И что мы о нем почти ничего не знаем.

1 февраля. Завершился международный кинофестиваль в Индии. Основной просмотр проходил в Дели, а к нам, в Калькутту, по-видимому, из-за ее радикальной репутации прислали фильмы молодежного авангарда. Фильмы очень разные, много откровенной халтуры, но много и настоящего, свежего. К сожалению, как у индийской публики, так и у нашей отношение к фестивалям одинаковое: раз фестиваль, значит, фильмы нерезанные, следовательно, будет «клубничка». Поэтому у кинотеатров бушует толпа, жадно хватая билеты на все подряд и оставляя потом залы полупустыми. Так, уходили целыми рядами с аргентинского фильма «Час гнева», снятого в подполье и вышедшего на свет только после прихода к власти перонистов. И лишь немногие досидели до финальных

кадров: лицо мертвого Че Гевары и нарастающая барабанная дробь в течение нескольких минут.

5 февраля—11 февраля. В историческом центре Калькутты, неподалеку от Иден-Гарденс, вырос в последние годы огромный крытый стадион имени Нетаджи Субхас Чандра Боса. В сущности, он не завершен до сих пор — то тут, то там капают сверху на одежду капли расплавленного гудрона. Все эти дни мы проводим на стадионе: идет всемирный чемпионат по настольному теннису. Ажиотаж безумный: билеты куда-то наверх, под крышу, где нечем дышать, перепродаются по 400 рупий. Нам, как журналистам, положены пропуска. Я получил их в штаб-квартире чемпионата в старомодном, начала века, отеле «Грейт Истерн» у спортивного, подтянутого, седоватого джентльмена — мистера Боса, оказавшегося племянником Нетаджи. Как вся пресса, я имею право «пасть» у самых кортов. Самую большую команду прислал Китай, правда, я заметил, что на одного игрока приходится по десять политработников: сидят на трибунах, неподвижные, надутые. С командой приехал замминистра по спорту. В последнее время усиленно распространяются слухи об улучшении отношений Индии и Китая, и вот она — пинг-понговая дипломатия: с ними носят газеты полны их портретов, отчетов о том, что они ели за завтраком, и т. п. наших — человек одиннадцать, более половины — ребята из Армении. Местная армянская община закупила чуть ли не целую трибуну и ходит болеть за нас в полном составе вместе с отцом Акопом.

В первые дни наши играли вяло: сказывался климат, особенно влажность. Но постепенно разыгрался. Девушка из Каунаса Аста Станкиене обыграла чемпионку мира, маленькую, тоненькую, подвижную как ртуть китаянку. Приятно было, когда китаянка под каменными взглядами своих начальников первая подошла к Асте и пожала ей руку, поздравляя с победой. Первые и вторые места заняли наши смешанные пары: Гомозков — Фердман и еще одна. В последний вечер мы сидели на стадионе допоздна, болея за нашу команду и попутно любуясь ювелирной игрой китайцев, японцев, филиппинцев. Отчет о чемпионате, главным образом о советской и индийской командах, с множеством фотографий напечатан в нашем журнале, и этот номер мы дарим в качестве сувенира.

23 февраля. Еще одна поездка за пределы Калькутты — в городки Навадвипа и Кришнанагар.

Прошел всего месяц со времени поездки в Вишнупур, а пейзаж уже другой — деревья вдоль дороги цветут огромными красными цветами.

И вдруг мы уперлись в довольно широкую реку. Переправа — на пароме, хилом на вид, но спокойно выдерживающем тяжелые грузовики. Встав в довольно длинную очередь, мы прикинули, что простим не менее часа, поэтому отошли подальше, на уютную полянку, и расположились позавтракать. И хотя было очень рано (часов 8), мы не успели даже разложить продовольствие и открыть термосы, как немедленно, будто из-под земли, появились люди — мужчины, женщины, дети. Нет, они ничего не просили, просто стояли в отдалении толпой и смотрели, как белые саабы едят. Едят — и давятся от этого внимания...

Паром привез нас к песчаному берегу, где на возвышении лежал очень старый, очень святой и очень грязный город Навадвипа («Новый остров»). Он был известен еще в XII веке под названием Надия. В средние века он стал одним из центров кришнаизма, ибо именно здесь родился знаменитый святой, поэт-бхакт Чайтанья. Храмов и сегодня здесь много, они высются на всех улицах. Мы побывали в трех. В первом не было ничего, кроме грубых идолов, вымазанных красной краской. По узкой улочке, окруженные толпой мальчишек, мы прошли ко второму, носящему имя Радха-Кришна. На втором этаже просторный зал, по периметру которого размещены в стенах большие, освещенные на манер аквариумов ниши, в них устроены диорамные кукольные сценки на тему мифов о Вишну и истории Кришны и Радхи. Все куклы — из глины, грубоватые, но выразительные, все ярко раскрашены. На крыше в отдельном домике сидели, увенчанные гирляндами цветов, две большие, выше метра, статуи Кришны и Радхи. Отсюда был хорошо виден насквозь весь городишко: главная улица и отходящие в стороны кривые переулки.

Третий храм, самый известный, хранил золотое (позолоченное?) изваяние Чайтанья. Больше смотреть было нечего, и разочарованные дамы потребовали от меня магазинов с сувенирами, серебром и шелками, коими, судя по путеводителям, издревле славился город. Побродив по бедным лавкам, где лежали

дешевые тряпки, все успокоились и вернулись в автобус. В таких городках, вроде Вишнупура и Навадвини, особенно отчетливо видна разница между гигантскими метрополисами и провинцией. Молчаливо было признано, что экскурсия не удалась, но возвращаться еще не хотелось, поэтому решили проехать немного вперед, просто так, наобум, ведь никаких путеводителей по окрестностям не имелось. И тут события приняли весьма занятный оборот.

Сначала мы проехали через две чистенькие, чересчур чистенькие, какие-то ненастоящие деревеньки, стоящие среди зеленых пальмовых рощиц и лугов — такой Бенгалии мы еще не видели. Потом пошли храмы — один, второй, десятый, и тоже все новые, «с иголочки», пятиглавые, белые с розовым, желтые с красным, белые с голубым, совсем русские по архитектуре, и только огромные листья банановых рощ и пальмы мешали этому впечатлению. Внутри каждого храма стояли мраморные, одетые в позолоченные одежды и осыпанные лепестками цветов статуи богов и святых, старых и новых. Мы попали в деревню Майапур — родную деревню Шри Чайтанья, чье изображение видели в Навадвипе. Один храм стоял на месте хижины, где родился святой, другой был посвящен его родителям, третий и четвертый — его духовным наследникам, сегодняшним наставникам-кришнаитам. Брошюра одного из них, Свами Прабхавананды, продавалась тут же вместе с бумажными образками и сувенирами.

Чайтанья (1485—1533) жил и писал свои религиозные стихи-песнопения в период, когда по Индии шла волна религиозного подъема, так называемого движения бхакти, захватившего как индуистов, так и мусульман. Она дала Индии целую плеяду поэтов-святых, одним из которых и стал Чайтанья.

Чем же завоевали последователи движения бхакти любовь у народа? Они слагали стихи не на санскрите, а на народных языках, проповедовали брагство, независимо от касты и веры, отказывались от пышной обрядности во имя экстатического единения с богом, призывали людей всех вероисповеданий к терпимости, состраданию, любви. Любой человек — индуист или мусульманин, брахман или неприкасаемый, грешник или святой — объявлялся частицей бога и заслуживал любви и сострадания. Трудно переоценить

значение этого гуманного учения для тех жестоких веков, да и для нашего, не менее сурового времени. Вот почему имя Чайтаньи чтут и сегодня, и поток паломников в деревушку Майапур не иссякает. Другое дело, что нашлись люди, как всегда бывало в истории человечества, превратившие эту любовь и сострадание в источник безбедного существования: как оказалось, в этих неправдоподобно чистеньких деревнях живет причт многочисленных храмов, построенных на пожертвования прихожан.

Но это была не последняя наша встреча с Кришной в тот день. Среди зелени полей мы углядели сквозь влажный, но непривычно чистый воздух что-то вроде большого, пятиэтажного, бело-розового отеля. Решено было подъехать к странному видению в чистом поле, посмотреть, что это, может быть, разжиться холодной кока-колой. Но это был не отель, а ашрам «Международного общества создания Кришны», или «Харе Кришна».

Нас встретили два вежливых и предупредительных молодых человека в оранжевых хитонах, с досиня выбритыми головами, где оставался лишь небольшой клочок волос, «оселедец», как у запорожцев в старину. Они рассказали нам, что ашрам строится уже третий год, здесь будут храм, общежитие, различные службы. Жить здесь будут сто послушников — мужчин и женщин, посвятивших себя Кришне, а также дети, которые родятся. Подавляющее большинство их — не индийцы: американцы, англичане, итальянцы. Есть потомки выходцев и из нашей страны — у одного дед и бабушка жили в Вильне, уехали до революции, другой — какой-то Анатолий Федоров из Техаса. Все они учились в специальной школе в Техасе.

Показали нам молельню, еще не оконченную, с полированным мраморным полом и золоченой статуей Кришны, спальни, учебные классы, богатую библиотеку. Подарили журнал «Харе Кришна» на чудесной бумаге, с великолепными фото и репродукциями картин, отпечатанный в Японии. На мой неделикатный вопрос, на какие средства существует ашрам, чуть смутившись, ответили в классическом духе что-то вроде «бог помогает», но потом уточнили, что имеют «маленькую фабричку» в Нью-Йорке, вырабатывающую ароматические палочки и фруктовую воду. И в заключение просили передать журнал и брошюру... в

Москву, сотруднику Института востоковедения АН СССР, известному индологу Г. Г. Котовскому. Оказывается, в 1971 году основатель движения Бхактиведанта Свами Прабхупада ездил в Москву и неоднократно встречался с советскими индологами; текст бесед напечатан в журнале с большой фотографией вероучителя на фоне храма Василия Блаженного.

...Наше путешествие не закончилось посещением ашрама. Мы все-таки успели добраться до городка Кришнагар, известного своими глиняными игрушками. Нам сразу же показали длинную «улицу кукол», сплошь состоящую из мастерских и лавок. И хотя было уже темно, на всех тротуарах высились ярко освещенные фонарями груды, штабеля, горы кукол и игрушек всех размеров, на любые вкусы. В глубине дворов тускло светились горны для обжига. Кое-что было знакомо по калькуттским лоткам, но такого разнообразия мы еще не видели! И все разбрелись по лавкам и вскоре потянулись к рафику с грудями свертков — не устоял никто, даже самые бережливые. Беспokoило только одно — уж больно хрупка и тяжела глина: как ее везти домой, в Москву?

И последний штрих: километров за 50 от Калькутты у нас стал кончатся бензин. Ни одна колонка не пришла нам на помощь, всюду был один ответ: запасы кончились. И тут же вкрадчиво сообщали, что бензин есть у одного человека, но... Выхода не было, и пришлось с проклятиями скинуться и купить «черный бензин» — по двойной цене.

«Харе Кришна». Что это?

Отступление для интересующихся. Год 1989

Бродя по галереям диковинного ашрама, я не сомневался тогда, что мы встретились с сугубо местной, крохотной индуистской сектой, каких тысячи в Индии. Но я ошибался.

Шло время, а встреча в бенгальской деревушке не забывалась, более того, о ней напоминали то статья в газете, то встреча на улице. В 1976 году индийские газеты принесли весть о трагедии, разыгравшейся в Майапуре. С крыши храма был открыт ружейный огонь по толпе крестьян, недовольных кем-то из служителей. 18 человек, в том числе трое детей, были

ранены. Стрелял один из членов общины, бывший морской пехотинец, ветеран вьетнамской войны, ушедший искать душевный покой под сень Кришны, но так его и не обретший...

Я далек от того, чтобы винить в происшедшем всех кришнаитов. В конце концов паршивая овца может затесаться в любое стадо, а плохой, злой человек — с корыстными целями проникнуть в любой, даже самый почтенный коллектив. Печальный случай не уменьшил моего интереса к движению «Харе Кришна», и в 1980 году, будучи снова в Индии, я побывал в центре «Международного общества сознания Кришны» во Вриндабане, священном городе индустров (на полпути от Дели к Агре), где, по древней легенде, родился обожаемый всеми (наверное, единственный на свете бог, к которому можно применить именно это слово) бог Кришна. Здесь он пас коров, танцевал с пастушками в рощах лунными ночами и нашел свою вечную спутницу — Радху.

И снова воспитанные, тихие молодые люди водили меня по центру, показывали белоснежный, только что выстроенный мраморный храм (местные жители называют его «американским»), спальни и классы, библиотеку с роскошными книгами и журналами (кстати, журнал их я Г. Г. Котовскому все-таки передал). Запомнился забавный эпизод. «Вас хочет видеть наш учитель Свами Прабхупада,— сказали мне.— Зайдите, пожалуйста, в его кабинет, он вас ждет». В уютном, заставленном книжными шкафами кабинете сидел за столом величественный старец с большой лысой головой и что-то писал в уютном свете настольной лампы. Шли минуты — одна, вторая, третья, но он не поднимал головы. Это была... восковая фигура, искусно сделанная в Нью-Йорке.

А в храме, перед статуями Кришны и Радхи, утопающими в цветах, пела мантры толпа людей. Их было много, но среди них не было индийцев. Местное население предпочитало ходить в свои старые, освященные верой предков храмы. Чужим был здесь, в индийском городке, чистенький мраморный храм американской выделки. И отношение населения, обычно очень терпимого к любой религии, было отчужденным, если не сказать неприязненным.

Кто же они, эти кришнаиты, откуда взялись и во что веруют? Создателем движения «Международное

«общество сознания Кришны» был Абхай Чаран Де (1896—1977), сын калькуттского купца, ставший миссионером кришнаизма за пределами Индии. Его далекое от традиционного толкование священных книг индуизма, в частности «Бхагавадгиты», вызывало недовольство в Индии, поэтому он перенес свою проповедь в США, в трущобы Нью-Йорка — обиталище нищих и бродяг, а также хиппи. Он убеждал их бросить наркотики, забыть о «сексуальной революции» и обратить свои сердца к Кришне. Соединяться со своим божеством приверженцы неокришнаизма учились, многие часы распевая мантры — кришнаитские молитвы — и впадая в транс.

Об А. Ч. Де и его детище — «Международном обществе сознания Кришны» подробно рассказал в своих статьях советский индолог А. Сенкевич, много лет изучавший движение, ездивший по его центрам, беседовавший с руководителями. Вот что он пишет:

«Абхай Чаран Де, основав весной 1966 года в Нью-Йорке „Международное общество сознания Кришны“, объявил себя Прабхупадой — „господней стопой“. С каждым годом это общество пополнялось все новыми и новыми обращенными и вскоре стало самым большим нетрадиционным религиозным движением в современном мире.

За 11 лет с тех пор, как он ступил на землю Америки, А. Ч. Де сумел создать огромную межнациональную корпорацию, вобравшую в себя многочисленные сельскохозяйственные фермы, промышленные предприятия, рестораны, гостиницы. Несомненно, здесь сыграли роль и незаурядные организаторские способности вождя западных кришнаитов, его умение влиять на людей, использовать их в своих целях... В настоящее время в странах капиталистического мира действуют 156 центров общества.

Руководители „Международного общества сознания Кришны“ любят называть себя религиозной индусской организацией. На мой взгляд, как бы ни декларировало это общество свое индийское происхождение, по существу, оно возникло на западной социально-психологической, идейной и культурной почве и реанимировало старые западные оккультно-теософские стереотипы о конце мира и о том, как спасти пребывающую в бесконечном странствии душу... По сути дела, поклонение образу глубочайшей

старины, свойственное нетрадиционным религиям, адресовано не Индии, не ее реальной истории, а некоему индийскому мифу, сложившемуся на протяжении веков, причем в сознании неиндийцев. Западный человек нередко считает тот духовный мир, к которому принадлежит по рождению и воспитанию, неполноценным. Поэтому ищет иной мир, иные нравственные ориентиры. Это и влечет его к нетрадиционным культам, проповедующим духовность вымышленной Индии... Но то, что проповедуется в тех общинах, где эти новообращенные надеются обрести истинные духовные ориентиры, то, что выдается за индуизм, на самом деле очень далеко от индуизма с его устоявшимися символами и представлениями, требующими уникального поведения, выработанного в результате исторической эволюции».

А движение «Харе Кришна» докатилось наконец и до нашей страны. Сначала, как водится, оно было вне закона. В середине 80-х годов московская таможня без устали изымала красивые, добротно изданные на русском языке томики Прабхупады «Бхагавадгита как она есть». На старом Арбате в пестрой толпе художников, поэтов, спекулянтов и туристов то и дело появлялись группки бритых наголо молодых людей в оранжевых одеяниях, с колокольчиками и бубнами и затягивали, благославясь, свое «Харе Рама, Харе Кришна»... В 1988 году они были наконец официально зарегистрированы Советом Министров как одна из религиозных сект в СССР со всеми присущими им правами. А в феврале 1989 года 60 советских кришнаитов отправились в поездку по Индии. Газеты печатали интервью с руководителями общин, и... небо не обрушилось. Вот кусочек одного из таких интервью, напечатанного в «Молодежи Эстонии» (31. 03. 1989). Его дал член оргсовета московской общины «Сознания Кришны» Сергей Зуев.

«Мы — вайшnavы»

— Сергей, расскажи, пожалуйста, что представляет собой движение кришнаитов в Советском Союзе, его историю и современное состояние.

— Прежде всего, я хотел бы сказать, что мы не используем термин «кришнаиты», введенный в обо-

рот журналистами, а предпочитаем называть себя либо «преданные Кришне», либо «вайшnavы».

Община в Москве существует уже около 15 лет. Начало ее существованию положил визит в 1971 году Шрилы Прабхупады, приехавшего в СССР по приглашению советских ученых, интересующихся духовной культурой Востока. В то время он уже был широко известен своими переводами и работами в области духовной ведической культуры.

Хотя визит оказался очень коротким, он успел встретиться с группой молодых людей, изучавших его работы. Первым из советских граждан, принявшим посвящение от Шрилы Прабхупады, стал Анатолий Пиняев. С тех пор число вайшnavов в нашей стране стало довольно быстро расти.

Первая община вайшnavов зарегистрирована в Москве. Кроме того, действуют общины еще в 20 городах — Таллинне, Риге, Ленинграде, Тбилиси, Киве...

— Что представляет собой московская община, какова ее организационная структура?

В настоящее время в общине насчитывается более 800 «преданных». На первых собраниях был избран Совет общества в составе трех человек. В его функции входит контроль за соблюдением Устава общества, охрана культового имущества, учет денежных средств и т. д. ...

— Из каких средств образуется бюджет общины?

— Это прежде всего добровольные пожертвования, продажа книг духовного содержания и культовых предметов. Предметы культа мы изготавливаем сами. У нас много хороших мастеров, художников и скульпторов, которые нашли в этом свое призвание:

— А книги?

— ... Мы подали заявки на публикацию трех переведенных на русский язык книг Шрилы Прабхупады. Кроме того, от зарубежных центров вайшnavов мы получаем книги духовного содержания, часть которых поступает в распоряжение Совета по делам религии.

— Занимаетесь ли вы благотворительной деятельностью?

— Да. Например, в связи с землетрясением в Армении около 30 человек из нашей общины в Ереване выехали на место катастрофы. Московская общи-

на пожертвовала около 5 тысяч рублей, пересылались пожертвования и из других городов».

Сегодня сочинения Прабхупады можно свободно купить на улицах многих советских городов. А где-то в Подмоскowie община собирается строить кришнаитский храм. Ну что ж, дай Кришна им счастья, но уж больно экзотическими, чужими выглядят они на улицах наших взбудораженных городов, слишком далекими от всего, чем мы живем сегодня. Вряд ли у них есть хоть какие-то перспективы, но это их дело... И в заключение — смешной эпизод на «круглом столе», который организовал как-то с кришнаитами в редакции журнала «Советская литература» неутомимый А. Сенкевич. Они явились одетые в цивильное, без оранжевых роб и бус, как всегда спокойные и учтивые. Шел обмен мнениями о вкладе индийской религии и философии в мировую культуру, о месте кришнаитской общины в советском обществе и т. д. И вдруг один из гостей, молодой парень, заявил, что все, о чем мы говорим, хорошо и замечательно, но, в сущности, не нужно и бесполезно: мрачный век человечества — Калиюга идет к концу и гибель погрязшего в грехе мира неизбежна.

— Вы не могли бы уточнить, сколько же нам осталось? — задал резонный вопрос индолог С. Серебряный.

Кришнаит задумался, произвел в уме какие-то вычисления и сказал:

— Калиюга длится 360 тысяч лет. Пять тысяч лет уже прошло*.

И, не выдержав, сам рассмеялся. А за ним — мы все, с облегчением.

О глиняных игрушках Бенгалии.

Отступление для любителей искусства

Никто не знает, из каких глубин истории пришли к нам эти ярко расписанные фигурки богов, героев,

* День Брахмы, или Махаюга, состоит из 4 320 000 лет. Он делится на Критаюгу (Золотой век), Третаюгу (Серебряный век), Двапараюгу (Медный век) и самую короткую и мрачную Калиюгу, во время которой порок на Земле безмерно умножается и грядет гибель Вселенной. Калиюга (в пересчете на современное летосчисление) началась 18 февраля 3102 г. до н. э.

людей, животных, птиц. Археологи утверждают, что находили их подобия при раскопках древних городов — Мохенджо-Даро и Хараппы. Некоторые из них производятся и сейчас. Неизменным остался материал — глина («Мать-Глина» — так называлась огромная выставка в Дели в 1983 году, посвященная глине в истории индийской цивилизации). Неизменной в веках осталась и техника: роспись по глине — сырой, высушенной на солнце или обожженной.

Игрушки делают, разумеется, во всех штатах Индии, но все-таки бенгальская выделяется своеобразием, яркостью, красотой. Бенгальские народные игрушки — это младшие братья тех прекрасных статуй, которые делаются на пуджу из священной глины реки Ганги. Только жизнь их бывает долговечнее.

Их делают в бесчисленных лавчонках-мастерских Калькутты, расположенных вдоль берега Хугли, в деревушках и городках Бенгалии, причем существует даже специализация (например, я уже писал о банкурских лошадках). Кришнанагар — крупнейший центр производства глиняных игрушек.

Самые недолговечные из игрушек те, что делаются специально к праздникам, — ритуальные светильники, макеты колесниц, «домики» для богини Лакшми. Отслужив свое, они будут разбиты на куски, и паломники разберут их «на счастье». Очень много изображений богов и богинь — «для дома». Ведь в каждом индуистском доме есть несколько стеновых ниш, куда устанавливаются эти ярко раскрашенные статуэтки богов и святых — покровителей семьи. В Бенгалии это чаще женские божества Дурга и Кали. Но не забывают и Ганешу, уничтожающего препятствия и несущего удачу и довольство; дарующую богатство Лакшми; покровительницу искусств Сарасвати и других. Справедливости ради надо сказать, что не обижены и представители других религий. В любой лавке можно найти изображения Христа и Девы Марии, христианских святых, а кроме них Будды, Зороастра, сикхского Гуру Нанак, джайнского Махавиры, а также изображения обожествленных политических деятелей и мыслителей — Махатмы Ганди, Субхас Чандра Боса и, конечно же, Рамакришны и Вивекананды.

Но, пожалуй, разнообразнее и интереснее всего «просто игрушки». Богато представлены флора и фа-

уна Бенгалии. На блюдах высятся груды глиняных фруктов и овощей — бананы и манго, морковь и капуста. Из животного мира больше всего коней, белых, а чаще красных. Ассоциации, вызываемые этими огненными красавцами, разнообразны — это и кони надежды, и кони Сурьи, бога Солнца.

Следующие после коней по многочисленности, конечно, обезьяны. Особенно хороши крохотные фигурки, отличающиеся друг от друга... шапками — здесь клоунские колпаки, мусульманские чалмы, тюрбаны сикхов, английские военные фуражки и пробковые шлемы. При желании можно набрать их несколько десятков, и все будут разные. Из других представителей фауны здесь можно увидеть национальную птицу Индии — павлина, ящерику-геккона и тараканов, так пугающих нас в жизни своими размерами.

Представлены здесь все народы и религии Индии, но главное место занимает, конечно, коренной бенгалец — бабú, круглолицый, упитанный, с томными усиками. Сказочно прекрасны и дочери Бенгалии, в которых сосредоточена вся красота народа. Воспеть ее под силу было лишь великому Тагору.

А мы купили на память вместо красавиц пару удивительно симпатичных толстячков — мужа и жену — символ счастливого семейного очага. Они и сегодня улыбаются нам с полки в Москве.

Бросается в глаза сходство бенгальских игрушек с народными игрушками России — Каргополем, Филимоновом, Вяткой. Совпадают выверенные веками формы, палитра, методы раскраски. Видимо, наши индоевропейские истоки ближе, чем мы думаем...

1 марта. В доме-музее художника Джамини Роя открылась ретроспективная выставка его работ, в том числе малоизвестных, из частных собраний. В большую просторную виллу, где все сохраняется внучкой художника в том же виде, как при жизни дедушки, приходит много народу, и пробиться к картинам довольно трудно. Обстановка типичная для жилья индийского интеллигента: теснота, на стенах масса картиночек и старых фотографий, дешевенькие сувениры на этажерках с пожелтевшими книгами и газетами, простая бамбуковая мебель. Картины и рисунки висят на каждом свободном миллиметре пространства — на стенах, в простенках, в коридо-

рах. Их действительно очень много, и все они ошеломляюще новы и неожиданны.

У нас в стране знают Джамини Роя по репродукциям нескольких его работ, хранящимся в Эрмитаже, — причесывающаяся девушка, танцующие папушки — их-то и воспроизводят в монографиях по индийскому искусству на последних страницах, посвященных нашему времени. А художник это огромный, очень разный в разные периоды своей жизни и непривычный для нас. На выставке представлены все периоды творчества Дж. Роя — ранние студии — копии с французских импрессионистов и постимпрессионистов, Ван Дейка, и его «переходные» картины, показывающие поиск собственного стиля, и его глиняные изделия, и статуэтки. И лучшие его работы, которые не спутаешь ни с чем. А еще совершенно незнакомые мне библейские сюжеты, сделанные в странной полуевропейской, полуиндийской манере, где Дева Мария — простая бенгальская крестьянка, а Христос — бродяга с калькуттского тротуара! К сожалению, никаких монографий о Джамини Рое я в здешних магазинах не нашел, кроме крохотной брошюрки, выпущенной делийской Академией художеств с черно-белыми картинками...

О Джамини Рое. Для любителей искусства

Художник Джамини Рой родился в 1887 году в небольшой бенгальской деревушке Бельятора в семье небогатого помещика. Отец, умный и образованный человек, всячески поощрял тягу сына к искусству, и в 16 лет Джамини поступил в Калькуттскую государственную школу изящных искусств. В те времена художественное образование в Индии было целиком построено на изучении европейской техники живописи: работе масляными красками, освоении приемов европейского реализма — основ перспективы, анатомии, света и тени. Индийские художественные традиции полностью игнорировались. Но необходимые технические навыки будущий художник здесь получил, по крайней мере его портреты и пейзажи пользовались успехом, и он сумел добиться даже некоторого материального достатка.

Но творческого удовлетворения он не чувствовал и метался в поисках собственного пути. Поочередно он пробует подражать манере Ван Дейка, Ван Гога, Гогена, Сезанна, Сислея. Но только обратившись к традициям безмянных мастеров народного лубка, в частности калигхатского, к вышивкам «канта», росписям глиняных стен и полов (альпана), он нашел наконец себя.

И вот Джамини Рой забрасывает масляную живопись и переходит на самодельные краски, которыми работают деревенские женщины, расписывающие свои дома, сводит палитру к 6—7 основным, без полутонов, цветам, пишет не на холсте, а на глине, загрунтованной ткани или бумаге, на деревянных панелях. Но к безыскусности лубка он примешивает свою богатую фантазию, композиционное мастерство и создает собственный стиль — некий синтез народного искусства с искусством городским — изощренным, пряным. Сюжеты его сходны с лубочными: мифологические образы, деревенские бытовые сценки, животные, птицы, рыбы, цветы. И, конечно, женщины — красота Бенгалии. Удивительна его линия — все обнимающая, все обобщающая, «интегральная».

Растущий спрос на произведения Джамини Роя, особенно среди европейских и американских туристов, привел к тому, что художник стал выпускать копии своих работ в огромном количестве, привлекая к работе учеников. Но сам Джамини Рой считал, что он следует традициям народных мастеров «пата», специализирующихся на одних и тех же, раз навсегда затверженных сюжетах, и ничего постыдного в своей деятельности не видел.

Известность пришла к нему в годы второй мировой войны. Он умер в 1972 году в возрасте 85 лет, окруженный почетом и любовью всей страны. И хотя всю жизнь он прожил в Калькутте, сердцем своим навсегда оставался в родной бенгальской деревне...

3 марта. Не могу себе простить, что не записал координаты самодеятельной театральной труппы, показавшей в Доме советской культуры пьесу «Генеральный инспектор» — так здесь называют гоголевского «Ревизора». До чего же здорово!

Правда, это не совсем Гоголь, а его переложение на местный лад. Индийцы часто пользуются

этим приемом, чтобы максимально приблизить зарубежные пьесы к индийскому зрителю. Все имена персонажам даются индийские, действие переносится в Индию, остается лишь канва действия.

В увиденной нами пьесе действие происходит в маленьком бенгальском городке. Вместо нашего родимого Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского, непригодного даже для русского языка, перед нами мэр городка г-н Мукерджи, узнаваемый зрителем — прожженный политикан, явный конгрессист (т. е. член правящей партии Индийский национальный конгресс), в модном спортивном костюме «сафари», с сигаретой в зубах (кстати, действие происходит в наши дни). А Хлестаков стал Даттой, юным вертопрахом в американских джинсах с «лейблом» (ярлыком) на ягодице. Введены новые сцены, которых у Гоголя нет, но по духу совершенно гоголевские. Знаменитая сцена в гостинице, когда хозяин присылает «в последний раз» суп, где вместо масла плавают перья, переделана на чисто индийский лад: хозяин присылает тоже «в последний раз» большую миску «карри» — острейшего перечного соуса без «всего» — без овощей, без лепешки, т. е. заведомо несъедобного. Или другой эпизод, от которого зрители буквально валятся от смеха: гостиничный свипер (уборщик) убирает номер — протирает пол и той же тряпкой протирает обеденный стол, за которым сидит Датта — Хлестаков. Эту манеру знают все, кто жил в Индии. Уморительна беседа Датты с женой мэра (местной Анной Андреевной), щеголяющей перед столичным гостем своим «английским» произношением и англизированными манерами. Все «помирают» со смеху, глядя, как вытягивается физиономия голодного Датты («жрать хочется!»), когда вместо обеда ему «на английский лад» подносится крохотная чашечка жидкого чая с маленьким бисквитиком...

Такое же блестящее переложение русской пьесы я видел когда-то в Дели: ставили «На дне» Горького. Имена были, конечно, индийскими, и действие перенесено в трущобы, кстати, именно калькуттские. Текст был сохранен полностью, но впечатление было, что пьеса написана индийским современным автором о нашем времени, настолько точно горьковская пьеса укладывалась в реалии современной Индии.

5 марта. Почему-то все приезжающие из Дели

требуют, чтобы им показали прежде всего две улицы: «обезьянью» и «планирования семьи» (в просторечье «резиную»).

«Обезьянья» улица — небольшой переулок за Майданом, где живет множество злых, нахальных, избалованных подачками обезьян. Они окружают туристов, лезут в сумки и карманы, тянут женщин за подолы, пугают детей. Подачку полагается отдавать главе семейства — самцу, а прочим — только одновременно с ним и в меньших количествах, а еще лучше — исподтишка. Если заметит — подарок отберет, а «счастливцу» или «счастливце» еще и надает оплеух. Я очень не люблю сюда ходить: наглые, зажавшиеся обезьяны вызывают у меня отвращение.

Вторая улица расположена на задворках за Нью-Маркетом и состоит из нескольких десятков лавок, торгующих контрацептивами со всего мира. Индийцы называют ее деликатно «улица планирования семьи». В лавки наши туристы заходить не решаются, но, хихикая, разглядывают витрины, где выставлены экспонаты и вправду невероятные, до некоторых не додумался бы даже знаменитый Гарольд Роббинс, чьи книжонки сейчас в моде. Наглядевшись, они, довольные — будет, что порассказать, — идут на Нью-Маркет покупать драгоценные камни и серебро.

6 марта. Очередная лекция со слайдами в Горьки-садане (объявления о них печатаются регулярно в «Амрита Базар Патрика»), посвященная Армении. Явилась вся община (в этом, несомненно, заслуга отца Акопа): несколько бизнесменов, директор Армянского колледжа, какие-то купцы и даже бабушка — владелица затрапезной гостиницы «Фэрлон», куда мы поселяем советских туристов, как всегда весьма ограниченных в средствах. ОТЕЛЬ достаточно дешев, но чист, атмосфера в нем какая-то домашняя, уютная, и хозяйка принимает советских людей с радостью, окружая их старомодной заботой. Слушали очень хорошо, кое-кто даже всплакнул, увидев виды Масиса и Еревана: память о родине у каждого в генах. Увы, вряд ли кто-нибудь из них вернется на землю предков: годы не те, да и у каждого здесь дело, выпестованное десятилетиями труда.

9 марта. Были на выступлении танцевального ансамбля в стиле «манипури». Манипур — штат на северо-востоке, рядом с Ассамом, там живет малень-

кий народ, в культуре которого смешаны самые различные влияния — индийское, китайское, тибетское, может быть, даже бирманское и тайландское. Танцы удивительно пластичны, изящны; очень оригинальны женские костюмы, в особенности плотные цилиндрические юбки. При танце они дают эффект, напоминающий нашу «Березку»: кажется, что танцовщицы плывут над землей, не касаясь ее. Тема балета обычная: история любви Кришны и Радхи.

11 марта. Поехал с группой наших ребят из офиса в Калькуттский университет на научный семинар по роману Горького «Мать». В аудиториях для занятий я был впервые. Поразили донельзя замызганные стены, заклеенные обрывками плакатов и объявлений, исписанные какими-то цифрами, видимо результатами выборов. Особенно густо были разрисованы и исписаны стены и заборы снаружи и во дворе. Вот когда я пожалел, что не знаю бенгали: в Калькутте на стенах — вся политика, все лозунги и воззвания всех партий и групп. Шодешор Шен (Сидхешвара Сен), наш поэт, перевел мне кое-что. Тут были и маоистское «Винтовка рождает власть», и «К черту Конгресс!», и «Калькутта будет наша!», и «Помним мученичество Чару Мажумдара!» (лозунг наксалитов), и многое другое. Были даже целые картины, например мускулистый пролетарий, сжимающий знамя, или тигр в прыжке (эмблема «Форвард-блока»).

Болею часа мы прождали в крохотной, темной и душной аудитории. А потом пришли какие-то лихие ребята и попросили нас «убираться ко всем чертям», добавив, что «здесь вам не Орисса».

Позже выяснилось, в чем дело. Семинар сорвали молодчики из правого крыла юношеской организации ИНК «Чатра паришад»: заперли зал, ключ выкинули в окно, профессоров обещали поколотить, если они будут якшаться с «агентами КГБ». А предлог был следующий. Несколько дней назад по штату Орисса путешествовали два ученых из Татарии, и местные конгрессисты, совершенно не подозревая о возможных последствиях, пригласили их на чай в так называемом «тренировочном лагере» ИНК, где проходит теоретическую подготовку конгрессистская молодежь. Об этом узнали правые, и началось: в лагере ИНК русские! Вмешательство извне в политическую борьбу! Дальше — больше: «Рука Москвы в

Ориссе!», «Агенты КГБ — инструкторы ИНК!» Надо сказать, что в этом месяце волна антисоветизма в местной прессе поднялась высоко и совпала с поездками по Западной Бенгалии и Ориссе самого крупного политического оппонента Индиры Ганди — Джайпракаша Нараяна. Это очень интересная, хотя и противоречивая фигура, о которой стоит сказать несколько слов.

Кое-что о Джайпракаше Нараяне

Ему сейчас 73 года, это высокий, худой седовласый старец. * До 1948 года был в Конгрессе, ветеран национально-освободительного движения, близкий соратник Махатмы Ганди. Человек глубоко порядочный, с незапятнанной репутацией, имеет огромный авторитет в стране. С 1948 года — социалист, с коммунистами не в ладах, до сих пор не может простить им неучастие в движении «Вон из Индии!», охватившем страну в 1942 году. Создал собственную теорию «тотальной революции», которую мы называем «буржуазно-идеалистической». Этот ярлык в условиях Индии неверен, как и многие европейские ярлыки, которыми мы метим сугубо индийские явления. В его теории причудливо смешаны социалистические, гандистские, индуистские идеи. Он считает, что классов не существует, есть только люди — честные и нечестные. Нечестных (спекулянтов, торговцев, политиканов, помещиков) надо переубеждать, перевоспитывать, употребляя лишь ненасильственные действия, например гхерао — сидячие забастовки: сидят люди тихо, мирно, никого не трогают, но никого и не пропускают. Практическим применением его теорий стали события в штате Бихар.

Бихар (56 млн. жителей) — один из самых отсталых, сельскохозяйственных штатов страны. Есть там очаги промышленности, созданные за счет государства, — заводы в Бокаро, Ранчи, но на общее состояние штата они не влияют. Для сельского хозяйства характерен большой процент кулачества, остальные — батраки, безземельные работают на кулаков и на помещиков-заминдаров. Кулак в бихарской деревне — уважаемая фигура, у него деньги, зерно, техни-

* Дж. Нараян умер в 1977 году.

ка, поэтому здесь голосуют так, как он укажет. На недавних выборах ИНК получил не две трети, а едва половину голосов.

К середине прошлого, 1974 года бедняки съели рис, остались «на траве». Усилились социальное напряжение, агитация за удовлетворение насущных нужд народа. А так как немалую часть движения составляли студенты, то они потребовали и реформы образования, в частности системы экзаменов. Интересно, что движение это начали «правые» — молодежь из «Джан Сангх», к которой примкнули социалисты. Движение охватило весь Бихар. 18 марта 1974 года было организовано массовое гхерао в столице штата Патне — огромные толпы народа окружили законодательную ассамблею штата, дома лидеров, учреждения и полностью блокировали их. Лозунг движения был: долой местное правительство Гафура (конгрессистское), ставшее неэффективным, коррумпированным, антинародным. Вмешалась полиция, началась стрельба, были убиты. За спиной бунтующих студентов явно проглядывались правые, шовинистические организации — «Ананда марг», РСС и другие. В апреле того же года их возглавил Джайпракаш Нараян. Его огромный авторитет дал движению вес, поддержку народа. Но под левыми фразами действовали правые, охотно присоединившиеся: под лозунгами роспуска правительства Конгресса появилась возможность прийти к власти. Получался парадокс, еще раз говорящий о том, что к Индии неприменимы мерки Европы: под единым знаменем выступали и махровые правые — «Сватантра», «Джан Сангх», кулаки и помещики и левые — Социалистическая партия, Объединенная социалистическая партия и другие.

Движение росло. В июне 1974 года Джи-Пи (прозвище Нараяна по первым буквам его имени) и его сторонники стали вынуждать депутатов местного парламента подавать в отставку — окружали дом, брали измором. 36 человек не выдержали и подчинились. 3—5 октября был проведен бандх — забастовка, парализовавшая жизнь всего штата. Были стычки с полицией, 14 убитых. Кто принимал участие в событиях? Мелкие и средние лавочники, адвокаты, студенты, служащие государственных и частных компаний. Складывалась интересная ситуация: массовое

движение, тысячи людей выходят на улицы под лозунгом «Обеспечить народ продовольствием!», а крестьяне — безучастны, рабочие — враждебны, мусульмане — против (ведь Гафур — мусульманин), а коммунисты громко предупреждают о том, что в движении под левыми лозунгами выступают торгаши и громилы.

В октябре 1974 года Джайпракаш Нараян объявил о новой стадии осуществления своей программы: если правительство не уйдет, на местах будут самовольно создаваться «народные» органы самоуправления, суды, полиция и т. д. Конгресс понимал, что он не шутит, но долго медлил и лишь когда движение стало перехлестывать рамки Бихара, когда прошли огромные митинги в Дели, Калькутте, когда Жи-Пи объявил, что цель его уже не Бихар, а свержение диктатуры ИНК во всей стране и приход к власти альтернативных сил, а затем — реформа выборной системы, борьба с коррупцией и т. д., конгрессисты начали беспокоиться. Наконец, стало ясно, что вокруг Жи-Пи объединяются все антиконгрессистские силы.

4 ноября 1974 года был назначен марш на Патну. Правительство нагнало в город полицейских, отменило все поезда и автобусы на Патну, но около 20 тысяч сторонников Жи-Пи все-таки приняли участие в марше. Правительство особенно боялось, как бы не случилось чего-нибудь с Джайпракашем, человеком глубоко уважаемым по всей стране, но все-таки несколько ударов дубинкой он получил.

Остается добавить, что к нашей стране Жи-Пи относится вполне лояльно, точнее, попросту к ней равнодушен. Сейчас ему нужно одно: елико возможно, сильнее опорочить своего противника — Индиру Ганди, а для этого годятся любые средства. Кодекс политической борьбы в Индии допускает и такие приемы, как история с визитом советских ученых. Жаль, что разменной монетой в этой борьбе становится антисоветизм. Кстати, в апреле Джайпракаш Нараян пожелает к нам, в Калькутту...

Выйдя из университета, мы оказались «на распутье»: кто-то поехал домой, кто-то на работу. Машина должна была прийти лишь через три часа. А я с нашими ребятами пошел гулять по улицам. Вместе

с индийцами я чувствовал себя, конечно, гораздо свободнее, чем в одиночку, и старался увидеть как можно больше. Мы побывали в книжном агентстве «Маниша Грантхалайя», торгующем советскими книгами, на радениях кришнаитов (не «Харе Кришна», а настоящих, индийских, где изможденные люди корчились в трансе на голой земле). Были в молельном доме баптистов. На узких улочках кипела густая толпа. Возле университетского забора лежала на асфальте девочка без сознания, в жару, около нее стояла банка с медяками, над нею цветными мелками был изображен Шива с трезубцем. Рядом студенты спокойно рылись в грудях книжной трухи. Полз куда-то безногий калека. Два замурзанных мальчишки, лет по шести-семи, сидели на краю вонючей канавы и по очереди деловито затягивались подобранным где-то «чинариком». Возле уличной колонки сидел голый человек — мылся.

Оказалось, что один из наших сотрудников-индийцев живет неподалеку. Он предложил зайти, и я не отказался: давно хотел увидеть, как живут простые люди — не из вилл и не из трущоб. Мы зашли в обшарпанный, увешанный сохнувшим тряпьем двор старого, со следами былой роскоши (лепнина на фасаде, безголовый ангел на фронтоне) дома, поднялись по пропахшей кошками лестнице в крохотную, из двух каморок, квартирку. Топчан, пара табуреток, фанерная этажерка — вся обстановка. На голой стене — вырезки из киножурналов. Хозяин смущенно извинялся за неприглядность своего жилья и не знал, что все это до слез, до судорог в горле знакомо моему поколению. Я вспоминал эвакуацию в Перми, угол за занавеской, послеблокадный Ленинград, его дворы-колодцы с развешанным тряпьем и — главное — этот вечный, неистребимый, незабываемый до смерти гнусный запах примусов и подгоревшего супа...

Строгий офис издательства с портретами Маркса и Ленина на деревянных панелях и корчащиеся на земле фанатики, равнодушная толпа и больной ребенок, маоистские лозунги на стенах и Шива, запахи примусов и кошек — букет, называемый Калькутта.

14 марта. История с сорванным семинаром попала в газеты, и мы с секретарем консульства Г. Л. Поспеловым стали знаменитыми на манер чеховского чи-

новника, попавшего под лошадь: нас расспрашивают, цокают языками, чуть ли не поздравляют, хотя в газетах наши фамилии здорово искажены, я назван: П. Трочески.

Вечером зашел в магазин пластинок на Чоуринги. Я давно разыскиваю одну песню, которую слышал когда-то по радио, у нас она называлась «Песня любви в зимнюю ночь». Объяснения ни к чему не привели, и любезный продавец вдруг предложил мне напеть мелодию. Страшно смущаясь, я что-то изобразил медвежьим голосом. И — о чудо! — он ее узнал и страшно обрадовался и растрогался. «О сэр, когда я учился в школе, мы часто пели эту песню! Это «Сун Джа Дил Ки Дастан», что на хинди означает «Слушай рассказ моего сердца» из очень старого, 1952 года, фильма «Джаал» («Сети»). Играл там совсем еще молодой Дев Ананд, а режиссер фильма — Гуру Датт, он позже кончил самоубийством... Вот не думал, что кто-то еще помнит эту песню!» Самое интересное, что пластинка нашлась — песню поет знаменитый Хемант Кумар.

15 марта. Сегодня сделали очередную попытку прорваться в Дом-музей Тагора, и безрезультатно: снова закрыт. Он каким-то образом входит в систему университета Рабиндра Бхарати, буйной студенческой вольницы. Мы несколько раз наведывались сюда, и все неулучшало. Дважды он был закрыт из-за волнений, а сегодня — по случаю победы в бейсбол над командой Пакистана, о чем нам радостно поведала группа недорослей, резвившихся на полянке.

На обратном пути мы проезжали мимо ничем не примечательного дома, в котором после бесконечных перестроек и пожаров уже не просматривается XVIII век. Ничего не сохранилось и внутри. А ведь с ним связана замечательная страница в истории не только Калькутты, но и всей индийской культуры: здесь находился первый в Индии профессиональный театр европейского типа, основателем которого был наш соотечественник Герасим Степанович Лебедев.

Имя Афанасия Никитина, тверского купца XV века, «ходившего за три моря» в Индию, знают все. Имя Лебедева знают немногие, и очень жаль — это был удивительный человек, истинный сын века Просвещения и, по сути дела, первый русский индолог.

Несколько слов о Герасиме Лебедеве

Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) родился в семье бедного священника, в Ярославле провел детство и юность; как писал он позже, «по насильственному утеснению моего родителя, едва мог я по рождении моем в 1749 году через пятнадцать лет научиться национальной тогдашнего времени грамоте и случайно музыкальному искусству».

Музыкант он был хороший — скрипач и виолончелист, да и музыку сочинял неплохую. В 1775 году он сумел войти в свиту русского посла, отправлявшегося в Неаполь, побывал в Вене, Париже, Лондоне, живя на средства, которые получал от концертов. «Воспламеняемая ревность к обозрению света», а также надежды на то, что «музыкальное искусство может доставить мне пропитание», привели его в 1785 году на борт английского корабля, отплывавшего в Мадрас. В Мадрасе он провел два года, зарабатывая на жизнь концертами и уроками игры на скрипке, и был довольно популярен в английских кругах. Он выучился говорить на малабарском народном наречии, но не смог исполнить свою мечту — изучить санскрит, дававший доступ к «брамгенским (брахманским) наукам». И в 1787 году он переезжает в Калькутту и знакомится с бенгальским брахманом Голокнатхом Дасом, которого учит европейской музыке, а сам берет у него уроки бенгали, хинди и санскрита. К сожалению, учитель его на всех языках говорил с неистребимым бенгальским акцентом, и Лебедев полностью перенял его даже в санскрите, что впоследствии отразилось в его книгах.

С помощью Голокнатха Даса Лебедев вошел в круг бенгальской интеллигенции, завоевал ее доверие и был допущен — один из немногих европейцев — к священным книгам брахманов, с помощью друзей читал их и изучал религиозные обычаи индуистов. А затем он совершил один из главных поступков своей жизни: организовал в Калькутте первый в Индии театр европейского типа на языке бенгали. Для этого он перевел на бенгали две английские комедии, но переработал их, перенеся действие из Европы в Калькутту и Лакхнау и сделав действующих лиц бенгальцами. Далее слово самому Герасиму Степановичу, писавшему на тяжеловесном, допушкин-

ском языке: «По приведении всего в порядок позвал я моих друзей на пробу, которая, увидя сего невидимое в Индии, одели чистосердечно все приятностию и во граде Калкуте весть разнеслась распустилась во окрестных селениях и отключка в воздухе громко зашумела... 27 ноября... 1795 года в первый раз комедия, называемая «Притворство», была представлена в одном акте».

Лебедев выступил и как музыкант: в пьесе исполнялись положенные им на собственную музыку песни на стихи бенгальского поэта Бхоротчондро Рая. Успех огромный, спектакль был повторен, ждали третьего спектакля.

Увы, вмешались недоброжелатели. Создание небывалого театра на бенгали с современным репертуаром вызвало недовольство англичан, особенно владельцев английского театра Ост-Индской компании, не без оснований увидевших в нем опасного конкурента. Высокопоставленные английские друзья Лебедева, благоволившие к нему, когда он услаждал их слух своей скрипкой и обучал музыке их скучающих жен и дочерей, лишили его покровительства: их раздражала его дружба с «туземцами», его неосторожные высказывания о колониальных порядках. Была организована травля «нахального русского». Служащие Ост-Индской компании сманили индийских актеров, художник англичанин Баттль, нанятый писать декорации (Лебедев называл его «кистомарателем» и «ширмописателем»), сам же их испортил, а рабочие театра — столяр, плотник, садовник и повар предъявили ему фальшивые денежные иски. В конце концов театр был подожжен и сгорел дотла. Лебедев тщетно пытался найти управу на своих разорителей в английском суде Калькутты. «В купеческом государстве, — писал он с горечью, — златоблестящая руда, как и серебросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях, возпаля ненависть, заставит суетиться, опорочить и повредить иностранцево похвальное дело и довести до падения».

Затравленный, разоренный и больной, Лебедев был вынужден покинуть Калькутту. Он вернулся в Лондон, откуда с трудом перебрался в Петербург. Остаток жизни он отдал завершению и публикации трудов, начатых в Индии. В 1801 году издал за свой счет в Лондоне «Граматику чистых и смешанных».

Ост-Индских диалектов». Первым в Европе изготовил и отлил в 1805 году санскритский шрифт. Составил бенгальский шрифт для типографии Академии наук. И в 1805 году издал в Петербурге главный труд своей жизни: «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев». В этом труде подводились итоги исследованиям Индии и содержалась масса неизвестных в Европе сведений. В первой части книги Лебедев изложил религиозные представления индуистов, во второй — их естественнонаучные взгляды: деление царства природы, классификацию небесных светил, устройство календаря и т. д. Третья часть была посвящена «брамгенским обрядам» и народным обычаям и была ценна тем, что целиком состояла из личных наблюдений автора.

К концу жизни Лебедев получил чин коллежского асессора, потом надворного советника, служил в государственной коллегии иностранных дел. Звание профессора Академии наук дало ему возможность без помех заниматься любимым делом. За несколько месяцев до смерти он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Умер он в 1817 году. В Ленинградском музее городской скульптуры (Александрово-Невская лавра) сохранилась надгробная плита с могилы Г. С. Лебедева, поставленная его женой. На плите надпись:

Сей муж с названием согласно
Три части света пролетел.
Полет он делал не напрасно
В отдаленнейший предел.
Он первый из сынов Российских
Восточну Индию проник и
Списки нравов сняв индийских
В Россию их принес язык...

25 марта. Фри-Скул-стрит начинается где-то с середины Парк-стрит и идет от нее перпендикуляром на север до самого Нью-Маркета. Я люблю ходить по ней после работы, «прорабатывая» дом за домом. Из старой, потрепанной книги «Второй город Империи» я вычитал, что когда-то здесь были бамбуковые заросли. Название свое улица получила в 1780 году от Свободной школы, размещавшейся в одном из домов, ныне не существующих.

Начинается она с правой стороны китайским ре-

стораном «Золотой дракон», очень дорогим и фешенебельным, а с левой — бесформенным жилым домом. У подворотни постоянно дежурит маклак-сводник и в любое время дня встречает вас возгласом «Меняю деньги!», а затем без перехода предлагает посетить 12-летнюю китайскую красавицу, которую он почему-то на чешский лад называет «девѣчка». Получив отпор, он скрывается в своей подворотне.

Левая сторона интереснее, иду по ней. После двух-трех швейных мастерских (портняжка сидит, скрестив босые ноги, прямо на столе, перед ним древняя швейная машинка) и крохотного магазинчика, продающего хлеб и подозрительные на вид сладости, стоит старинный дом, украшенный мемориальными табличками. Одна из них гласит, что здесь 18 июля 1811 года в семье Ричмонда Теккерей, секретаря налоговой комиссии Калькутты, родился великий английский писатель Уильям Теккерей. Через шесть месяцев его отец получил новое назначение и семья переехала в район Алипура.

В 1883 году в дом на Фри-Скул-стрит въехал Армянский колледж, находящийся здесь и сегодня. Мемориальные таблички напоминают имена основателей армянских филантропических организаций, объединившихся под эгидой колледжа, — Мурадхана Аствацатура, Вардана Манацакяна и других.

Далее следует цепочка книжных лавок — душных сарайчиков, стены которых густо заставлены полками. Здесь можно не только купить по дешевке любую книгу прошлых лет, но и взять ее на прочтение всего за 2—3 рупии. Однако лучше этого не делать: книги замусолены донельзя и покрыты толстым слоем пыли и грязи, а то и плесени, их просто страшно взять в руки. Впрочем, для «чистой» публики есть полочка с книгами поновее.

Еще одна лавка — в первом этаже большого дома, три ступени ведут в черный провал, до самого потолка забитый старыми журналами. Их здесь тысячи за многие десятки лет — американские, английские, хинди, бенгали, есть итальянские и немецкие, явно подобранные в отелях. Отдельно, высокими стопками лежат глянцевитые «Нэшнл Джографик» — они единственные продаются за первоначальную цену, остальные — за гроши. Двигаться здесь надо с осторожностью: малейшая неловкость — и

журнальная башня рушится в проход. Впрочем, воспринимается это абсолютно спокойно — приходит «бой» и восстанавливает статус-кво. Если посидеть здесь чуть подольше, хозяин привыкнет к тебе, преисполнится доверия, вполголоса спросит, не нуждается ли сааб в «специальных» изданиях, и покажет завернутые в целлофан подержанные номера «Плейбоя», идущие здесь по людоедским ценам.

Еще вперед — китайский ресторан, за ним — знаменитый магазин пластинок «Бамбино» в небольшом, очень чистом и уютном подвальчике. Хозяева его — два молодых парня. Они сумели поставить дело и конкурируют даже с шикарными магазинами Чоуринги. Так или иначе, но у них есть самые последние новинки из США. Они ухитрились оборудовать даже крошечные кабины для прослушивания: вжимаешься в нее, надеваешь наушники — и «балдей» сколько хочешь, никто не скажет тебе: «Уходите, гражданин, купите и слушайте, сколько хотите, дома». Расчет прост: наслушавшись всласть, что-нибудь да купишь. Не купишь сегодня — купишь завтра, когда снова придешь послушать. Есть еще один остроумный «крючок», на который с удовольствием ловятся наши меломаны: на покупателя заводится карточка, в которую заносятся его покупки. Если ты купил здесь 12 дисков, то 13-й — любой — можешь выбрать себе бесплатно. Наверное, этот трюк выгоден — бенгальские купцы в убыток себе не работают.

После «Бамбино» возникает роскошная, кондиционированная, совершенно европейская кондитерская: пазы с шоколадными бомбами, горы пирожных, огромных, затейливо украшенных тортов. Одно только «по», о котором я уже упоминал: все они сделаны на соленом масле и с непривычки застревают в горле. Впрочем, мы уже привыкли.

Потом до самого угла — цепь сувенирных, канцелярских, посудных лавок: груды дешевой бижутерии, пакетиков с орешками и другой дребедени на прилавках. Маленькие харчевни, где под тусклыми лампочками посетители пьют чай, заедая его кусочком сандеша — сладости из творога, сваренного в сиропе.

Другая сторона улицы — жилая. Вечерами, когда включается свет, каждый дом превращается в нагромождение аквариумов, в каждом из которых течет своя, видимая абсолютно всем жизнь: люди ходят,

пьют чай, ругаются; медленно вращаются под потолками лопасти фенов.

Наконец, поворот к Нью-Маркету. На углу — мрачного вида антикварный магазин: груды тончайшего китайского фарфора, фаянса, бронзы, серебра; каждая из выставленных здесь вещей могла бы составить славу любому музею. Есть даже старинные картины. Цены — умопомрачительные, но покупатель здесь свой, особый, и здесь не принято торговаться. Такие «пещеры сокровищ» я видел лишь в послевоенных комиссионных магазинах Москвы — на Арбате и Сретенке, их уже давно нет.

А теперь — скорее мимо Нью-Маркета, откуда уже появляется тень с возгласом: «Сэр, я — хороший бой!», и по Чоуринги без остановок до нашей маленькой Бишоп-Лефрой-роуд. На сегодня все.

27 марта. Сегодня Холи — весенний «праздник красок». В этот день повсюду в Индии царит карнавальная свобода и те, кто послабее духом, на улицу без крайней необходимости не выходят. В Холи надлежит поливать друг друга водой и мазать красками, и чем тебя больше вымочат и вымажут, тем больше счастья ждет в году. Поэтому все стараются от души, и хорошую одежду лучше не надевать. Коренные индийцы имеют специальную «холи-дресс» — «одежду для холи», которую хранят от праздника до праздника. Задолго до праздника на уличных лотках вырастают горы цветных порошков, пластмассовых шприцев и пистолетов. Говорят, что Дж. Неру — единственный из политических деятелей — не боялся «уронить свой авторитет» и держал в этот день двери резиденции открытыми. Студенты очень любили разукрашивать его и искренне желали ему счастья.

Вакханалия начинается с утра. В Дели, где мы жили в большом современном доме, населенном довольно важным людом — чиновниками, бизнесменами и др., квартиры запирались наглухо, так как молодежь обязательно старалась прорваться внутрь и по возможности испачкать обстановку, иногда явно с хулиганскими намерениями.

В Калькутте мне пригодился опыт Дели. Я уговорил наиболее смелых ребят, и, одевшись похуже, мы вышли в «грязную» часть Чоуринги, кипевшую разноцветной толпой. Сначала на нас смотрели отчужденно, не знали, что с нами делать, только какие-то

мальчишки «стрельнули» в нас водой. Тогда я взял на себя инициативу и «изукрасил» зеленой краской физиономию здорового сикха, а он в ответ вымазал меня чем-то красным. Мы обнялись и, как полагаются, поблагодарили и поздравили друг друга. И тут как прорвало. Нас окружили со всех сторон и не пожалели воды и красок, а мы не остались в долгу. Когда нас отпустили, «живого места» ни на ком не было. На мне, например, было несколько слоев краски, замешанной то ли на олифе, то ли на машинном масле, — лиловой, зеленой, черной, красной, и, судя по интенсивности окраски, меня ждет в этом году много счастья. В таком виде мы ввалились в бассейн отеля «Хиндустан». Было много визга и удивления, и Маша очень гордилась разноцветным папой.

29 марта. В рамках Международного года женщины наш журнал устроил круглый стол с деятельницами женского движения Западной Бенгалии. Накупили пирожных, конфет, приготовили кофе, поставили букеты цветов, разложили книги, журналы, проспекты. Нашими гостями были дамы-благотворительницы, писательницы, активистки ИСКО*. Их было всего-шесть, но женщины есть женщины, и через десяток минут огромный стол превратился в нагромождение сумок и сумочек, носовых платков, недопитых бутылочек кока-кола. Таким он и вышел на фото, которое будет дано в журнале вместе с отчетом. А вот беседу за круглым столом воспроизвести в этом отчете будет чрезвычайно трудно — это был щебет ни о чем, из которого, впрочем, явствовало, что эмансипация — это хорошо, а не плохо. Вот почему мы поспешили завершить деловую часть и повезли участниц круглого стола в Горьки-садан, где в этот вечер давал концерт квартет им. Прокофьева, гастролирующий сейчас в Индии. Все остались очень довольны.

30 марта. Секретарь генконсульства Г. Л. Поспелов пригласил меня поехать с ним на митинг ИСКО в городок Барасат — в 30—40 километрах от Калькутты к северу, за Дам-Дамом. Поскольку я привык использовать любую возможность увидеть что-то новое, то охотно согласился. Приехали мы неожиданно рано, поэтому гостеприимные хозяева изо всех сил старались нас развлечь. И было очень интересно.

* ИСКО — Индо-советское культурное общество.

Барасат — городок крохотный, скорее полудеревня, единственное местное производство — изготовление тряпичных кукол. Никакого специального предприятия нет, делают их по домам, в семьях. Нам же показали выставку продукции — несколько десятков красавцев и красавиц, размещенных в больших витринах. В основном это пары — женихи и невесты, одетые в национальные бенгальские костюмы: она — в ярком, с золотой бахромой, сари, он — в дхоти и длинной рубашке, толстоморденский и с усиками.

Самая острая проблема в таких крохотных городках в любой стране мира, будь то Кологрив, Ченстохов или Барасат, — это, конечно, молодежь. Работы нет, развлечений нет — тихо иди на дно или уходи из родных мест в большой город и мыкайся по общежитиям. Вот почему дела молодежи в бенгальском городке нас весьма интересовали.

Молодежи здесь немало — около восьмисот юношей и девушек. Ребята очень хорошие. Проблем пьянства, хулиганства пока нет — старики проклянут. Есть маленький кинотеатр. Заботу о досуге молодежи взял на себя местный спортивный клуб. Но значение его оказалось гораздо шире: это штаб-квартира молодых.

У клуба есть даже библиотека, и нам ее охотно показали. Она небольшая, но заботливо подобранная, чувствовалось также, что книги здесь берегут от плесени, влаги, термитов. Книги были на бенгали (Тагор стоял на отдельной полке) и английском. На специальной полочке стояли советские издания — Горький, Чехов, Достоевский, «Тихий Дон» Шолохова. На какие деньги существует клуб — неясно, нам объяснили, что какие-то суммы дают местные меценаты, определенную часть составляют взносы (с человека — 50 пайс, с бедных не берут ничего). На добровольные пожертвования клуб закупает старый, списанный кирпич и потихоньку строит клубное здание. Пока же есть небольшая комнатка, где ребята режутся в пинг-понг — совсем, как в «красном уголке» где-нибудь в московском дворе.

Но главное все-таки спорт: легкая атлетика, футбол, бейсбол. Недавно барасатская команда заняла в округе третье место на соревнованиях по футболу и даже получила в награду красивую форму. Потом выиграли какие-то легкоатлетические соревнова-

ния — кубки за победу красуются здесь же. А главное, спорт раздвигает границы маленького городка — ребята ездят в гости и на соревнования в другие городки и в Калькутту, заводят там друзей, а те, в свою очередь, приезжают в Барасат. В общем, для маленького городка делается большое дело. И недаром члены клуба — наиболее развитая часть здешней молодежи.

Они-то и составляли большую часть аудитории нашего митинга. Митинг был шумный и непринужденный, он быстро сошел с рельсов чинного регламента, и начались вопросы о Советском Союзе. В конце митинга молодой местный художник Джудхаджит Сенгупта преподнес нам для передачи в Общество советско-индийской дружбы свою картину «Мир победит» — слегка кубизированную символику: голубь мира на фоне багрового зарева, внизу — разбитые танки и пушки. Он обещал пригласить нас в гости, но уже не в Барасат, а в деревню, где живет его отец, тоже художник, чтобы мы в местной школе рассказали ребятишкам о своей стране.

В заключение мы побывали в гостях у известного журналиста, ветерана национально-освободительного движения Вивекананды Мукерджи, маленького старичка с копной седых волос, закутанного в плед. Я его немного знаю — он нередко бывает у нас в офисе, и мы снабжаем его литературой по истории второй мировой войны. Сейчас он работает над большой монографией о войне. Жаль, что позднее время не позволило нам побеседовать подольше с этим интересным человеком.

На прощание нам подарили по сувенирным «жениху и невесте». Вблизи они выглядят грубовато, но Маша была в восторге.

3 апреля. На днях в Калькутту прибыл Джайпракаш Нараян. Бенгалия встречает его враждебно. Стены домов пестрят надписями «Джи-Пи, убирайся к черту!», «Джи-Пи — фашист!» и т. д. Во многих местах вывешены черные флаги — символ протеста. Джайпракашу не дали даже говорить, машину его перевернули и попытались поджечь. Полиция предпочла не вмешиваться. Надо отдать должное самообладанию старого политика: он не впадал в раж, не угрожал, не бесновался, а спокойно покинул город, пообещав приехать в другой раз.

5—10 апреля. Я неожиданно побывал в командировке в Бокаро. На таком огромном заводе я был впервые в жизни. Кроме того, удалось посетить еще один удивительный уголок Индии. Итак, по следам событий.

Непосредственным поводом поездки была конференция бихарского ИСКО. Позвонили из Дели и просили осветить события, поскольку мы к Бихару ближе всех. Кстати, о Бокаро в журнале не писали очень давно, так что была возможность сделать несколько материалов.

Выехал я 5-го, в 6 утра, с вокзала Хоура. Впервые ехал в индийском поезде, причем один — фотограф Шотто Шен (Сатья Сен) опоздал и приехал лишь через день. Вагоны такие же, как в Европе, только никакого постельного белья не выдают даже в I классе, индийцы возят с собой сак с собственным бельем. Но ехать было всего пять часов, поэтому на первый раз я обошелся. Непривычен для европейца специальный отсек с душем, совсем нелишний, так как днем солнце накаляет вагон почти докрасна и он становится чем-то вроде шашлычницы на колесах.

В 12 часов дня я уже стоял на раскаленной платформе городишка Дханбад и, чувствуя, как от жары плавится голова, с отчаянием думал, что делать дальше. К счастью, приехала машина за зубным врачом, также прибывшим из Калькутты (и только накануне вырвавшим у Маши зуб), и мы покатали по безводной, выжженной, страшно неуютной бихарской равнине. Реки стояли без воды, являя небу растрескавшееся дно, на деревьях висели серые от пыли, жестяные листья. Проехали городок Час — главное место бокаровских экскурсий, почти Большая земля, куда выезжают за покупками. Через два часа показался поселочек в чистом поле: красные двухэтажные виллы (каждая на четыре семьи), клуб, бассейн, столовая на 100 человек. Это и есть так называемый тауншип (городок), где живут советские специалисты и их семьи. Меня поселили в пустой квартире № 1 на краю старого сектора — «шакаловки», как здесь говорят, у самой изгороди, за которой стелется все та же степь. Есть кондиционер, пахнет давно брошенным жильем, в кухне — гора пустых бутылок. С 12 до 3 городок и завод вымирают — сиеста. Я вздумал, не отдыхая, выйти прогуляться и очень об

этом пожалел — ошеломляюще горячий ветер прожигает насквозь, нечем дышать, сердце отказывается работать.

Когда жара спала, я представился начальству и пошел на конференцию ИСКО. В огромном шатре-пандале собралось несколько сот человек — индийцев и русских. В честь митинга пандал был выдержан в цветах национальных флагов двух стран: оранжевом, белом, зеленом и красном. Конференция продолжалась до темноты. В президиуме сидели почетные гости — делегация из Киргизии.

6 апреля. В воскресенье работать не пришлось, все начнется завтра. Столовая — на пригорке, метрах в трехстах от моего пристанища. Ходят сюда в основном холостяки и командированные: 80—100 человек из 1800, живущих в тауншипе. Еда обычная, общепитовская — щи, котлеты, каши. Зато хлеб чудесный — пышные, круглые караваи, пекут его сами. По утрам и вечерам на всех столах — пышки из странной серой муки. Повар-индеец, которого все зовут Саша, философски замечает, выглядывая из своей «амбразуры» (по-русски): «Ай, мука нехороший». — «А где хорошая, Саша?» — «Хороший в Калькутта на черный рынок покупай».

После завтрака — бассейн, огромный, голубой, единственное спасение от испепеляющей жары. Для детей — особый «лягушатник», кишачий малышкой. Собираются строить еще один бассейн — все-таки 1800 человек. Прямо над водой — репродуктор, очень чисто передающий последние новости Московского радио. Только что сообщили о смерти Чан Кайши.

Побывал я и в «базарном» уголке — сарайчике, где в двух углах индийские торговцы, безбожно завышая цены, продают фрукты и овощи. В третьем углу продаются сувениры и парча, рулонами по 50—100 метров. И ведь берут, берут по несколько рулонов и тащат на родину! А в четвертом углу, неподалеку от арбузов и баклажанов, знаменитый Кумар из Калькутты держит филиал своего ювелирного магазина, что на Чоуринги. Больше здесь покупать нечего.

На горячем и сухом ветру (сегодня +40 в тени) шелестят эвкалипты, если не приглядываться близко — совсем как березки, листва набок. Городок пуст — все сидят у кондиционеров. Я поехал с киргизской делегацией на искусственное озеро в нескольких

километрах от городка. Оно красивое, зеленое, с рыбой, вода идет из водохранилища за 45 километров. Отсюда подается питьевая вода в городок и на завод. На горизонте сквозь струящееся море возникает гигантским призраком завод — трубы, домны, корпуса. Завтра поеду туда.

Вечером все выползают на прогулку. Выполняя строжайшее указание дирекции, днем все носят черные очки и головные уборы. Вечером очки снимают, но головы все равно покрыты. У мужчин — белые полотняные кепочки, у женщин — замысловатые сооружения из модных материалов, в том числе из парчи, в ансамбль с костюмом, причем двух одинаковых, конечно, не сыскать.

По городку ходят... дружинники с повязками, чтоб все — как дома. Делать им, конечно, нечего — народ дисциплинированный. Есть библиотека и клуб, где меня немедленно пригласили читать лекции со слайдами — и об Индии, и о собственной стране, по которой, чувствуется, здесь здорово скучают. В зал пришло человек под триста.

7 апреля, понедельник. С раннего утра всеобщая летучка на специальном «пяточке» перед отправкой на завод. Потом хождения по конторам за «пермитом» — пропуском на домны, в цеха, за разрешением на фотосъемки. Около 12 пришли ответственный за домну № 1 Шанти Рам Дас и доменщик Степанов, и мы на газике двинулись на завод. Ехать до него 25 минут.

Вблизи это целый город, с улицами, переулками, проездами. Размеры его впечатляющи — от объекта до объекта на газике добираться минут 20, пешком это просто невозможно. Домна № 1 вблизи производит угнетающее впечатление — огнедышащий дракон, рядом с которым ты — букашка. В смотровые глазки видна бурлящая шихта. Доменщики говорят, что в первые месяцы и им было не по себе, потом это чувство прошло.

Мы поднялись на самый верх домны, это около 80 метров. Отсюда открывается гигантская панорама завода — параллелепипеды корпусов, домны, трубы, какие-то непонятные круглые и квадратные конструкции и трассы между ними — и так — до горизонта. Площадка, на которой мы стояли, заметно вибрировала — ощущение не из приятных, когда стоишь на такой высоте. Время от времени вибрация усиливалась.

и раздавался громоподобный рев — опускалась шихта в недрах домны. «Домна дышит», — сказал Дас. Побывал я и на пуске чугуна — наверное, ничто на свете не сравнится с видом этой огненной реки. Рядом стоять просто невозможно — опалает лицо, одежда тлеет. А на улице — тоже не лучше. И люди работают здесь — месяцами, годами!

Вечером еще хватило сил выступить в клубе. Показывал Москву и Ленинград, рязанские леса, Кижы и русский Север.

8 апреля, вторник. Работа на заводе — домна, слябинг. Беседы, интервью с советскими и индийскими рабочими, инженерами. Много интересного рассказали о заводе. Сейчас здесь работает около 60 тысяч индийцев и 1800 советских людей. Мощность пока 1 миллион 700 тысяч тонн, в проекте — 10 миллионов. Пока стали дают немного, в основном кокс и чугун. Наши специалисты жаловались — трудно с транспортом, чугунные чушки лежат прямо в степи годами невывезенные, сейчас их свалено там около 50 тысяч тонн...

Зарплата индийского рабочего — от 200—400 до 700—1200 рупий в месяц, это очень хорошая зарплата, причем выплачивается она при любых условиях, работаешь ты или не работаешь (многие предпочитают второе). На заводе функционируют 82 различные организации — союзы, землячества; одних профсоюзов — 16. И то один профсоюз, то другой бастуют. И тогда на домнах и в цехах — одни русские...

Всего в 250—300 километрах отсюда находится священное место буддистов — Бодх-Гайя, и это не дает мне покоя. Вряд ли у меня когда-нибудь будет другая возможность там побывать. Лучше всего было бы выпросить машину, но с транспортом здесь плохо. Экскурсию тоже не удастся организовать — середина недели. Прикидываю расписание поездов; кроме того, надо получить разрешение на поездку у тех, кому надлежит такие поездки разрешать.

9 апреля, среда. Весь день на стане «2000». Ответственный за строительство Владислав Франтов так формулирует его значение: «Сейчас завод — всего лишь мальчик. Только с пуском стана горячей прокатки он станет мужчиной». Сооружение изготовлено на Новокраматорском машиностроительном заводе. Длина цеха, где его монтируют, — около полутора ки-

лометров. Монтаж идет день и ночь, пуск назначен на лето.

За эти дни я встречался с десятками людей — индийцев и русских, батарейки в магнитофоне уже давно сели, блокноты исписаны до корки. Конечно, трудно за четыре дня узнать, кто эти люди, почему они здесь. А ведь сюда едут со всех концов Индии, не только с севера и востока, но даже с юга — из Кералы и Тамилнада.

Проще всего с инженерным составом. Это выпускники колледжей, техническая интеллигенция, многие учились у нас, в СССР. Они дружелюбны, контактны, знают свое дело. Но мне кажется, что каждый из них мечтает о работе в частной компании. Некоторые этого и не скрывают.

Затем идут квалифицированные рабочие — доменщики, операторы и т. д. Это они получают до 1200 рупий, живут в благоустроенном городке Бокаро, велосипедной лавиной едут по утрам на завод (любимый снимок наших фотокоров), пользуются социальными привилегиями, охраняемыми профсоюзами. Их можно увидеть по вечерам в библиотеке или клубе нашего городка. Я беседовал с молодым, лет 16, парнишкой, который учится на оператора стана «2000», неким Радж Кумаром (это сочетание в Индии то же, что у нас Иван Петров). Он из семьи служащего, приехал из маленького городка в штате Уттар-Прадеш. Русский язык изучал на курсах ИСКО. После школы работы не нашел, и тут подоспел набор на завод. Он доволен судьбой, заработком и, судя по всему, возвращаться домой не торопится.

И наконец, есть еще одна категория рабочих на заводе, которую индийцы умеют в упор не видеть, а наш брат, журналист, стыдливо обходит. Это «люди из захолустья», приехавшие из разных уголков страны с домочадцами, с оравами замурзанных детей, живут они где-то за заводской оградой в самодельных хижинах и землянках. Они нанимаются на самые низкооплачиваемые работы — землекопами, подносчиками кирпича, уборщиками, получают по несколько рупий в день и радостно славят Шиву за возможность ежедневно питаться. Они ничего не слышали о профсоюзах, а книг не читают ни индийских, ни русских по причине полной неграмотности...

Идею поездки в Бодх-Гайю я все-таки пробил. Еду

ночным поездом, со мной два попутчика-переводчика — одессит Аркадий и узбечка Диллярам. На прощание провел еще беседу в школе русского языка в городе. Шотто Шей остался, чтобы кое-что доснять. Перед дорогой удалось вздремнуть пару часов.

Ровно в два часа ночи я уже стоял со своим портфелем на «пяточке». Через некоторое время из непроглядной тьмы вынырнули мои попутчики, потом подъехал рафик, и мы двинулись навстречу приключениям. Всю дорогу до Дханбада шофер-индиец гнал машину на предельной скорости с опасностью ее перевернуть. На все увещевания он отвечал боязливо одним только словом «даку», т. е. «дакойты» — бандиты. Бихар славится шайками, грабящими на дорогах. Но — обошлось.

В вонючей, душной тьме маленького вокзала сидели и спали прямо на полу сотни людей. Билетов в первый класс не оказалось. Пришлось брать в третий.

— Скоро поезд? — осведомились мы в окошечке.

— Нет, нет, ждите, — ответили нам.

Ждем. И вдруг оказалось, что поезд стоит на соседней платформе и готовится отойти через пять минут. Кинулись через какие-то ухабы (как все это знакомо!) во тьму и увидели толпу, штурмующую поезд, людей, лезущих на крыши вагонов, в окна — точь-в-точь как в старых фильмах из эпохи гражданской войны. В I класс нас не пустили («Извините, сэр, у вас III класс»). Тогда мы вспомнили опыт отечественных электричек и, применив его в индийских условиях, уже через несколько минут были внутри битком набитого вагона. На каждом миллиметре площади — на полках, скамейках, в проходах — стояли, сидели, лежали люди. Визжали дети. С трудом мы освободили для нашей дамы краешек скамьи, сами же стали рядом. Наш отсек находился в конце вагона, рядом с туалетом. С другой стороны ехала компания, очень напоминающая блатных, с большим интересом нас разглядывавшая.

...Едем час, другой, третий. Спать хочется дико. Тесно, неудобно, запахи совсем не парфюмерные, но по крайней мере не жарко, окна без стекол, и ветер свободно гуляет по вагону, причем довольно прохладный, приходится закрываться газетой. По-прежнему стоим. Ничего не поделаешь, сейчас мы — не иностранцы, не посланцы великой державы, а обычные пас-

сажиры III класса. Что ж, и такое надобно испытать хоть раз за рубежом, не все же в кондиционированных машинах разъезжать.

Но вот народ рассортировался, задремал. Затихли вопившие дети. Кое-кто по пути вышел, и нам досталось два места на скамейке. Стало совсем хорошо, и мы смогли подремать до 8 утра, когда поезд остановился на станции Гайя. Со всех сторон на горизонте синели горы.

10 апреля, четверг. Сначала мы бродили по пустынной площади, подходили к кассам, к турбюро, чтобы хоть что-то узнать, но все было тихо и пусто. Какой-то сердобольный железнодорожник разъяснил нам, что жизнь начнется с 10 часов и билеты на поезд тоже будут давать с 10, причем никаких броней здесь не бывает. Сидеть два часа нам совсем не улыбалось, и мы решили положиться на волю случая. А пока нас ждал впереди восхитительный, несмотря на бессонную ночь, день. Мы перекусили в тихой харчевне и пошли искать транспорт. Таксисты заламывали по 25—30 рупий с носа за 15-минутную поездку, автобус уходил через час. И мы решили посмотреть знаменитый храм Вишнупад, благо, до него было недалеко.

Храм этот не очень старый, он выстроен в 1787 году на месте более древнего. Сложен он из серого гранита и состоит из двух частей — открытого зала с колоннами (мандапы), у которого центр перекрыт куполом, и четырехгранной башни, конус которой образуется целой гроздью небольших башенок, а сама она завершается высоким шпилем, увенчанным флагом. В «святая святых» стоит обломок скалы с отпечатком ноги бога Вишну (Вишнупад и означает «след стопы Вишну») — углублением, напоминающим человеческий след, но очень большой — 40 на 15 сантиметров.

Когда мы вернулись на площадь, автобуса еще не было. А мы стали свидетелями, видимо, обычной для этих мест демонстрации. Шло человек 80 мальчишек-школьников, во главе шагало несколько верзил-старшекласников, возглашавших время от времени «Джайпракаш зиндабад!» Прохожие жались в стонку и помалкивали.

Наконец мы поехали. Автобус не спеша продирался сквозь узкие, бедные улочки, часто останавливался. На остановках влезали бабы с мешками, мужички

и чалмах, в общем все это напоминало наши провинциальные автобусы. Вот только препирательств не было слышно. Через полчаса мы прибыли в Бодх-Гайю.

Опять пыльная белая площадь. Стоянка велосипедов. Нищие у стен. Лавка с холодной кока-колой, куда мы ринулись сразу. А приободрившись, увидели крутые ступени из огромных нетесаных камней, уходящие вверх, к беленькому индуистскому храмику. Время до конца дня было все наше. И мы стали карабкаться вверх.

Впрочем, ничего особенного мы не нашли. В темной комнатке стояли на возвышении три большие деревянные куклы: бог Джаганнатх, его сестра Субхадра и брат Баларам — чуть измененные копии знаменитых статуй из храма Джаганнатха в Пури (штат Орисса). На открытой галерейке старуха, присев на корточки, толкла что-то в каменной ступке каменным пестом и на нас не обращала никакого внимания. В заключение пришлось совершить небольшую формальность: бросить несколько монеток в копилку у входа.

Оставив наши тяжеленные портфели и сумки в сувенирной лавке, мы направились к главной цели нашей поездки — славе Бодх-Гайи — храму Махабудхи. Он стоит в глубокой низине посреди города, так что издали видна лишь его верхушка, хотя высота его изрядна — 52 метра. Вокруг низины устроено нечто вроде, хочется сказать, набережной — асфальтированной, с клумбами, гуляя по которой можно сверху любоваться храмом, обходя его со всех сторон.

Легенда гласит, что сюда, в глухую деревушку Урувела (Урувилла), приютившуюся в джунглях на южной окраине империи Магадха, пришел скитавшийся по свету в поисках истины принц Сиддхартха Гаутама. Единственный сын Суддходаны, правителя небольшого княжества Капилавасту, он жил в роскоши и счастье, огражденный отцом от невзгод мира, имел жену и сына. Но, узнав случайно, что в мире существуют болезни, старость, смерть, ушел навсегда из дома в поисках смысла жизни.

Шесть лет вел он суровую жизнь аскета, пока не превратился в ходячий скелет. И тогда он понял, что умерщвление плоти столь же бессмысленно, как и чувственные наслаждения. В тяжелых борениях с са-

шим собой он брел по дорогам Индии, пока не оказался в Урувеле.

Попросив у встретившегося косца охапку травы (по некоторым легендам, это был сам бог Индра), он постелил ее у подножья священного дерева пипал (смоковницы) и сел там, обратившись лицом к востоку. В это время к дереву подошла дочь сельского старосты Суджата, неся в жертву божествам, обитавшим в ветвях дерева, горшок риса, сваренного в молоке, — она хотела попросить у них даровать ей сына. Увидев под деревом истощенного паломника, она приняла его за воплощенное божество и протянула ему жертву. Сиддхартха пошел на реку Найранджану, текшую поблизости, совершил омовение и с благодарностью съел рис — единственную свою трапезу на последующие семь недель. После этого он снова сел под дерево и поклялся, что достигнет под ним вершин познания или умрет. 48 дней и ночей шла в нем борьба добра и зла, демон желаний Мара подсылал к нему своих прекрасных дочерей, чтобы смутить его плоть и дух. На 49-ю ночь, в месяц вайсакх (апрель — май), когда сияла полная луна, он одержал победу. В первую стражу ночи он узнал о своих предыдущих рождениях, во вторую — о своем настоящем, в третью — о цели причин и следствий. К восходу солнца он достиг полного духовного просветления и стал Буддой — Просветленным.

Неудивительно, что безвестная деревушка теперь священнейшее место буддизма и переименована в Бодх-Гайю. А на месте чудесного просветления принца Гаутамы был выстроен храм Махабодхи.

К подножию храма, в низину, ведет с восточной стороны длинная, крутая лестница. Оставив обувь наверху, вы спускаетесь сначала к торане — воротам, состоящим из двух гранитных колонн, перекрытых горизонтальным архитравом. Их относят ко II веку, к Кушанскому периоду. Они богато украшены изображениями растений, процессий, коленопреклоненных паломников. Еще один пролет лестницы, и вы наконец во внутреннем дворе, у храма.

В основании храм невелик — всего 14 метров в длину и 15 — в ширину, но его 52-метровая высота отсюда, от подножия, конечно, впечатляет. В индийской архитектуре он стоит особняком и не имеет, пожалуй, аналогов. Храм буддийский, но по всем архи-

тектурным признакам принадлежит скорее к индуистским. Это типичная башня — шикхара, но, в отличие от всех известных памятников индуизма, он не имеет криволинейных контуров, уподобляющих храмы священной горе Кайласа (например, знаменитые храмы Кхаджурахо), а представляет собой правильную четырехстороннюю пирамиду с усеченным верхом, где на небольшом цилиндре покоится дисковидное навершие — эдакий «бублик» — амалака, как бы рассеивающее духовную энергию на окружающее (деталь чисто индуистская, особенно частая в храмах Ориссы). Над амалакой вздымается еще один усеченный конус, уже круглый, затем идут семь дисков, символизирующих семь буддийских небес, и шпиль. Основная пирамида делится карнизами на семь ярусов, по периметру каждого на все четыре стороны расположены круглые ниши, где когда-то пахотились статуи Будды. Гигантские плоскости пирамиды покрыты геометрическим, ритмизированным орнаментом. Основную пирамиду окружают четыре меньших, в точности ее повторяющих. Общее впечатление спокойной, величавой мощи.

Внутри, в святилище, на каменном постаменте высотой чуть более метра стоит колоссальная, не меньше 6—7 метров, золоченая статуя Будды. По традиции считается, что она находится на том месте, где сидел погруженный в раздумья принц Гаутама. Будда сидит в позе Бхумиспарша, т. е. касается одним пальцем земли, как бы призывая ее в свидетели своего просветления. Статуя одета в шелковую одежду буддийского монарха. У подножия — масса небольших статуэток-будд и металлические вазы с цветами.

Можно подняться по лестнице наверх, где находится фигура матери Будды — Майи Деви. Отсюда открывается вид на весь парк, по которому разбросаны храмики — копии главного храма, могильники, какие-то пирамидки, там же великолепный сад. Очень интересно просто обойти храм снаружи — в нишах стоят позолоченные статуи Будды, у подножия масса цветов, буддийских флагов, то тут, то там мелькают шафранные одежды монахов. Это яркое разноцветье, высвечиваемое солнцем, создает настроение радостной успокоенности. Если, конечно, некуда спешить и не надо думать о презренных земных вещах, вроде железнодорожных билетов...

Насчет даты постройки храма ясности нет. Я склонен верить дате: XI век. Считается, что около 249 года до н. э. император Ашока, путешествуя по буддийским святым местам, посетил Бодх-Гайю и воздвиг здесь храм. Однако на руинах ограды того времени найдена надпись, что храм построила Куранги, жена царя Индрагнимитры из Магадхи (I век до н. э.). А китайский паломник Сюань Цзан, побывавший в Индии в 637 году, писал, что храм Ашоки был разрушен правителем Бенгалии Шашанкой, а на месте разрушенного был построен новый храм. В 859 году раджа Дхармапала превратил его в индуистский и поставил там четырехликого Шиву. Кстати, при раскопках были найдены основание Шивалингама и две статуи — буйвола и Ганеши.

Сохранились сведения о многочисленных ремонтах храма, его реставрациях и достройках: в 450 году царем Садо, в 1079-м — бирманцами, в 1157-м — царем Ашокабаллой. В 1811 году Бодх-Гайю посетили король Бирмы и король Явы и были так потрясены запустением и разрухой, царившими там, что прислали туда, с разрешения британского правительства Индии, группу строителей. Лишь в 1880 году правительство взялось наконец за ремонт, и к 1884 году инженеры Каннингхэм и Белгар завершили работу и восстановили упавший шпиль.

Выйдя из храма, я решил сделать несколько снимков издали и выбежал босиком в чистое поле метров на 50. И жестоко раскаялся в содеянном: сухая земля была раскалена и жгла ступни, как хороший утюг. Подвывая от боли, я еле дополз до тени у стен храма...

Очень осторожно, используя малейшие клочки тени, пошли мы осматривать остальные реликвии, и в первую очередь дерево Бодхи — Бодхидрума, под которым Сиддхартха стал Буддой. Конечно, прекрасное, раскидистое дерево, высаженное сейчас у храма, — это лишь пра-пра —...— внук. В течение двух с половиной тысячелетий дерева, отживавшие свой срок, заменяли их отростками. В 1876 году одно из таких деревьев-потомков было с корнем вырвано бурей. И тогда вспомнили легенду о том, что по приказанию императора Ашоки черенки дерева Бодхи были разосланы в разные страны. От одного такого правнука на острове Цейлон (Шри-Ланка) был взят очередной отросток,

который и вырос в нынешнее дерево. Под деревом стоит плита из песчаника, украшенная орнаментами и цветами,— на том месте, где сидел погруженный в размышления принц. Но таким же местом считается место в храме, где стоит золоченая статуя... Мы решили, что настаивать на выяснении истины было бы бестактно. Так же молчаливо мы согласились еще вот с чем. Недалеко от дерева Бодхи лежит круглый камень с отпечатками ступней Будды — Буддхапада, но санскритская надпись гласит, что это следы Вишну. Зато о следах Вишну, которые мы видели в Гайе в храме Вишнупад, путеводитель говорит, что это-то и есть следы Будды. Потом мы вспомнили, что индуисты считают Будду девятой аватарой (воплощением) Вишну, поэтому нет смысла разбираться, кто, где и когда ступал, тем более что все это было давно...

Еще две достопримечательности. Храмик без кровли с небольшим изваянием внутри — на месте, где Будда «сформулировал» главные положения своего учения. Ничего интересного он не представляет, но зато здесь я узнал наконец о символике буддийских флагов. Оказывается, когда Будда погрузился в созерцание, его тело стало излучать голубое, желтое, красное, белое и оранжевое сияние. Отсюда и разноцветье буддийских флагов!

И наконец, «тропа самоцветов» — Ратначакрама. По ней неделю Будда ходил в раздумье, и на месте его следов выростали лотосы. Здесь выложена каменная платформа в 16 метров длиной и метр высотой, где изображены 18 лотосов, символизирующих следы Будды.

Есть и небольшой музей, содержащий остатки каменных изваяний, найденных при раскопках, в том числе упоминавшихся выше Ганеши и буйвола. Интересно, что большинство из них — индуистские.

Солнце стояло уже высоко и жарило немилосердно. А у нас была еще впереди экскурсия в «буддийскую деревню». Поднявшись из низины по бесконечной лестнице и вновь обретя обувь, мы еще раз побывали храмом сверху и побрели через пустыри к видневшимся вдалеке верхушкам храмов.

В 1956 году отмечалось условное 2500-летие со дня рождения Будды. В честь этой даты в разных странах проходили юбилейные действия, даже у нас и в Москве состоялась научная конференция буддоло-

гов. В Дели был разбит знаменитый ныне Будда-парк, где можно увидеть все растения, так или иначе упоминавшиеся в легендах о нем. А в Бодх-Гае страны, исповедующие в той или иной форме буддизм, построили по храму — это Индия, Таиланд, Южная Корея, Япония. Кроме того, здесь еще в 30-е годы функционировали два монастыря — китайский и тибетский. Миллионер Бирла выстроил огромный, в «буддийском» стиле — в форме ступы, отель и подарил его городу. Все это, вместе взятое, носит название «буддийская деревня».

Храмы расположены довольно компактно. Любопытнее всего тибетский монастырь, основанный в 1938 году. Это небольшое, двухэтажное, в тибетском стиле строение. На верхнем этаже расположено святилище — большой зал со статуей Будды Майтреи — Будды, который грядет, — его любил изображать на своих картинах Н. К. Рерих. Стены расписаны изумительно красивыми фресками, на которых буйствуют свирепые и страшные ламаистские божества. Вдоль стен — застекленные шкафы, где хранятся драгоценные свитки, украшенные большими красными печатями — старинные и новые. Выше — застекленные фотопортреты далай-ламы и панчен-ламы. А на нижнем этаже стоит «молитвенная мельница» — хурдэ — огромный цилиндр весом (по утверждению служителей) в несколько тонн. Становишься рядом, кладешь на его необъятный бок левую руку и идешь справа налево, изо всех сил толкая тяжелую махину. Если у мельницы стоит 10—15 паломников, то общими усилиями она начинает вращаться. Обойдя так трижды, освобождаешься от всех грехов и выходишь наружу чистый душой, как стеклышко.

При монастыре есть гостиница — в день всего одна рупия. Кстати, гостиница Бирлы — бесплатная. Мест в них — сколько угодно: не сезон. Вот через месяц, в полнолуние месяца вайсакха (конец апреля — конец мая), сюда приедут и придут сотни тысяч людей, чтобы отметить одновременно три даты: день рождения, день просветления и день успения (нирвану) Будды. Загремят барабаны, храм будет украшен тысячами светильников, ночью станет светло, как днем. И места в гостиницах будут на вес золота. А сейчас здесь тихо и пусто.

Самый красивый в «буддийской деревне» храм,

конечно, сиамский (тайский), построенный в 1956 году королем Таиланда. Это красно-золотая пагода, стоящая в прекрасном саду. Кровли увенчаны колокольчиками, от малейшего шевеления воздуха наполняющими округу лепечущим, нежным звоном. Внутри — огромный золоченый Будда и много маленьких будд у его подножия, тишина, полумрак и прохлада. Кроме нас здесь были только двое растерзанных хиппи, привольно разлегшихся на прохладном полу.

По пути к следующему храму — японскому, одному из самых дальних, мы увидели сценку, от которой повеяло тысячелетней стариной: группа крестьян молотила пшеницу. Разбросав по земле снопы, они гоняли по ним по кругу привязанного к столбу буйвола.

В японском храме тоже было чисто и пустынно, на стенах дремали фрески из жизни Будды. Отдельно от храма стоял изящный навес, под которым висел колокол. Время от времени подходил служитель и минут пять-семь методично ударял по нему колотушкой.

Сидевший у изгороди предприимчивый торговец заломил с нас несусветную цену за кока-колу («Надбавка за дальность доставки», — весело парировал он наши вялые протесты). Казалось, что ледяной напиток совсем не попадает в пищевод, а мгновенно выступает потом на лбу.

Последний храм был китайский, основанный в 1935 году и с тех пор забытый всеми — и КНР, и Тайванем. При храме живет единственный его служитель — старый-престарый китаец. Внутри — запустение, обваливающаяся штукатурка, пыль на чудесных статуэтках, на шелковых картинах...

Нам говорили, что вокруг еще немало интересных мест, связанных с памятью о Будде: лotosовый пруд, река, где он совершал омовения, пещера, где молился (в 12 километрах отсюда!), лес, где он спасался от мирских соблазнов... Но даже колонна Ашоки, одна из немногих, сохранившихся в стране, уже не привлекала нас. Сказывались бессонная ночь и одуряющая жара. Мы двинулись в обратный путь.

Касса в Гайе была еще закрыта. В ожидании мы прогулялись по главной, вполне современной улице — с большими домами, магазинами, рекламами. Некоторых увиденных сцен мы не поняли. Например, около станции — отвратительный пустырь, покрытый человеческими нечистотами. Среди них лежит голый чело-

век. Я видел такое и в Калькутте. Кто он — неприкасаемый, преступник, прокаженный, аскет, умертвляющий тело? Непонятно и страшно...

Билетов в кассе в I класс не было, опять только III. После долгих просьб уважили: поставили «в список ожидающих» — если освободятся места, дадут перед отходом поезда. Оставалось еще около четырех часов. Мы пошли в знакомую харчевню — поужинали и сидели, сколько можно. Опять касса — билеты все-таки дали, но без мест, мы были рады и им. Потом была душная комната ожидания, заплеванный перрон.

Поезд опаздывал на полтора часа. Люто хотелось спать. К нам привязался нищий мальчишка и ныл безостановочно, как комар. Он не ушел, получив бакшиш, и не было даже сил треснуть его по шее. Окружающие смотрели на нас с сочувствием.

Поезд подошел уже в темноте, и ревущая толпа штурмовала вагоны с таким отчаянием и злобой, как будто шла эвакуация в тыл. В купированном вагоне проводник нагло заявил, что мест нет. Но мы были уже умнее, чем день назад. Несколько десятирупиевых бумажек — и места мгновенно нашлись. Постелей, по индийскому обычаю, не было. Сердобольный сосед дал мне свое одеяло. Я попрощался со спутниками (они выходили на полпути), залез на пыльную полку и мгновенно отключился. Калькутта показалась мне свежей и желанной после обожженного, негостеприимного Бихара. Я чувствовал, что приехал домой.

12 апреля. Оказывается, мы уже год живем в Калькутте и здорово к ней привязались. Этот юбилей мы отметили семьей в маленьком китайском ресторанчике «Нью Эмбасси». Он расположен на Чоуринги, в 10 минутах ходьбы от нашего дома, напротив музея кукол. Он нам нравится весь, начиная от пестрых фонариков над входом. Внутри прохладная тьма, прорежаемая лишь светом крохотных лампочек над столиками, тоже оформленных под фонарики. Ввалившись сюда с раскаленной улицы, чувствуешь себя как в раю. Меню огромное: около 200 наименований, и, что удивительно, почти все указанные блюда есть. Позже я понял, в чем дело. Блюда здесь разделяются на классы, в каждом классе есть базовая основа, а добавления к ней дают желаемое разнообразие. Скажем, написано: «чоу-минь» — рисовая лапша. Это ос-

нова, она всегда наготове, сварить ее можно за 3—4 минуты. А к ней идут добавления: чоу-минь может быть с креветками, ветчиной, свиной, яйцами, овощами, курятиной, сыром и т. д. Получается около двух десятков блюд, помеченных в меню. Здесь подают множество и других вкуснейших блюд: похлебку из акульих плавников, мясо в кисло-сладком соусе, «ван-тоны» — крохотные, обжаренные до хруста, пельмени с начинкой из курятины пополам со свиной, «пронс-роллсы» — креветки, запеченные в тесте. Все это обильно поливается соевым соусом или острейшим соусом из зеленого и красного чили. И конечно, жасминовый чай в крохотных пиалушках. Еда эта вкусна, необременительна для желудка и достаточно, по здешним меркам, дешева. Заправляют хозяйством два вежливых молодых человека, то ли китайцы, то ли манипурцы. Имеется еще грустный бой, убирающий посуду, этаким Ванька Жуков.

Таких крохотных ресторанчиков в Калькутте много, и они выгодно отличаются от неуютных индийских харчевен. Есть, конечно, и супердорогие рестораны, вроде «Золотого дракона», но они не всем по карману.

22 апреля. Утром — митинг у памятника Ленину, для нас уже второй. Маше было поручено возложить цветы к подножию. Говорили речи, пели песни, поэты читали стихи.

А во второй половине дня было еще одно мероприятие, на которое поехали только трое — Г. Л. Поспелов, я и А. М. Дворова из торгпредства, бывший директор московской школы-интерната № 15. Мы были приглашены в школу имени Ленина, о которой много говорят в Калькутте.

Добраться до нее оказалось нелегко — она находится в Гарден-Рич, на далекой окраине за портом, именуемой Метьябурудж, где живут бедняки — рабочие текстильных и джутовых фабрик, докеры и другие портовики. Это пролетарская Калькутта — без исторических памятников, без отелей и роскошных магазинов, туристы здесь не бывают.

С большим трудом нашли мы эту школу. Размещается она в здании старого, заброшенного склада — бетонной коробке, крытой кусками ржавого гофрированного железа. У входа стоял тощий — ребра наружу — теленок. Внутри на огромных циновках, прикрывавших бетонный пол, сидело много, около трехсот детей,

бедно одетых, угрюмых, но ужасно непоседливых. Их с трудом сдерживали хоть в каких-то рамках несколько юношей и девушек, по возрасту ненамного старше своих подопечных. Это и был коллектив школы имени Ленина.

Ее организовали в 1970 году беднейшие рабочие, которым не по средствам было посылать своих детей в муниципальные школы. Они смогли отвоевать пустующий склад, поставили там несколько обшарпанных столов, стульев и шкафов для учителей, постелили циновки на полу — для детей. Молодые ребята-коммунисты согласились преподавать бесплатно, ведь школа была незаконная, «ничья», платить зарплату власти не собирались. И почти три года изо дня в день триста детей из бедных рабочих семей и из трущоб Гарден-Рич приходили сюда получать бесплатное начальное образование. Около года назад коллектив отпраздновал нелегкую победу: школа имени Ленина была признана одной из образцовых рабочих школ города и официально взята под опеку муниципалитета, что означало зарплату для учителей и определенные суммы для нужд школы.

Что же касается празднования, то оно было обычным. Речь произносил директор школы С. А. Али, молодой, веселый, с чубом, падающим на лоб, очень похожий на Б. Чиркова из знаменитой «Трилогии о Максиме». Ребятня хранила кислое молчание, и хотя говорили на урду (жители этого района в основном мусульмане), было ясно, что их призывают хорошо учиться и не баловаться. Установив на табуретке свой верный портативный проектор «Свет», я показывал цветные картинки: Володя Ульянов, деревянный домик в Симбирске, шалаш в Разливе, Красную площадь и Мавзолей, Смольный и «Аврору». Пели песни Тагора. Мы подарили школе портреты, плакаты и пачки книг. И впервые я чувствовал явную фальшь совершавшегося, ненужность свою здесь, в вонючем сарае, как будто сам был в чем-то виноват перед этими ребятами, которые никогда не выйдут за пределы своих гнилых кварталов и от которых мы пытаемся откупиться цветными картинками и дешевыми пропагандистскими книжонками.

28—29 апреля. Полным ходом идет подготовка к празднованию 30-летия Победы. Издательства пяти социалистических стран (от нас — АПН) выпустили

совместно солидный том «Путь к победе», который вызывает у индийцев большой интерес. Готовятся совместный кинофестиваль, торжественный митинг, приемы и многое другое. Мы готовим спецномер журнала, где постараемся дать побольше местного материала. Кстати, вышел наш Ленинский (восьмой) спецномер, где напечатано несколько моих материалов — о школе Ленина, о митинге в Барасате, о Ленин-пудже, а также стихи молодых поэтов. Он пользуется большим успехом — все хотят его иметь, приезжали уже ходоки из Метьябуруджа, Данкуни, Барасата, что, конечно, приятно.

Мы провели встречу с местными журналистами, посвященную Победе, сделали фото- и книжную выставки. Особенно поразили гостей воспоминания генконсула А. К. Ежова, воевавшего в партизанском отряде под Могилевом. В них были подлинность, которую не дадут никакие книги, и живость, отсутствовавшая в стандартных, дежурных выступлениях. Все слушали, раскрыв рты, и пытались представить нынешнего джентльмена пускающим под откос состав с фашистами. В конце экспансивные бенгальцы устроили генконсулу восторженную овацию.

30 апреля. Прихожу утром на работу и вижу, что мои индийцы обнимаются, поздравляют друг друга. Оказывается, только что позвонили из штаб-квартиры КПИ: пал Сайгон. У индийцев к Вьетнаму отношение особое — за событиями там следят ревниво, не прощают ничего американцам. В Калькутте им «отомстили» остроумно и ехидно: улицу, где размещается генконсульство США, недавно переименовали в Хо Ши Мин-сарани. И американцы вынуждены на всех официальных бумагах — письмах, приглашениях — ставить свой адрес: генконсульство США, Хо Ши Мин-сарани.

4 мая. Вчера, когда я шел домой по Фри-Скул-стрит, началась пыльная буря. Ветер нес пыль, мусор, песок, бумаги, сила его была такая, что он сбивал с ног, идти было невозможно. Звенели стекла, грохотал гром, но дождь так и не начался. Сегодняшние газеты сообщают: разбито много окон, вырваны с корнем деревья на Майдане, повреждена связь — телефонная, телеграфная, телетайпная. Наш телетайп тоже молчит. Калькутта сегодня отрезана от мира.

Кстати, мы уже девятый день живем на новом ме-

сте. Больше года мы прожили в старом доме на Бишоп-Лефрой-роуд, злились на неудобства и нелепости быта. Но и сам дом нас буквально «выталкивал». Москиты были как бешеные, от них не спасали никакие патентованные средства. Ушли вечно дежурившие на стенах геккончики. Огромные тараканы все смелее выползали из углов. Однажды Машка с криком вылетела из ванной: в умывальнике сидел паук в ладонь величиной с мохнатыми, полосатыми лапами.

Теперь информационный отдел генконсульства разместился на новом месте — небольшой тихой улице Балигандж-Сёркуляр-роуд: пятиэтажный офис — этакий кубик нежно-желтого, цыплячьего цвета, неприлично чистый для Калькутты, зеленая полянка во дворе и жилой корпус в глубине. Слева — стройка многоэтажного дома, с которой во двор к нам то и дело сыплется кирпичи, справа — мечеть, принадлежащая какому-то мусульманскому ордену, на нас, впрочем, никакого внимания не обращающему.

Квартира у нас новая, двухкомнатная, со всеми удобствами — душем, новыми кондиционерами, хорошей кухней, москитов почти нет. Есть во дворе движок — не страшны перебои с электричеством.

Вечер. В уютной комнате сидит под торшером на кушетке жена, вяжет что-то из мохера. На полу — огромный голубой ковер, он целиком во власти Маши. На него вываливаются каждый вечер и раскладываются по периметру несколько десятков бумажных кукол, вырезанных из журналов и альбомов. У каждой свое имя, и ежедневно у какой-нибудь из них день рождения с балом. Потом у кукол начинается процедура отхода ко сну. Особенно трогательно пеленается и укладывается в кроватку вырезанная из какой-то книжки Жанна д'Арк в латах и с мечом.

А на окошке у нас живет крохотная, розовая, совершенно прозрачная ящерка-геккон.

В общем, настоящая идиллия. Но странное создание — человек: я уже скучаю по нашей нелепой, угрюмой норе в старом доме на Бишоп-Лефрой-роуд...

5 мая. Дни бегут, и я все яснее понимаю, как мало знаю Калькутту, как тщетны мои попытки ухватить хотя бы «вершки». Хочется пройти от начала до конца каждую улицу, хоть слегка прикоснуться к ее жизни. Странно, этого желания я никогда не испытывал в Дели.

На днях побывал на одной из самых «калькуттских» улиц — Читпур-роуд. Начинается она неподалеку от площади Дальхаузи, а затем устремляется на север, пока в районе Багх-базара не упирается в депо барж на Хугли. Несколько лет назад большой ее участок был переименован в Рабиндра-сарани, но, несмотря на преклонение перед Тагором, ее по старинке называют Читпур.

Вообще-то меня привлекала здесь прежде всего Находа, главная мечеть города. У мусульман Калькутты я еще ни разу не бывал, мне много рассказывали об их неприветливости, враждебности и т. д. Но мечеть продолжала меня манить, и вот, попросив нашего шофера-мусульманина сопровождать меня, я все-таки решил побывать в Находа-моске. Возможно, благодаря тому, что со мной был мусульманин, или по какой-то другой причине меня встретили и без вражды, и без особого гостеприимства, попросту говоря, равнодушно: короткий разговор с привратником, и нас пустили внутрь и полностью перестали нами интересоваться, предоставив бродить сколько угодно по этажам и переходам огромного здания.

Построена эта мечеть в 1926 году, как утверждают путеводители, в стиле могольской архитектуры, в частности в подражание Сикандре, мавзолею Акбара в Агре. Но, кроме красного песчаника, которым облицована мечеть, и белых куполов в форме характерных полосатых «долек», напоминающих очищенный мандарин и увенчанных лотосом, нет ничего общего между средневековым рафинированным мавзолеем и грузным сундуком, выпирающим углом на Читпур-роуд.

Внутри мечеть Находа традиционно аскетична, единственное украшение — белые мраморные узоры на стенах да растительные орнаменты. С балкона верхнего этажа открывается отличный вид на город, вдали видна река, портовые краны. Огромный молельный зал вмещает до 10 тысяч человек.

Выйдя из мечети, я подумал, что у меня может и не быть больше шансов побывать на этой улице еще раз. И отпустил машину.

Сначала я отошел назад, к Бентинк-стрит, где, собственно, и начинается Читпур-роуд, чтобы поглядеть еще раз на мечеть: она высится над улицей как огромная красная скала, а белые «мандаринчики» куполов

и изящные иглы минаретов выглядят на ней совершенно чуждыми. Но пришлось признать, что архитектурный облик мечети, массивной, нерасчлененной, выбран удачно. Менее крупная, легкая по формам постройка неминуемо была бы задавлена скопищем домов-чудищ, из которых состоит Читпур-роуд.

Мне нравятся те калькуттские улицы, которые избегают прямизны и уходят куда-то вбок: идешь то ли по спирали, то ли по дуге, не зная, что впереди; улица постепенно разматывается, и за каждым домом может таиться что-то интересное. Вот такова и Читпур-роуд.

Не верится, что где-то совсем рядом — зеленое пространство Майдана, чистенькая Дальхаузи, финансовый центр, Законодательная ассамблея среди аккуратных клумб. Передо мной ущелье, хотя страшноватое, но притягивающее. За каждым из домов громоздятся другие, большие и бесформенные, и сколько их, не знает, наверное, никто. Поражает дикая их нумерация: рядом со строением № 18 стоит № 242, наискосок — № 156, за ним № 45, а потом № 260 — все это рядышком, на одной стороне улицы. Любой почтальон сойдет с ума...

Я двигался вперед, на север, с удовольствием останавливаясь, разглядывая верхние этажи домов, которые никогда не видишь из машины. Интересно было то здесь, то там в месиве съеденной влагой штукатурки, обнажавшей старые кирпичи, обнаруживать остатки былой архитектуры — то балкончик, то какого-нибудь льва на крыше, то лепной медальон, скрытый под копотью и следами потеков. На подступах к мечети стоит смахивающая на тюрьму кирпичная громада полицейского участка. Но большинство зданий — трудноопределимой архитектуры. Наверное, это доходные дома — ветхие сооружения, чем-то напоминающие старый Тифлис: лоджии, масса деревянных балкончиков, гроздьями нависающих над тротуарами. Нечего и говорить, что все они густо увешаны драным тряпьем, этой жуткой приметой бедности. В некоторых домах лоджии застеклены, но стекла до того запылены и закопчены, что давно уже сравнялись цветом со старой штукатуркой. Какие перенаселенные «клоповники» скрываются за этими стеклами, какие драмы их сотрясают? Здесь нужно воображение Кафки. А может быть, Зошенко.

Тротуары — узенькие, жмущиеся к стенкам домов, их отсекают от проезжей части две сточные канавы с черной водой, издающие запах отнюдь не роз. Но пройти по тротуарам невозможно, они сплошь заняты незамысловатым товаром уличных торговцев. Первые этажи домов — это магазины и лавки. Окон не предусмотрено, весь магазин — провал в стене, как бы пещера, в глубине можно разглядеть полки с тюками. На прилавке сидит, скрестив ноги, владелец и зазывает прохожих. А товар производится где-то сзади, в подсобках или дворах, двумя-тремя рабочими и тут же идет на прилавок. Это сандалии, у которых через полкилометра отвалятся подметки, самораспускающиеся носки, подозрительного вида бижутерия, пресловутые «китайские» авторучки с «платиновым» пером... Даже под аркой мечети Находа сплошь лавки: ткани, расшитые фольгой и «золотом», «восточные», а-ля «1001 ночь», шлепанцы с загнутыми носами, духи, благовония. Еще дальше — палатки театрального реквизита: парики, костюмы всех эпох и народов, все это, конечно, потертое, траченное молью и сыростью. Порыться как следует, так, может быть, найдешь остатки костюмов лебедевской труппы! А вот витрины «мраморного» магазина: вазы, урны, надгробия, статуи, облицовочные плиты. Рядом на тротуаре цветочные лотки, просто лотки. Базарчики овощей и фруктов: прямо на асфальте лежат кучки плодов.

Вся публика валом валит по проезжей части. Сквозь густую толпу чудом пробиваются трамваи (в обе стороны); почти задевая их, тянет тяжело нагруженную тачку безмолвный кули; неистово гудят такси (за рулем — дородный сикх, рядом с ним — дружок, тоже сикх, — чтобы не ограбили; пассажира засовывают назад). Тут же — лавина велосипедистов и рикш. Обстановку дополняют старомодные, начала века, фонарные столбы и густая сеть трамвайных проводов, паутиной нависшая над улицей.

Удивительное дело, никто не обращает на меня внимания, нет ноющих бакшишников, никто не идет следом, я — часть этой толпы, ее капля, и не чувствую себя кужим.

Далеко позади осталась мечеть, мелькнула в одном из боковых переулков уже знакомая мне Армянская церковь. Улица уносит меня все дальше. Скоро должны начаться места, связанные с Тагором. Вот

первое: в боковой улочке Прасана-Кумар-Тагор-стрит за невысокой решеткой высится странное сооружение, напоминающее диснейлендовские имитации средневековых замков: башни с бойницами, готический фасад с часами, узкие прорези окон, замысловатые флюгера на шпилях башен. Замок выкрашен в ужасный розовый цвет, местами краска облупилась. У ограды — овощной рынок, овощи разложены чуть ли не под колесами автомашин.

Это странное здание воздвигнуто предком Рабиндраната Тагора, махараджей Джатендрой Моханом Тагором. Английская королева пожаловала ему рыцарское звание, и сэр Джатендра захотел осуществить свою рыцарскую привилегию: иметь собственный замок. В былые времена здесь был гостевой дом семьи махараджи. В 30-е годы замок был продан. Сегодня на втором этаже живет семья нового владельца, а первый занимает женская школа.

И вот, наконец, знаменитый Джорасанко, 6 — величественный краснокирпичный дом с зелеными ставнями, в классическом стиле. Это родовое гнездо семейства Тагоров. Об этом семействе надо писать отдельно, настолько важной была его деятельность в политике, экономике, религии, культуре для судеб не только Бенгалии, но и всей Индии в XVIII—XX веках. Здесь родился Рабиндранат Тагор. Сегодня это музей. Но, как я уже писал, музей «заколдованный»: он всегда закрыт.

Нечего и говорить, что и сегодня музей был закрыт...

Скоро уже река. Исчезают лавки и магазины, высокие дома. Вместо них — вереница сарайчиков — квартал Кумартоли, где живут мастера, делающие статуи богов на пуджу, благо, до реки, дающей со своего дна взаймы священную глину, — несколько десятков метров. И вот конец, берег серо-коричневой Хугли, баржи, покачивающиеся у причала, стрелы подъемных кранов, крики грузчиков.

5 мая (продолжение). Но путешествие не кончено. Я иду назад, к началу улицы, к Бентинк-стрит. Дело в том, что вправо от нее вплоть до района Боу-базар располагается знаменитый Чайна-таун — «Китайский город», где в XIX—XX веках традиционно жили китайцы. У нас как-то не принято сюда ходить, памятуя нынешние отношения с Китаем, но и запретов нет,

так как всем ясно, что китайцы здесь другие, индийские. Мне давно хотелось хоть одним глазком взглянуть на этот особый мир.

Когда-то здесь жило около 20 тысяч китайцев. Стучали по мостовым деревянные сандалии, из храмиков доносились звуки гонгов, из харчевен струились ароматы китайских яств. Английские писатели, авторы колониальных романов, даже такие крупные, как Сомерсет Моэм, любили переносить действие своих книг в этот район Калькутты, который соответственно изображался как место зловещее и экзотическое, где на тускло освещенных газовыми фонарями узких улочках вершатся темные дела, а в крохотных тавернах курят опиум...

Война с Китаем 1962 года нанесла сильный удар по калькуттскому Чайна-тауну. Жителям района в период войны запрещено было выходить за его пределы без специальных пропусков, около 8 тысяч были депортированы в раджастханские лагеря, а потом высланы в Китай. Но удивительно, что буйная калькуттская толпа отнеслась к Чайна-тауну спокойно, не было ни погромов, ни особой ненависти. Большинство калькуттских китайцев всегда подчеркивало и подчеркивает свою лояльность по отношению к приютившей их Индии, а отдельные, очень небольшие группы маоистов были сразу же придавлены самими обитателями Чайна-тауна.

По данным журнала «Иллюстрейтед Уикли оф Индия» (1972 год), всего в Индии сейчас проживает 15 тысяч китайцев; 12 500 из них живут в Калькутте, а в пределах Чайна-тауна — около 4 тысяч. Большинство обитателей «заповедного» района предпочло выйти за его пределы и влиться в жизнь города. Мы видим их ежедневно — в бесчисленных китайских ресторанчиках, в обувных магазинах, в парикмахерских и сувенирных лавках. Вся советская колония охотно заказывает обувь у китайцев на Нью-Маркете — они шьют добротные, красивые, из хорошей кожи ботинки и туфли, чуть-чуть, правда, старомодные.

И вот он, Чайна-таун, передо мной. Узкие, чистые улочки. Иероглифы на вывесках. Китайчата, играющие у дверей лавок, прохожие в синих брюках и блузах. Храмик Си Ип с нефритово-зеленой керамической крышей и фарфоровыми рыбками, такой ку-

кольный на фоне высящихся за ним небоскребов деловой Калькутты. Внутри резной, красно-золотой алтарь, несколько красивых ваз, старинные мечи на стенах. И ноль внимания на посетителей.

Лавки здесь те же, что и в городе, только вывески написаны иероглифами; впрочем, вся продукция легко угадывается по витринам: кожа, обувь, фарфор — пилалы, вазы, статуэтки. И рестораны, как в городе. Все очень интересное, но какое-то ненастоящее. Район: еще существует, но жизнь как будто уходит отсюда. Думаю, еще несколько лет — и Чайна-таун расточится сам по себе. Бульдозеры снесут последние лавки и домики, и здесь воцарится обычная калькуттская толкотня. Та, что царит и сейчас в нескольких сотнях метров от этого игрушечного мира.

6 мая. После обычной прогулки по Парк-стрит я прошел в ее южную часть, где никогда не бывал раньше. Там расположены два старейших в городе английских кладбища. Хождение по кладбищам — занятие не самое приятное, но безусловно поучительное. Поэтому я решил все-таки побывать на одном из них, Северном, открытом в 1767 году. Когда-то оно было, наверное, по-своему величественным и красивым, чистым, ухоженным. Увы, все это в прошлом. Дорожки давно заросли пышной тропической зеленью. Среди моря трав, по пояс посетителю, высятся полуразвалившиеся надгробия, с опавшей облицовкой, обнажившей старые, почерневшие кирпичи. Особенно много пирамид, трех- и четырехгранных, различной высоты и крутизны, с барельефами, надписями и без оных; издали они похожи на диковинный лес, вздымающийся к небесам. Много кубов и параллелепипедов, увенчанных урнами. Есть несколько довольно крупных склепов. Полуразличимые эпитафии призывают молиться за сынов и дочерей Британии, нашедших последнее пристанище в бенгальской земле. Одно из немногих надгробий, содержащихся в порядке, принадлежит отцу великого английского писателя — Ричмонду Теккерю.

А вечером — зрелище совсем другого, суетного рода. По просьбе женщин из торгпредства я сопровождал их в «золотой» магазин, где заказывают украшения. Он находится на Бипин-Гангули-стрит, в просторечье именуемой у нас «золотая улица»: здесь на сравнительно коротком участке расположены по обе-

ним сторонам несколько десятков ювелирных, преимущественно торгующих золотом магазинов. Правда, большинство из них — это скорее небольшие лавки.

Надо сказать, что здешние магазины отличаются от делийских. Там все сокровища чванливо выставлены на витринах, выходящих на улицу, и на многочисленных стендах внутри: ходи, смотри, выбирай! Здесь все по-другому: нет не только витрин, но даже окон. У входа стоит здоровенный охранник с винтовкой. Заходя в крохотный «пропускник», ступаешь на металлическую платформу, замыкаешь какие-то контакты, и дверь во внутреннее помещение открывается. Внутри никаких стендов — голые стены и за перегородкой прилавков. Хозяин, сидящий (с ногами, конечно) на прилавке, в присутствии еще одного работника достает один за другим плоские чемоданчики с кольцами и камнями. Посмотрели один — он тщательно запирается, открывается другой. Оригинальная продукция, которую я видел только в Калькутте, — золотая филигрань. Крохотный, в доли грамма, кусочек золота растягивается в кольцо, состоящее из ажурного, красиво сплетенного орнамента. Выглядит такое кольцо большим и «пышным», а на деле в нем больше воздуха, чем металла. Красиво, но очень непрочно — кольцо мнется от малейшего нажима и носить его нужно предельно осторожно.

Когда началась обычная женская вакханалия примерки и заказывания, грозившая растянуться надолго, я вышел на улицу и предался любимому занятию: созерцанию обыденной жизни улицы. Мой наблюдательный пункт был под воротами старинного, когда-то, наверное, очень красивого особняка с остатками лепнины, где размещается сейчас редакция газеты «Басумати» («Бошумоти»), органа КПИ.

Около 6 часов вечера. Небо еще светлое, но на тротуары напоздали вечерние тени. Рабочий день кончился, наступил час пик. Толпы народа возвращались с работы — клерки, приказчики, работники фирм и банков, рабочие джутовых фабрик. Трамваи с трудом проталкивались сквозь толпы пешеходов, занявших всю улицу. Около меня на тротуаре раскинулся овощной рыночек — жалкие кучки крохотных, с редиску, помидоров, зеленых мелких манго, гороха, картошки. Мы, европейцы, и не знаем, что такие овощи есть в Индии, это третий сорт, для бедняков. Некоторые из

бегущих (именно бегущих, а не идущих) мимо останавливались, приценивались. Дама в красивом, тканном золотом сари открыла изящную сумочку, достала несколько пайс, взяла четыре крохотных помидора, спрятала в ту же сумочку. Здесь же взвешивали и клубни, напоминающие картошку. Один клубень откатился в сторону, и тут же его сцапал подкравшийся между ногами прохожих мальчишка и, не оглядываясь, побежал прочь, на ходу запикивая клубень в рот. Рядом с продавцами овощей, по-видимому крестьянами из пригородных деревень, их 2—3-летние дети, прямо так, сидят голым задиком на земле или в луже, ползают под ногами. Если поднять взгляд, увидишь черные, с потеками, днища балконов, выше — бледные лица за решетками окон. А наискосок от магазина — красный флаг над старым домом — штаб-квартира Коммунистической партии Индии.

7—8 мая. Завтра 30-летие Победы. Мы включились в подготовку давно и многое уже сделали. Готовятся к этой дате и наши бывшие союзники. На экраны хлынул поток фильмов о войне, старых и новых, — «Самый долгий день», «Генерал Паттон», «Битва за холм», «Пушки острова Наварон» и другие — о битвах в Африке, Сицилии, Нормандии. Сняты они все с размахом, технически безупречно, но очень уж облегченно, что ли. Вот «Битва за холм»: горстка американцев на какой-то горе, окруженная немцами, останавливает танковую атаку, скатив на наступающие бронированные чудовища горящие бочки с бензином. Бензин горит оранжевым пламенем, танки взрываются, эсэсовцы в черной форме хватаются за головы. Лихо и маловероятно.

Очень расстроил меня один знакомый из местного отделения ИСКО, частый наш гость. Вырезал из «Москоу Ньюс» викторину — хочет поехать в СССР. Попросил проверить ответы. Первый вопрос — фото, изображающее Парад Победы 24 июня 1945 года на Красной площади. Читаю его ответ: германские войска в Москве. Спрашиваю: кто победил в войне? Мнется: Америка? Спрашиваю: а разве немцы были в Москве? Показывает свастику на лежащем на брусчатке знамени — значит, были... Я чуть не заревел — вот тебе и пропаганда. А ведь этот из грамотных, из активистов ИСКО, друзей...

Так же «весело» было на просмотре югославского

фильма «Сутьеска» — о самом страшном эпизоде партизанской войны в Югославии, когда немцы, окружив в долине партизан во главе с Тито, чуть было не уничтожили их всех. Фильм снят интересно, хотя к концу от непрерывного уханья бомб, крови, жути становится просто нехорошо. Тито играет Ричард Бартон (своих не нашлось?), играет, правда, отлично. Есть немало «клюквы», вроде сцены, где Тито по телефону отдает распоряжение о роспуске Коминтерна. Рядом со мной сидел индеец, каждые пять минут спрашивавший меня: «А почему у вас не было оружия?», «А почему вас окружили?» и т. д. Мои попытки объяснить, что Югославия и СССР — разные страны, успеха не имели. Единственное, что ему удалось втолковать, это то, что русский и сербский языки — как хинди и бенгали.

9 мая. День был насыщен до предела. В 8 часов утра — митинг у памятника Ленину. На 5 вечера назначен огромный митинг в честь праздника Победы в одном из парков Калькутты, в 8 вечера — торжественный прием в Парк-отеле, организованный генконсульством. А в 10 утра я наконец вошел, хотя и не без трудностей, в «заколдованные» двери дома на Джорасанко, 6 — музея Рабиндраната Тагора.

9 мая — день рождения Р. Тагора. В этот день тысячи людей, молодых и старых, приходят сюда и старый дом подвергается ужасному испытанию, после которого оправляется целый год. В этот день длинная очередь ожидающих тянется через двор и уходит куда-то в перспективу Читпур-роуд. Многие часы люди стоят под палящим солнцем, терпеливо, без брани и неудовольствия, чтобы попасть в заветный дом.

А день сегодня был ужасный, самый жаркий за последние 50 лет: +43 градуса — температура для Калькутты с ее вечной водяной и паровой «подушкой» несвойственная. Наша маленькая делегация, включавшая гостя из Москвы — вице-президента ОСИД*, заместителя директора Института им. Склифосовского А. П. Кузьмичева, стояла во дворе недолго: минут через 40 нас пожалели и впустили внутрь, причем втиснулись мы с огромным трудом, потому что плотность толпы, которую мы преодолевали, сравнима была разве что с московским трамваем в часы пик.

* ОСИД — Общество советско-индийской дружбы.

Бегло осматривая бесчисленные фотографии, картины, рисунки, тесно развешанные на стенках комнат, террас, коридоров, мы медленно, шаг за шагом, продвигались к сердцу музея — крохотной, темной, совершенно пустой комнатке, где в августе 1941 года перестало биться сердце великого бенгальца. Удивительным образом этот день связывался в сознании с днем Победы. «Какие вести из России?» — еле слышно спросил врача Тагор. Не желая беспокоить умирающего, врач ответил: «Немецкое наступление остановлено». — «Я знал, что их остановят», — прошептал Тагор. Это были его последние слова. И мы никогда не забудем, что последние мысли его были с нами, на окровавленных полях войны.

...Сняв обувь, вступаем мы в траурную комнату, утопающую в цветах, и возлагаем на место, где умер Тагор, большой венок. Минута молчания. И снова мы пробиваемся сквозь толпу, по-прежнему заполняющую старый дом, и выходим под неистовое солнце. Уже 12 часов дня, но толпа не убывает, она, наоборот, растет. Из глубины двора, где раскинут пандал, доносятся музыка и пение — добровольцы исполняют песни Тагора и будут исполнять их весь день. Их хватит надолго, подсчитано, что Тагор написал около 2 тысяч песен (и музыку, и слова), и все они до сих пор поются в народе. А кроме них — романы, повести, рассказы, стихи, преподавательская и общественная деятельность. А еще — несколько сотен оригинальных картин и рисунков!

5 часов вечера. На большой площади в районе университета — массовый антифашистский митинг, организованный специальным юбилейным комитетом. Площадь поделена на секторы, все организовано четко и внушительно. Масса лозунгов, цветов, знамен — каждый профсоюз пришел со своим собственным знаменем. Делегация ГДР сидела с таким важным видом, как будто именно она была главной героиней событий. Всего присутствовало несколько тысяч человек.

8 часов вечера. Прием в Парк-отеле — около 300 гостей, включая наших бывших союзников — генконсулов США, Англии, Франции. Тосты, спичи, разливанное море русской водки, бутерброды с икрой. Здесь меня представили пожилому человеку с волевым лицом и умными, холодными глазами — генеральному секретарю КП(м) Джиоти Басу, которого буржуаз-

ная печать называет часто «хозяином Калькутты», памятуя, что в 60-е годы он возглавлял правительство Объединенного левого фронта*.

Невероятно душный, переполненный событиями, бесконечный день все никак не кончится...

11 мая. Митинг на джутовой фабрике в Баланагаре (местечко неподалеку от Калькутты, по сути дела, ее пригород). Хозяин фабрики г-н Лакхани много лет сотрудничает с Советским Союзом, мы — его основной заказчик. Может быть, поэтому он создает соответствующий «имидж» — прогрессивного капиталиста. Так или иначе, рабочие фабрики решили организовать митинг в честь дня Победы и попросили показать слайды по Советскому Союзу. Так я оказался в Баланагаре.

Мы приехали задолго до митинга и были представлены г-ну Лакхани и его супруге, очень приятным, европейского образа жизни людям. Долго сидели в их роскошной вилле, пили холодное японское пиво и беседовали ни о чем. Потом я попросил хозяина показать нам фабрику, и он сам решил провести нас по цехам, где еще шла работа.

Мы много слышим и говорим о джуте, но что это — не знаем. Как он выглядит, где растет? Оказалось, что джут — растение наподобие бамбука, а внутри его полого стебля-трубки волокно светло-серого цвета, это и есть сырой джут. Его на фабрике чистят, мочат, сушат, треплют и т. д. Фабрика — средних размеров (около 8 тысяч рабочих), но цеха здесь огромные, куда-то в перспективу уходят ряды станков — прядильных, ткацких, превращающих джут в мешковину. В цехе душно, жарко, воздух густо насыщен волокнистой пылью, забивающей глаза и легкие. А ведь хозяин — не просто милый и образованный человек, он считается одним из прогрессивных предпринимателей: организовал для рабочих школу, дает им туристские путевки в СССР. Профсоюзы живут с ним душа в душу, рабочие уважают, забастовок здесь не бывает. Вот уж поистине живая иллюстрация к политэкономии: бывают хорошие капиталисты, но капитализм шутить не любит. Будешь слишком заботиться о рабочих — прогоришь.

* С 1977 года и по настоящее время Джоти Басу — бессменный главный министр штата Западная Бенгалия (примечание 1991 года).

Митинг прошел хорошо, было человек 300, говорили речи, пели, расспрашивали о СССР.

13 мая. Юный художник из Барасата Джудхаджит Сенгупта сдержал слово и приехал, чтобы отвезти нас в гости. Мы тоже сдержали слово — его картину «Мир победит» не только передали в ОСИД, но и воспроизвели на обложке нашего журнала в цвете. Это первая публикация его работы, и он счастлив. Он попросил захватить с собой проектор и слайды: показать их в деревенской школе. Таня и Маша поехали со мной. Около 6 вечера мы были на месте, в деревне Мирхати, расположенной в десятке километров от Барасата. Впервые мы видели вблизи бенгальскую деревню. И хотя мало что можно увидеть и понять за 2—3 часа, все равно было интересно, ведь Индия, никуда от этого не денешься, страна деревень, а города вроде Калькутты или Бомбея — это, скорее, аномалия.

Джудхаджит тащил нас в дом, к отцу, но мы умолили его погулять с нами по деревне. И вот мы ходим по ее улочкам, сопровождаемые двумя-тремя любопытными ребятишками.

Я много читал об индийской деревне, о невзгодах несчастных земледельцев, видел фильмы — реалистические (например, «Два бигха земли») и коммерческие, где сытые, веселые пейзажи пели и плясали, но лучше увидеть собственными глазами, пусть мимоходом.

Не знаю, насколько типична Мирхати для Бенгалии, но выглядела она довольно опрятно. Домики не теснились друг к другу, а стояли на расстоянии, в живописном беспорядке — где на горке, где под горкой, разделенные банановыми и бамбуковыми рощицами. Я увидел наконец вблизи бенгальский деревенский дом — прообраз храма и понял, что простодушные бенгальцы строили своим богиням не что иное, как красивые и уютные дома для жилья. Вот он передо мной: одноэтажный, глинобитный, на характерно выгнутом бамбуковом каркасе — крыша из рисовой соломы. Края крыши сильно выдаются вперед (козырек над входом) и назад — там их поддерживают два столбика и получается открытая терраса — место для кухни. Домики здесь не белят, как, скажем, на Украине; глина, смешанная с соломенной сечкой, высыхая, приобретает очень красивый кофейный цвет. По этому фону крестьянки разведенным мелом рисуют узоры —

о них можно написать целую диссертацию: это богатейший набор народных орнаментов и символов, каждому из которых, может быть, несколько тысяч лет!

Мы попросили разрешения зайти в один из домов. Окон здесь нет, только дверной проем, завешенный циновкой. Внутри — полумрак. Глинобитный, чисто выметенный пол. На полу — циновка, какое-то тряпье. В углу — небольшой сундучок. У порога — горка немытой посуды. Все. Да, еще у входа — неизбежный чарпай, что-то среднее между кроватью и гамаком; каркас на ножках, затянутый плотной плетеной сеткой; на нем сидят, лежат, спят в любое время дня и ночи в любом уголке Индии, городском или сельском.

Дошли мы и до центра деревни — небольшого уютного пространства, окруженного несколькими лавчонками, и, уступая Джудхаджиту, направились в дом сго отца, хочется сказать, в господский дом. Он стоит как бы на окраине, вдалеке от крестьянских домов, каменный, двухэтажный, с портиком и колоннами, построенный явно в начале века. Дом, безусловно, знал лучшие времена, а сейчас изрядно обветшал, стены потрескались и почернели, осыпалась штукатурка под напором непогоды и времени. Внутри из множества залов, комнат и комнатушек обитаемых было лишь две-три. Вообще, дом очень напоминал ветшающие помещичьи усадьбы пореформенной России, описанные Щедриным и Буниным.

Нас провели в довольно большой круглый зал, где представили седовласому джентльмену с пледом на плечах — г-ну Сенгупте-старшему. На стенах висели старые фотографии, рисунки, а также картины — работы самого хозяина. Он — профессиональный художник довоенного еще поколения, окончил художественный колледж при англичанах, а сын пошел по его стопам. Картины у него неплохие, в духе старого, начала века, европейского реализма — портреты, пейзажи, жанровые сценки, вполне профессиональные, но скучноватые. Впрочем, в последних по времени, совсем недавних работах он слегка дрогнул и начинает «разлагать форму». Но самое лучшее, что у него есть, это настенные (не повешенные на стену, а часть ее, горельеф), ярко раскрашенные, в народном духе фигуры Рамы и Ситы, девушки с кувшином, колесницы Сурьи и т. д.

Уже стемнело, и после традиционного чая мы со-

«бирались откланяться, как вдруг хлынул дождь, настоящий бенгальский ливень — сплошной гудящей стеной воды, с громом, с синими молниями. Джудхаджит предложил переждать — когда соберутся все в школе, нам дадут знать. А старик, улыбнувшись, прочел нам на бенгали стихи Тагора. Джудхаджит с грехом пополам пересказал их на английском. К своему удивлению, вернувшись домой, я сравнительно легко обнаружил их в томике Тагора, в хорошем переводе А. Эфрон; по-видимому, эти стихи очень популярны:

Дождь идет стеной сплошною...
Горе бедному скитальцу, горе страннику с сумою!
Завывает, стонет ветер...
Кто в такую непогоду на призыв его ответил,
С ночью встретился слепую?

И мы остались. Снова пили чай, старик рассказывал удивительные вещи о 20—30-х годах, о деяниях Ганди, о поездке в Англию, о бенгальской деревне — тогда и теперь. А ливень все так же ровно и мощно шумел за окнами. Потом внизу послышались голоса — пришел секретарь барасатского ИСКО: люди собрались, ждут. И мы поехали сквозь стену дождя, во тьму.

В Мирхати уже давно проведено электричество, но его отключили по всей округе, и тьма стояла первобытная. Мы подъехали к какой-то темной хате, и, спотыкаясь и скользя по лужам, поднялись на террасу. В темноте ощущалось присутствие многих людей (потом я узнал — около двухсот). Если бы не дождь, то все проходило бы на открытом воздухе, но он лишь усиливался, шлепал по ветвям пальм. На террасе в полной тьме начался импровизированный концерт — пели песни Тагора, а я с группой добровольных помощников налаживал в пустом классе аппаратуру — проводку вывели через окно и подсоединили прямо к проводам, как уже не раз делалось во время моих скитаний по местам, далеким от городских удобств. Наконец дали свет, и вся братия плотно утрамбовалась в классе, кто не попал — смотрели с террасы, благо, дверей не было.

Мне хотелось просто показать этим ребятишкам из бенгальской деревни свою страну, но так, чтобы было понятно и интересно. И я привез с собой немного экзотики — виды Москвы и Ленинграда, Суздаль, Армению, а больше напирал на совсем понятное: наши

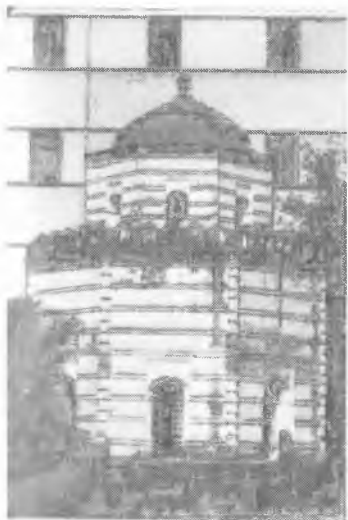

Калькутта: старая и новая

Виктория-мемориал:
архитектурный символ столицы Британской Индии
в прошлом, ныне — один из крупнейших музеев страны

Чоуринги — главная магистраль города

«Дом писцов»:
когда-то штаб-квартира Ост-Индской компании,
ныне — Законодательная Ассамблея Западной Бенгалии

Гробница Джоба Чарнока, основателя Калькутты

Собор св. Павла

Читпур-роуд,
«самая калькутская» улица Калькутты

Джайнский храм

Богиня Дурга, поражающая демона.
Одна из тысяч статуй, воздвигнутых на улицах Калькутты
во время праздника Дурга-пуджи

Бездомные на Ачарья Прафулла Чандра Роуд

Продавцы манго

Рикша — дитя большого города

В каменных джунглях Калькутты
В школе имени Ленина

Час пик
Богиня Кали. Современная глиняная игрушка

звери, птицы, цветы, лес, русская зима, а еще — народные игрушки, черти из Каунасского музея чертей... Через час погас свет, и мы перешли на вопросы-ответы. Удивительно много было вопросов — и наивных, и серьезных: сколько стоит учеба в СССР, что едят советские дети, верят ли они в бога, как поступают в вуз, как учатся мальчики и девочки — вместе или раздельно, имеют ли карманные деньги и, конечно же, как поехать учиться в Советский Союз? Я вспомнил беседу в калькуттской школе имени Ленина, грязный сарай, угрюмое, безразличное молчание детей — маленьких париев, отбросов огромного города, знающих, что они никогда не выйдут из своих трущоб. А здесь дети были другие — более живые, естественные, жизнерадостные, любознательные. Конечно, живется им, наверное, нелегко, но все-таки родная деревня — мать, а не мачеха. И жизнь в деревне сегодня уже не та, что даже десять-двадцать лет назад, об этом говорили и электричество, и школа для крестьянских детей.

А потом нас пригласил к себе директор школы Рамен Бхаттачария, и я был совершенно им очарован — это был тот самый сельский интеллигент, на которых держатся культура и духовное здоровье любой страны, родной брат русских земских учителей, воспетых Чеховым, Горьким, Скитальцем, тех, кого Горький называл «ломовыми лошадьми прогресса». Это — высокий, худой человек в национальной бенгальской одежде, с залысиной, открывающей огромный лоб, в жестяных очках, не скрывавших добрейший и мудрый взгляд. Ребяшня, кишевшая вокруг, чувствует, его обожает, но и хлопот ему доставляет немало. Видно было, что в этой ребятне — вся его жизнь. Жаль, что так немного удалось с ним поговорить — он рассказывал о переменах в деревне, о детях. Свет опять погас, на этот раз бесповоротно, и уже во тьме мы вручили директору наш скромный подарок — две увесистые пачки книг на английском и бенгали (художественную литературу и познавательные книги по всемирной истории, археологии, физике, химии, ботанике и т. д.). А нам, как мы ни отнекивались, погрузили в машину бесхитростные дары бенгальской деревни — корзину с личо, странным фруктом, внешне похожим на клубнику, но в твердой скорлупе, под которой кроется желеобразная масса с нежным запахом, кокосовые орехи и еще — какие-то рогульки типа наших чи-

лимов (водяных орехов), состоящих на 90 процентов из воды. А Маше поднесли глиняный горшок с местной сладостью — творожными трубочками в густом, темно-красном, душистом сиропе. И хотя впереди была долгая дорога, ехать было хорошо. Да и дождь наконец прошел.

24 мая. Очередной поход в Индийский музей, самый большой, самый старый и знаменитый в Индии.

Он находится на Чоуринги неподалеку от перекрестка с Парк-стрит: большое здание в характерном для Калькутты эклектическом стиле, который здесь почему-то называют псевдоренессансным: арки над трехпролетным входом, колонны на срединном этаже (их всего три), огромные окна, наглухо закрытые зелеными жалюзи. Строил его в 70-х годах прошлого века У. Гранвилль (он же строил здания Главпочтамта и Верховного суда). Великолепен музей и внутри — колонны, внутренние дворики, просторные залы, хорошо приспособленные для экспозиций, продуманное освещение.

Вход в музей предельно облегчен для населения — билеты найдешевейшие, по 25 пайс (четверть рупии), для школьников и студентов — вход бесплатный, по субботам — бесплатный для всех, что дает возможность приходить сюда и беднякам. Я много раз видел в залах группы людей в крестьянской одежде, робко жавшихся по стенам. Но к ним быстро подходили экскурсоводы, молодые приветливые ребята и девушки, умеющие очень просто рассказать о сокровищах, хранящихся в музее.

Перечислить даже самое интересное просто невозможно, да и не нужно. Всего здесь так много, что быстро теряешь ориентацию и уже без особых эмоций просто плывешь по течению сквозь анфилады залов мимо экспонатов, каждый из которых в отдельности может составить славу любому музею. Больше всего это ощущение можно представить, вспомнив первое посещение ленинградского Эрмитажа.

Сразу же направо от главного входа вас встречает необыкновенный «экспонат», занимающий целый зал. Это перенесенные сюда целиком из местечка Бхархут каменные ворота (торана) и каменная ограда буддийской ступы.

Ступа — сооружение полусферической формы без внутреннего помещения, где замурованы буддийские

реликвии: «останки Будды», частицы его вещей и т. д. По преданию, во время царствования Ашоки Великого в Индии было построено около восьми тысяч ступ. Обычно гигантская полусфера окружалась каменной оградой с четырьмя воротами, ориентированными по странам света, через которые проходили религиозные процессии. Ступа в Бхархуте (начало II века до н. э.) заложена была еще при Ашоке, но достраивалась позднее. Одни из ворот и часть ограды перенесены сюда, в музей.

Ворота — два каменных столба с тремя горизонтальными перекладинами, сплошь покрытыми рельефной резьбой, так же как и столбы ограды. Это целая энциклопедия буддийской мифологии, рассказывающая о жизни и деяниях Будды как в виде принца Гаутамы, так и во всевозможных других рождениях. Главные эпизоды заключены в крупные медальоны: рождение Будды — его мать Майя лежит на ложе, окруженная служанками, а в левый бок ее входит снеба белый слон (символ непорочного зачатия); принц Гаутама на коне покидает родной дом; проповедь перед народом и т. д. Самое замечательное — все эти сценки помогают представить быт людей далеких времен. Великолепно переданы лес, река, деревенские дома; можно разглядеть одежду людей и даже женские украшения, совсем такие же, как сегодня.

Столбы ограды украшают фигуры духов земли — якшей и якшинь, карликов, чудищ, змей. Особенно хороши девушки-якшини. Идеал здоровой деревенской красоты, они поражают современного человека своими могучими статями. Некоторые обнимают одной рукой ствол дерева, а другой пригибают ветку, при этом касаясь ствола еще и ногой. У древних любя мелочь имела значение. Оказывается, эта поза несет ритуальный смысл, ибо, якшиня, воплощающая материальную энергию земли, своим прикосновением пробуждает силы природы и заставляет дерево цвести.

У нас в московском Музее изобразительных искусств смотрятся как чудо три каменных изваяния XV—XVI веков, подаренные Индирой Ганди. А здесь таких чудес — сотни. Сначала все они кажутся похожими, чуть ли не на одно лицо, не говоря уже о позах. Потом начинаешь узнавать самые знаменитые, известные по книгам и альбомам: головы Будды гандхарс-

кой школы (I—V века); барельефы из Амаравати II века, посвященные жизни Будды; огромную статую бодхисаттвы (земного воплощения Будды) II века из Матхуры; фигуры индуистских божеств — Вишну, Шивы, Ганеши. Затем входишь во вкус, начинаешь сравнивать и поражаешься богатству фантазии, удивительному мастерству безмянных мастеров. И видишь, например, что ранние статуи достаточно просты, монолитны по форме и скромны по украшениям, что позы их спокойны и величавы. А статуи XV—XVI веков невероятно сложны по композиции, дробны и беспокойны по форме, а центральная фигура окружена целым клубком мелких фигур — божков, танцовщиц, карликов.

Все это богатство можно фотографировать. Купи в кассе за три рупии талон-разрешение, приколи его к рукаву и снимай сколько хочешь, пока не кончится пленка.

Однажды, бродя по залам, я заметил узенький коридор, который, оказалось, вел в секцию искусства. Здесь выставлена большая коллекция тибетских икон на шелку — ярких, красивых, страшных, с многорукими, многоголовыми богами и докшитами — устрашающими духами. Кроме икон (танка) много свитков на астрологические и анатомические темы. Рядом — коллекция миниатюр различных школ: пахари (горной), раджастханской, деканской, сикхской, иранской и, конечно, могольской. Некоторые мусульманские мастера подписывали свои работы: Акба Риза из Хорасана, Устад Мансур, Нанха, Гулям. Представлено и прикладное искусство — бронза из Непала, Тибета и Южной Индии, ткани из Пенджаба, Кашмира, Раджастхана, Персии. Особый уголок — златотканые сари из Бенареса и обувь. Но особенно меня поразил фасад старинного деревянного храма, перевезенный целиком из Непала и представляющий собой удивительной красоты и мастерства резное панно, состоящее из десятков фигур богов и героев, соединенных причудливым орнаментом. Надо сказать, что Индийский музей, в отличие от многих музеев страны, имеет разделы, связанные с другими странами. Здесь выставлены экспонаты из Непала, Тибета, Камбоджи, Индонезии, есть даже египетская мумия, подарок Британского музея.

Да, чуть не забыл: музей обладает великолепной коллекцией монет — золотых, серебряных, медных и

из сплавов, всего около 40 тысяч единиц, охватывающих период в 2500 лет. Самая старая монета — VI века до н. э. Есть монеты Бактрии, Парфии, Кушанов, исламских государств. Тут же коллекция камней и печатей из драгоценных и полудрагоценных камней — не только индийских, но и римских, греческих, персидских.

Индийский музей (справка для любителей)

Покоренный богатейшими коллекциями скульптуры, изобразительного и прикладного искусства, я почти не обращал внимания на другие отделы музея, а ведь его удивительно полно подобранные и научно обработанные коллекции выходят далеко за рамки только культуры. Поэтому привожу некоторые сведения по истории музея и о других его отделах.

Индийский императорский музей, один из первых на Востоке, был основан в 1814 году по инициативе членов Азиатского общества Бенгалии. Резолюция гласила о необходимости основания музея «для сбора экспонатов, могущих иллюстрировать восточные обычаи и историю и показать искусство Природы на Востоке». Первым отделом был археологический, который сформировали пожертвования членов Азиатского общества из своих личных коллекций: статуи, статуэтки, монеты и т. д. Вторым стал промышленно-экономический отдел (технические культуры и минералы). В 1814 году за коллекцией надзирал единственный суперинтендант. В 1866 году она возросла до таких размеров, что был создан Совет попечителей, состоящий из представителей университета, Торговой палаты и Британско-индийской ассоциации. В 1875 году было завершено строительство нового здания, но перевозка сильно разросшихся коллекций заняла почти три года, и лишь в 1878 году музей был открыт для широкой публики.

Итак, кроме описанных выше отделов скульптуры и искусства в музее работают также:

Отдел археологии — охватывает периоды палеолита, мезолита и неолита; эпоху Хараппы и Мохенджо-Даро и других городов долины Инда (III—II тысячелетия до н. э.), которая представлена терракотовыми фигурками, медными браслетами, керамикой,

стеатитовыми печатями с надписями и изображениями зверей. Ни одна статья или монография об индийской культуре не обойдется без воспроизведения хранящихся здесь терракотовых изображений Богини-Матери, слона, быка, буйвола, собаки, носорога.

Отдел антропологии посвящен этническим меньшинствам, живущим на уровне каменного века. Мир о них почти ничего не знает. Правительство Индии взяло их под свое покровительство и, во избежание смертоносных инфекций из большого мира и всяческой прочей порчи, иностранцам, да и индийцам тоже, запретило с ними всяческие контакты; лишь несколько ученых могут изредка навещать этих людей, живущих в труднодоступных местах. Это негроидное племя онге (Малые Андаманские острова), чениу (тоже негроиды, из окрестностей Хайдарабада), каникары и урали (Керала), никобары (Никобарские острова), аборы (северо-восточная граница Ассама), наги (Нагаленд), кхаси (Ассам). В витринах выставлена богатая коллекция утвари, одежды, оружия: боевые доспехи, копья, шлемы, барабаны, посуда из кокосовой скорлупы. Большие диорамы с научной точностью воспроизводят человеческие типы, быт, среду обитания этих крохотных общин, чудом уцелевших в нашем сумасшедшем мире.

Отдел геологии: здесь около 3 миллионов образцов минералов и скальных пород, из которых выставлено 80 тысяч. Тут же — коллекция осколков метеоритов (581 экземпляр), крупнейшая в Азии, и коллекция отпечатков ископаемых.

Отдел зоологии дает картину животного мира Индии. Он схож с соответствующими отделами Зоомузея МГУ, что на улице Герцена в Москве.

Промышленный отдел включает коллекцию растений, представляющих технический, медицинский, сельскохозяйственный интерес.

9 июня. После 9 мая двери тагоровского дома наконец «распечатались», и мы смогли побывать там и не спеша осмотреть его сокровища.

И музей, и университет были открыты в мае 1961 года, в честь 100-летия со дня рождения Рабиндраната Тагора, по инициативе правительства штата. Р. Тагор здесь родился и провел первые 40 лет жизни, да и впоследствии, приезжая в Калькутту, посто-

янно останавливался в своем родовом гнезде. Конечно, именно ему посвящена подавляющая часть экспонатов музея — книги, фотографии, рукописи, картины, вещи, но здесь хранится и немало материалов, рассказывающих о предыстории великого бенгальца. Огромное явление, называемое Рабиндранатом Тагором, не могло появиться на пустом месте: почву для него подготовила почти трехвековая история семьи (хочется сказать, клана) Тагоров, сыгравшей важную роль в истории, политике, религии, культуре не только Бенгалии, но и всей Индии нового времени.

Корни этой богатой брахманской семьи уходят в глубь веков. Считается, что именно у одного из семьи Тагоров купили англичане землю, на которой Роберт Клайв построил форт Уильям. Именно представители семейства Тагоров заключили первый деловой контракт с англичанами. Дед Рабиндраната Дварканатх (1794—1846) был крупным чиновником в департаменте соли и опиума Ост-Индской компании, а потом по совету лорда У. Бентинка вложил средства в дело и стал директором Калькуттской буксирной ассоциации. Она была необыкновенно прибыльна, и, по-видимому, директор ее хорошо овладел методами обогащения; недаром острые на язык бенгальцы переделали в названии компании слово tug (буксир) на thug (душител ь Кали).

Но он не был простым хищником-накопителем, удивительна разносторонность натуры этого человека. Он основал ряд бенгальских газет — «Бенгал Геральд», «Индия Газетт», перекупил у англичан газету «Джон Буль», которая позже была переименована в «Инглишмен» и стала рупором официальных кругов. Он был директором «Юнион Бэнк», владельцем фабрик индиго, основателем Ассоциации помещиков... Но и это еще не все — он был другом и сотрудником великого просветителя и реформатора религии Раммохана Роя и одним из основателей и руководителей религиозно-реформаторского общества «Брахмо Самадж», ставившего целью преобразовать индуизм в духе нового времени... Князь А. Салтыков вспоминал о нем в своих «Письмах об Индии» (от 15 октября 1841 года): «Сегодня утром я познакомился с превосходно образованным индийцем: он занимается торговлей и один из первых здешних богачей. Со временем он собирается вместе с одним англичанином объехать Ев-

ропу и начать с Неаполя, чтобы постепенно привыкнуть к европейскому климату. Этот индеец называется Дварканат Тагор».

Были в клане Тагоров преуспевающие дельцы, вроде Сурендранатха; религиозные реформаторы и политические деятели (Дебендранатх, отец Рабиндраната и еще шесть сыновей); адвокаты (Прассанакумар, один из основателей Калькуттского университета); ученые (Движендранатх, математик, философ, писатель, поэт, флейтист, изобретатель бенгальской стенографии); художественные критики (Балендранатх), художники (Обониндранатх и Гяганендранатх, племянники Рабиндраната) и многие другие. И всю эту галерею достойно венчает Рабиндранат Тагор.

Писать о нем не буду — для этого не хватит ни бумаги, ни времени, ни моих скромных познаний. Да это и не нужно — о Тагоре написаны сотни книг. А меня интересуют две близкие мне темы. Во-первых, племянники Тагора — художники, ставшие основоположниками могучего культурного движения, называемого Бенгальским Возрождением. И, во-вторых, сам Р. Тагор как художник.

О Бенгальском Возрождении * (для любителей искусства)

Это художественное движение конца XIX — начала XX века за возрождение национальной индийской культуры началось в Калькутте, но постепенно охватило всю страну. В истории оно осталось под названием Бенгальского Возрождения.

К концу XIX века великая индийская культура, насчитывавшая тысячелетия развития, пришла в упадок. Колониальной администрации она была не нужна: ее целью была европеизация страны, создание интеллигенции, работающей на Англию. Для достижения своих целей в искусстве англичане открыли в стране ряд художественных школ — в Мадрасе (1850), Калькутте (1853), Бомбее и Лахоре (1857). Но культивировалась там английская академическая школа живописи, глубоко провинциальная, выродившаяся, и представляли ее художники самого низкого пошиба. Все банальное, низкопробное, вызывавшее насмешки

* В этом разделе автор использовал материалы из книги И. Шептуновой «Живопись Бенгальского Возрождения» (М., 1978).

даже в непритязательных салонах буржуазной Европы, преподносилось индийцам как последние достижения современной живописи. Индийская традиция игнорировалась полностью, как нечто варварское, недостойное внимания.

Хуже всего было то, что эта политика начинала приносить плоды: главной мечтой художественной молодежи Калькутты было стать официальными портретистами, рисовать имперских чиновников и получать королевские премии на ежегодных выставках в Симле. Рабиндранат Тагор писал с горечью: «Чувство пренебрежения и превосходства неизменно унижало нас и нанесло серьезный ущерб нашей культуре. Оно породило в сердцах нашей молодежи недоверие ко всему, что являлось наследием прошлого. Старинные индийские картины и другие творения искусства высмеивались нашими студентами, подражавшими европейским учителям в этот обывательский век... Сlišком долго воспитывали их на третьесортных копиях французских картин, кричаще-пестрых олеографиях самого низкого пошиба, на картинах, отмеченных печатью машинного стандарта, и они еще считают признаком высшей культуры презрение к творениям восточного искусства».

В этих условиях возрождение былой славы национальной культуры становилось частью общенациональной освободительной борьбы.

Важную роль в возникновении и развитии нового культурного движения сыграло семейство Тагоров, прежде всего племянник Рабиндраната Обониндранатх. Вместе со своим братом Гяганендранатхом он рано увлекся рисованием. Первыми его работами были иллюстрации к древним сказаниям и к стихам Рабиндраната. В 1896—1897 годы Обониндранатх Тагор сближается с англичанином Э. Б. Хейвеллом, директором Калькуттской школы искусств.

Это был необыкновенный человек. Искусствовед, страстный коллекционер, обладатель прекрасного собрания восточных миниатюр и древней пластики, автор многочисленных статей в защиту индийской культуры, влюбленный в Индию, Хейвелл мечтал о возвращении индийскому народу его древней культуры. В семье Тагоров он нашел союзников. Встречу его с Обониндранатхом можно назвать началом Бенгальского Возрождения.

Программа, разработанная ими для Калькуттской школы искусств, в качестве первого шага предусматривала отказ от античной и академической тематики, чуждой и непонятной индийскому художнику и зрителю, и обращение к знакомым образам народной мифологии, сюжетам из религии индуизма, национальной истории. Менять нужно было не только тематику, но и технику, создавать новую живописную школу, «оживить», — как писал Хейвелл, — и воскресить индийские художественные традиции и на базе этих традиций возродить свежий народный язык, дополнив его здоровым западным, японским и китайским влиянием».

Сперва был упразднен «античный класс» в Калькуттской школе искусств. Затем в художественной галерее были сняты и проданы с аукциона все образцы англо-индийского стиля. На вырученные деньги Хейвелл купил традиционную индийскую скульптуру и заменил ею в классах академические гипсы.

Первые же шаги Хейвелла были встречены в штыки не столько колониальными властями, сколько самими индийцами. Его обвиняли в стремлении отнять у индийцев возможность приобщения к современной европейской культуре, отбросить индийскую культуру в средневековую дикость. Студенты — будущие художники, воспитанные в европейских традициях, — отказывались ходить на занятия, глумились над Хейвеллом. Лишь семейство Тагоров, в особенности Обониндранатх, всячески ободряло и поддерживало его. В 1903 году Обониндранатх выставил свои работы в стиле старых миниатюр — плод почти десятилетнего труда. На фоне казенной живописи они привлекли внимание, и им неожиданно была присуждена серебряная медаль выставки. Это был первый успех движения.

Постепенно идеи Хейвелла и Обониндранатха Тагора начали проникать в среду интеллигенции, вокруг них стали сплачиваться молодые художники: Нондолал Бошу, Шурендранатх Гангули, М. Ч. Де, К. Мажумдар, К. Венкатаппа, Шарода и Барода Укил, Девипрасад Рой Чоудхури, Промод Кумар Чаттерджи и другие. Окончив школу О. Тагора, они разъехались по всей Индии и возглавили в разных городах школы национального мастерства.

Новая система обучения была направлена на изу-

чение, копирование, интерпретацию индийских сюжетов и приемов классического искусства древности и школ миниатюры средневековья. Изучались канонические трактаты по искусству. Ведущей по-прежнему оставалась Калькуттская школа искусств, вице-директором которой с 1902 по 1915 год был О. Тагор. В 1908 году на смену Хейвеллу пришел Перси Браун, такой же знаток и поклонник индийской культуры. Наглядным пособием для студентов служили коллекции, собранные Тагорами и Хейвеллом.

Калькуттская школа искусств была не единственным центром Бенгальского Возрождения. В калькуттском доме Тагоров — Джорасанко постоянно собирались художники и ценители искусства. Не в последнюю очередь их привлекала коллекция Тагоров — настоящая сокровищница, часть которой можно видеть в музее и сегодня: это миниатюры иранской, раджпутской и могольской школ, китайские и японские гравюры, буддийские рукописи на пальмовых листьях, бенгальские лубки, терракота, народные игрушки, ткани из всех областей страны. В наши дни к ним присоединились на равных правах работы мастеров Бенгальского Возрождения.

Сегодня эти картины признаны национальным достоянием, их запрещено вывозить из страны, они окружены почетом и преклонением. Хранятся они в крупнейших музеях страны — в Галерее современного искусства в Дели, в Калькутте — в Галерее современного искусства Академии художеств, в музее Бирлы, в музее-квартире Тагора, в частных собраниях.

Надо сказать, что с первого, поверхностного взгляда они не вызывают у нас, европейцев, особенных чувств, хотя очень изящны, красивы, гармоничны: содержание их нам часто непонятно, названия ничего не говорят — «Абхисарика», «Качха и Деваяни», «Партхасаратхи», «Шримоти и Малоти». Нужно хорошо знать индийскую философию, мифологию, литературу, особенно творчество Р. Тагора, чтобы прочувствовать их. Их изощренная техника кажется нам, капризным детям XX века, старомодной, содержание — темным и неинтересным. Увы, такова судьба многих первопроходцев: уместив своими телами путь будущим поколениям, они остаются чтимыми, но уже ненужными, сделавшими свое дело. И только историки знают, какие бури бушевали в душах этих людей,

сколько им требовалось усилий, чтобы разбудить современников, вдохнуть в их души искру божественного пламени...

О Тагоре-художнике

В доме-музее Тагора хранится неплохая подборка работ Обониндранатха и Гяганендранатха Тагоров и Нондолала Бошу. Они, конечно, уступают полотнам, которыми гордятся художественные музеи Калькутты и Дели, но дают достаточно полное представление о художниках. Обониндранатх — это возрождение средневековой миниатюры, но не подражание ей, а творческая переработка и использование ее приемов на новом, современном уровне. Все его вещи выполнены в изысканно блеклых, благородно приглушенных тонах, удивительно изящны и гармоничны. Гяганендранатх — это первые опыты кубизма в Индии, первые попытки разложения формы и цвета. Нондолал Бошу — это народный лубок, возведенный в монументальный жанр, буйство форм и красок.

Но главным сокровищем считаются здесь работы Рабиндраната Тагора — их 43. А всего, по самым скромным подсчетам, он создал почти 3 тысячи рисунков, набросков и картин. Они удивительны и странны, их трудно отнести к какому-либо художественному течению Востока или Запада, они сами по себе, это «рисунки Тагора».

Р. Тагор начал рисовать в 67 лет, примерно в 1928 году, и очень усердно занимался новым для него искусством около 12 лет, не думая о том, представляют ли его рисунки какой-то художественный интерес. Он рисовал просто потому, что ему этого хотелось, надо было какие-то чувства выразить именно таким способом. Но, выставленные в Париже, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, а также у нас, в Москве (в 1930 году, во время визита Тагора в СССР), рисунки эти вызвали огромный интерес.

Началось все с тех бессознательных узоров, которыми многие люди заполняют черновики рукописей. Зачеркивая фразы, слова, Тагор обводил их рамками, соединял зачеркнутое, добавлял всякие завитушки и росчерки, придавая получавшемуся узору сходство то с домом, то с решеткой, то с птицей. Постепенно он почувствовал потребность как-то органи-

зовать, завершить эти формы. Он писал: «Когда случайные штрихи, как царапины на рукописи, взывают, подобно грешникам, о спасении, поражая взор уродством своей никчемности, я иногда трачу больше времени на их освобождение в спасительной завершенности ритма, чем на работу, которой я занят». Позже он говорил, что его живописные работы — это стихотворения в линиях.

Строго говоря, рисунки и картины Тагора непрофессиональны — у него нет элементарной технической выучки, отсутствует перспектива. Это какой-то особый вид мышления в линиях и красках, присущий только ему.

Рисовал Тагор всем, что попадется под руку: не только акварелью или темперой, но и чернилами, и соком цветочных лепестков при помощи тряпочки, пальца, лопатки. «Картины», которых он мог создать четыре-пять в день, очень несложны — это отдельные фигуры или группы фигур людей, животных, птиц, чудовищ, а также несложные пейзажи или лица людей. Хорошо сказал знаток индийского искусства профессор С. И. Тюляев: «Это... утонченно детское искусство, творчество искушенного в жизни старца, но рисующего по-детски эмоционально и заинтересованно».

Надо признать, что рисунки Р. Тагора, в отличие от сладостных, изящных работ его племянников, нельзя назвать красивыми. У меня лично (да и не только у меня) они вызывают неприятное чувство тягостной тревоги. Особенно его чудовища, как будто пришедшие из кошмарных снов. Они неуклюжи, угловаты, горбаты, полны какой-то конвульсивной боли. Есть непонятные змеи с человеческими лицами, карлики-уродцы, взъерошенные птицы, полуверблюды-полубыки. Но среди них нет агрессивных, злых персонажей, все они печальны и мучительно несчастны. Это как бы эманация душевных страданий поэта в тяжкие для Индии годы. Очень много женских портретов — печальных, с огромными глазами; искусствоведы видят в них отголоски характерного для Бенгалии поклонения Шакти. Есть и мужские портреты, в том числе автопортреты, — серьезные, грустные, никогда не улыбающиеся. Иногда на портретах и картинах приписаны стихи. На рисунке, изображающем птицу на спине быка: «Ты беспечно несешь свой триумф, крылатое изящество, на тяжеловесной бессмысленности высокомерной ту-

ши». А на изображении пожилой женщины со скорбным ликом, закутанной в черное: «Боль утихла, но воспоминание о ней остается. Так тихий закат приходит на смену дню, прошумевшему дождем»...

20 июня. Вести из Гуджарата — впервые оппозиция выступила совместно («Джаната-парти») и победила Конгресс. Сегодня в Калькутте всеобщая забастовка — бандх, — организованная противниками ИНК. Транспорт не работает — половина сотрудников не пришла в офис. Все магазины и лавки закрыты. Впрочем, к 4 часам город зажил нормальной жизнью, размах оказался меньше, чем рассчитывали организаторы бандха.

21 июня. В генконсульстве и торгпредстве начали работать много новеньких и попросили экскурсию по городу. Записалось 33 человека — три «рафика». Маршрут был немудреный: Майдан — Эспланада — Иденгарденс — Белур-матх. Недалеко от последнего обнаружили очень интересное сооружение: посреди ухоженного пруда, где плавают большие рыбины, стоит «дом-корабль», точно воспроизводящий формы корабля — палубы, мачты, шлюпки, спасательные круги, штурвал. Вход свободный. Пока участники экскурсии бегали по палубе, обмениваясь впечатлениями, к нам уже спешил официант с кока-колой и закусками. По-видимому, это что-то вроде «пикник-спот», — места для пикников, где можно за умеренную плату отдохнуть и повеселиться.

А в Белур-матхе случилось ЧП: у одного из новеньких, солидного, лысого товарища, «увели» новые туфли, которые он благоговейно оставил у входа в храм. Здесь, конечно, моя вина — я не предупредил, что новую обувь надо сдавать на хранение специальным людям, дежурящим при храме. Так он и проходил всю экскурсию босиком, ругая нищих, воров, а заодно и попов.

26 июня. Утром прибежали возбужденные сотрудники офиса: в стране введено чрезвычайное положение. Лидеры оппозиции, в том числе Дж. П. Нараян, арестованы. Внешне на течении городской жизни это никак не отразилось, так же кипит толпа на улицах, торгуют лавки, просят бакшиш нищие.

Впрочем, на события оперативно откликнулось искусство. В залах Академии изящных искусств выстав-

лена аллегорическая картина Ф. Хуссейна, изображающая богиню Дургу, поражающую демона. О, эта восточная способность мыслить мифологическими категориями! Газеты совершенно серьезно пишут: Индира Ганди явилась в ипостаси Дурги, чтобы поразить демона оппозиции, это не так страшно. Главное, чтобы она не перешла в ипостась Кали.

24 июля. Индустриально-технологический музей Бирлы попросил у нас для экспозиции фотографии о совместном советско-американском космическом полете «Союз-Аполлон». Так я увидел музей, на который у меня никогда не хватало времени. Похож на наш Политехнический в Москве, только меньше и беднее, но много интересных для любителя экспонатов начала века. Вход свободный, а в залах — ни души.

Музей расположен в районе Толлигандж, в южной части города. Это совсем другая Калькутта, похожая на лучшие районы Дели, — тихие чистые улицы, виллы современной архитектуры в зелени садов, чистый воздух, уют. Здесь живут самые богатые люди.

25 июля. Сегодня в генконсульстве США на Хо Ши Мин-сарани был прием по случаю благополучного завершения полета «Союз-Аполлон», попал на него и я. Генконсул США, спортивного вида, моложавый, был очень любезен. Сотрудники — ребята подтянутые, с хорошей выправкой, особенно один, детинушка под 2 метра ростом, из Корпуса мира. Показали великолепный фильм о высадке астронавтов на Луну. Потом нас четко распределили между сотрудниками, и начался разговор ни о чем. Прием был организован «на паях»: территория и еда — хозяев, выпивка — шампанское, водка — наша. Я заинтересовался превосходными репродукциями картин американских художников, которые украшали стены, и генконсул с удовольствием показал их и со знанием дела пояснил, так что разговор вышел наконец за рамки надоевшей темы: что лучше — виски или водка.

1 августа. В Горьки-садане открылась выставка молодых художников Калькутты, на которую я их подбивал долгое время. Более половины работ — абстрактные, но абстракционизм здесь очень провинциальный, самодельный. Собственное лицо имеет лишь Ганеш Пин. Ему сейчас 37 лет, коренной «калкаттавалла», разночинец, сам себе пробивающий дорогу. Живет в страшной коммуналке, пропахшей при-

мусом и помоями. И картины его тоже страшные — чернота, из которой высвечиваются нарочито грубые, тяжелые очертания людей и предметов. Рисует он будни Калькутты — нищих, рыбаков, рабочих, мальчишек, крестьян. «Боже, как он мрачен, как он груб!» — восклицают искусствоведы. Такого искусства я еще в Индии не видел! Кстати, Калькутте посвящены лишь несколько слабеньких рисунков. На мой вопрос, почему они не рисуют свой город, молодые художники ответили, что он безобразен, они его не любят и никакой эстетической ценности он не представляет. Врут! Любят они свой город, любят ревниво, завидуя Дели, сохранившему древние памятники, и Бомбею, этому европеизированному городу-пижону.

А в доказательство — недавнее сообщение местных газет: группа молодых художников задумала украсить Калькутту и как-то ночью расписала фасады самых мрачных домов на Чоуринги. Один из них я видел — жуткое черное здание Онкологического госпиталя. На высоте второго этажа весь фасад расписан огромными аляповатыми цветами — желтыми, красными и зелеными. Грубовато, но от чистого сердца! А еще мне подарили «бадж» — значок с ромашкой и надписью: «Я люблю тебя, Калькутта!».

3 августа. Совершенно неожиданно еду вечером в составе небольшой делегации «Международной книги» на открытие магазина советской книги в городок Мальда.

5 августа. Выехали мы позавчера поздно вечером, впервые не с Хоура, а с другого вокзала — Селдастэйшн, тоже большого, но крытого и чем-то, наверное стеклянной крышей, отдаленно напоминающего Ленинградский вокзал в Москве. Приехали в 3 часа утра — странности индийского железнодорожного расписания приводят меня в отчаяние. Но нас ждали, отвезли в гестхаус («дом для гостей»), единственный в городе. Наши провожатые, желая показать свое гостеприимство, никак не хотели уходить и все старались завязать светскую беседу. С трудом мы убедили их, что должны поспать, и кое-как уснули в москитном вое. За окном хлестал дождь. В 8 утра нас уже подняли.

Митинг ожидался вечером, а с утра для нас была устроена поездка в Гоур, развалины средневековой

столицы Бенгалии, расположенные в нескольких километрах от Мальды.

Нам сообщили, что Гоур был столицей еще в VII веке, во времена короля Шашанки (того, что, по преданию, разрушил храм Махабодхи в Бодх-Гайе, а потом приказал выстроить его заново). Потом, в течение веков, одна династия сменяла здесь другую — Палы, Сены, мусульманские государи. То, что дошло до наших дней — остатки сооружений XV—XVI веков, когда здесь правили мусульманские династии.

Как всегда, была красива дорога среди зелени рисовых и джутовых полей. После дождя воздух напоен влагой, солнце тяжелое и беспощадное, казалось, что кто-то бьет по голове тяжелым молотом. Хорошо, что ехать было недолго — всего полчаса. Среди полей и рощиц стояли развалины столицы бенгальских навабов — остатки дворцов, мечетей, медресе, наводящие на меланхолические размышления о скоротечности мирской славы. На бывших площадях и под сводами бывших дворцов мирно паслись козы, вокруг лепились крестьянские лачуги. Мы осмотрели грандиозные руины главной мечети — Бародвари («Великая золотая»), построенной султаном Насрат-шахом в 1526 году, бывшие парадные ворота для торжественного въезда в форт, увенчанные по углам пятиярусными башнями, минарет, с которого открывался чудесный, изумрудно-голубой ландшафт. Побывали еще в одной небольшой мечети, украшенной красивыми красно-коричнево-белыми изразцами (сразу вспомнились по контрасту голубые наряды Самарканда и Бухары), по одним сведениям — возведенной в 1475 году султаном Юсуф-шахом, по другим — придворной танцовщицей. И наконец, подошли к мечети Кадам-Расул, где хранится отпечаток ноги пророка Мухаммеда. На дверях висел огромный ржавый замок, а кругом не было ни души.

В двух километрах от Мальды, но в другую сторону, есть развалины еще одного средневекового города — Пандуа, но чувствовалось, что хозяева приглашают туда только из вежливости, да мы и сами уже изнемогали от духоты и бессонной ночи. Поэтому мы попросили отвезти нас на «Фаракка-проджект» — гигантскую плотину-мост, построенную с целью раздела вод Ганги между Индией и Бангладеш; участие в проектировании принимали и советские специалисты.

Когда мы через 15 минут вышли из машины на ошеломляюще длинный, почти в 2,5 километра мост, хлынул ливень, буквально возродивший нас. Ганга в этом месте необычно широка — около 2 километров. Хорошо оттеняемая черным грозовым небом, уходила в перспективу серо-стальная необъятная масса воды, берегов не было видно, полное впечатление морской шири. Впервые я видел такой великую реку-богиню.

Открытие магазина состоялось в сумерках в местном универмаге, где калькуттская фирма «Маниша Грантхалайя» сняла за 10 тысяч рупий крохотный (около 4×4 метра) закуток. Мне как почетному гостю доверили перерезать ленточку, после чего была совершена первая, «на счастье», продажа: служащий местного банка г-н Чаттерджи купил не что иное, как «Капитал» Маркса! Потом в местном зале был прием — говорили речи, читали стихи, пели песни. И я с восторгом узнал, что первым бенгальцем, побывавшим в России, был уроженец Мальды — шейх Бхикку, который в 1577 году снарядил в далекую страну три корабля с шелковыми тканями — ими тогда славилась Мальда.

Уезжали мы опять под дождем и всю ночь маялись под неистовыми фенами, без подушек и белья. В 5 часов утра в хмурой рассветной мгле появились за окнами жуткие пригороды Калькутты. Среди смрадных болот стояли на искусственных насыпях муниципальные дома для самых бедных — каменные бараки, изъеденные копотью, плесенью, гнилью. Тускло мерцали в черноте проемов коптилки, и первые синие струйки кизяковых костров уже подымались в небо. Кизячными лепешками были залеплены стены бараков — сплошь, на высоту, до которой дотянется рука. Так здесь готовится топливо бедными людьми. Калькутта встретила нас лоуд-шеддингом и забастовкой таксистов.

10 августа. Приехал важный гость — член Верховного Совета СССР, министр СССР Г. и я был представлен к нему на предмет показа города. На это было дано два часа, но я увлекся и совершил проступок: смяв обычные туристские маршруты, повез его на Читпур-роуд и на мост Хоура. Конечно, мы ничем не рисковали, так как нас сопровождал полицейский джип, но нарушили церемониал и опоздали на торжественный обед.

Во время экскурсии был один забавный эпизод. У ограды Виктория-мемориал всегда сидит жуликоватый укротитель змей и зазывает всех полюбоваться битвой мангусты и змеи. Я его знаю давно и на крики его не реагирую. Но гость пожелал увидеть редкое зрелище и, как я его ни отговаривал, заупрямился. Дело окончилось так: дрессировщик открыл корзину, поиграл на флейте, из корзинки поднялась и мгновенно исчезла змеиная голова. Корзину закрыли — и ко мне: «Гони пять рупий!» — «А где же мангуста?» — «О, это очень дорого, 300 рупий, не покажу!» Я вручил ему деньги, прибавив несколько безобидных бенгальских ругательств, выученных для подобных случаев; он понимающе ухмыльнулся, и мы расстались, примиренные.

12 августа. На борту парохода «Мичуринск» пресс-конференция и прием по случаю погрузки на борт рекордного количества чая — 3500 тонн сразу!

То, что говорилось на пресс-конференции, было так интересно, что кое-что я записал. Оказывается, Индия производит ежегодно 650—660 тысяч тонн чая, из них на экспорт идут 220 тысяч. Самые лучшие сорта — ручного сбора; индийцы считают, что «машины губят чай». А лучший из лучших — по названию знаменитого романа Мулк Радж Ананда: «Два листа и почка». Под контролем государства 4 процента чайных фабрик, остальные — частные.

В Индии работает несколько чайных аукционов — в Калькутте, Силигури, Гаухати, Кочине и Коимбатуре. Там покупают чай фирмы многих стран мира, в первую очередь Англии, Канады, Австралии, потом США, ФРГ и т. д. В пяти аукционах участвует и наша страна. В торгпредстве есть специальная «чайная лаборатория», где колдуют «чайники», в основном грузинские специалисты.

Вот несколько вопросов и ответов:

— Сколько чая покупает в Индии СССР?

— Около 70 тысяч тонн в год*. Но, по правде говоря, нам пора уже выращивать свой собственный чай и обеспечивать себя самим. Кстати, «краснодарский» ничуть не хуже ассамских сортов, мы его даже продаем в «Березках».

— Сколько сортов чая закупает СССР в Индии?

* В последующие годы эта цифра увеличилась. В 1987 году она была равна 80—85 тысячам тонн.

— Мы закупаем не по сортам, а по категориям: хорошая, средняя, ниже средней, низкая. Градация идет от 4,75 до 10 баллов. Мы покупаем от 4,75 до 7. Высшие сорта («голден» — «золотые») — очень дороги, по 2500 рупий за килограмм, их покупают лишь богатые фирмы Англии, ФРГ и некоторых других стран. Процентом 80 закупаемого нами чая — ассамский, 20 — дарджилингский. Весь закупаемый чай идет для купажа (смешивания).

14 августа. В газете «Стейтсмен» очередная рецензия на мою лекцию в Горьки-садане, на этот раз — о памятниках Узбекистана. Кто-то из молодых репортеров регулярно зарабатывает себе на пиво. И почему-то среди добрых слов обязательно вставляется маленькая антисоветская шпилька. На этот раз японские военнопленные. В свое время, когда я был в Ташкенте, меня поразил рассказ о том, что японские военнопленные, которые жили в Ташкенте и действительно участвовали в строительстве здания Театра оперы и балета, продолжают писать в Ташкент очень добрые письма и спрашивают, как там их театр — стоит ли на месте? Об этом я упомянул на лекции, заметив, что бывают и такие парадоксы: люди были в плену, а стали друзьями СССР. Все это исчезло из рецензии, остались лишь японцы, попавшие в советский плен. Мораль: расслабляться, увы, нельзя ни на минуту, даже среди этих милых людей.

16 августа. Часть тиража нашего журнала на языке бенгали мы, по договору с властями Бангладеш, переправляем в Дакку, благо, до границы машиной всего несколько часов. Вчера наш транспорт вернулся неразгруженным, граница была закрыта. Сегодня мы узнали, в чем дело: в Бангладеш военный переворот, Муджибур Рахман убит.

20 августа. Решили побывать наконец в южной Калькутте. Посмотрели знаменитые Рабиндра-саровар (по-старому — Дхакурия-лейк) — два больших, красивых озера, куда богатая публика выезжает к вечеру отдохнуть. По берегам куда ни глянь — клубы, ресторанчики, лодочные станции, гремит музыка, то тут, то там проводятся мини-регаты. Большие, лохматые пальмы качаются над водой. Между озерами построены несколько прелестных «китайских» мостиков, тут же небольшая мечеть, японский буддийский храмик, явно декоративные — для любования, не для

молитв. И толпы веселой, хорошо одетой публики. Правда, и нищих здесь много, очень назойливых, с утроенной энергией старающихся испортить вечерний отдых кейфующей буржуазии. Нас они взяли в осаду, кривлялись и завывали особенно противно, пока не довели Машу до слез. Оставалось ретироваться в высящийся неподалеку новенький 11-этажный дом Академии искусства и культуры Бирлы (или просто — Бирла-музеум).

Бирла-музеум резко отличается от старых перегруженных, плохо охлаждаемых немощными фенами музеев, размещенных в зданиях прошлого века. Его стеклянно-бетонный параллелепипед гордо высится над окрестными виллами и пальмами и кажется здесь чужим. Внутри все блестит, бесшумно работают кондиционеры, картины великолепно развешаны, хорошо подсвечены. Конечно, здесь нет всемирно известных вещей, но Индия настолько богата шедеврами прошлых эпох, что их хватит еще не на одну сотню музеев. Организован музей по общему принципу, который ясно прослеживается: древнее и средневековое искусство, народное творчество и ремесла, искусство сопредельных стран, современность. В более специальном изложении это выглядит так.

Академия искусства и культуры Бирлы

Основана в 1962 году в целях «сохранения древней культуры и насаждения искусств» на средства миллионерской семьи Бирла, отчего носит их имя (как и храмы в Дели и Бхопале, гостиница в Бодх-Гайе, планетарий в Калькутте и др.). В теперешнее здание музей переехал в 1967 году. Экспонаты четко расположены по этажам. А конкретно так:

I этаж — древнее и средневековое искусство Индии — каменная скульптура, бронза, терракота от I века до н. э. до XVI века.

II этаж — картины и рисунки Рабиндраната Тагора, Гяганендранатха Тагора и Нондолала Бошу.

III этаж — коллекция средневековой миниатюры различных школ XV—XIX веков — могольской, раджастанской, пахари; джайнские и орисские манускрипты на пальмовых листьях; тибетские и непальские танки; персидские рукописи с миниатюрами.

И почему-то здесь же рукописи Р. Тагора и Шорочондро Чоттопадхая.

IV этаж — современное искусство Индии и других стран, в основном США и Англии, а также несколько полотен Н. К. Рериха. Надо отметить, что, кроме Рериха, все остальные — далеко не первого сорта.

V этаж отведен для организации временных выставок, главным образом современных художников Индии. В день нашего посещения демонстрировались письма Рабиндраната Тагора великим людям планеты; другая выставка представляла образцы рукописей на 14 основных индийских языках.

Еще выше идут офисы, библиотеки, классы рисования, скульптуры и живописи, опекаемые Общественным благотворительным фондом, а также музыкально-танцевальное общество «Свар Сангам», обучающее вокалу, танцам всех классических стилей, игре на сароде, скрипке, гитаре, вине и барабане-табла.

24 августа. Сегодня день 286-летия Калькутты. И по-видимому, последняя крупная поездка за пределы ее. Долго колдовал с картой, чтобы уложиться в один день и увидеть побольше.

Самая дальняя точка поездки — Бандель, славящийся своим старинным католическим собором.

Кто только не бывал здесь, на земле Бенгалии, в былые времена — португальцы, французы, датчане! Они строили крепости и фактории, церкви и склады и думали остаться здесь надолго. Но всех хищников в конечном итоге растолкал локтями и выпихнул вон самый цепкий и настырный — английский. И сегодня, проезжая по дорогам штата, то здесь, то там встречаешь следы тех, кто исчез.

Первую, предельно краткую остановку мы сделали в Чандернагаре, бывшем французском анклавом, основанном еще в 1680 году. Французы построили здесь форт и около 200 кирпичных домов для купцов и солдат, некоторые дома целы и сейчас. Но все войны, вспыхивавшие между Англией и Францией в далекой Европе, немедленно отражались на положении здесь, в Бенгалии. В 1756—1757 годах, во время англо-французской войны, форт был блокирован англичанами и после долгой осады взят. Стены крепости снесли. В 1763 году анклав был возвращен французам и форт отстроен вновь. В эпоху Великой Французской революции и наполеоновских войн Чандернагар на-

ходилса под властью англичан (1794—1816), потом вновь передан Франции и просуществовал до 1952 года, когда на общих основаниях вошел в Индийский Союз. От прошлого остались архив, кладбище и церковь, мы их искать не стали, а остановились на несколько минут у старинной арки с сохранившейся надписью на французском языке: «Либерте, Эгалите, Фратерните».

Без остановки проехали мы Чинсуру, бывший датский анклав, основанный в 1656 году и ликвидированный Клайвом навсегда в 1758 году. Здесь также сохранились церковь, солдатские бараки и кладбище.

Бандель — это уже португальцы. Они высадились на берегах Хугли в 1599 году. Огромный каменный крест на берегу отмечает место высадки, а мачта корабля, доставившего первых португальцев в Бенгалию, до сих пор стоит во дворе собора.

Собор — главное украшение и гордость Банделя. Когда-то здесь был добротный выстроенный форт, окруженный рвами, соединенными с рекой. В случае надобности их наполняли, и форт оказывался как бы на острове, окруженном водой. Впрочем, укрепления не спасли португальцев от гнева могольского императора Шах-Джахана, того самого, по приказу которого был воздвигнут Тадж-Махал. Причины этого гнева неясны. Считается, что виноваты были сами португальцы: они охотно женились на местных красавицах, но отказывались от детей-полукровок, не брали их на работу в свои процветающие торговые фактории и те, бедствуя, собирались в шайки и добывали пропитание грабежами и пиратскими вылазками. Так или иначе, но в 1632 году форт был взят штурмом и разрушен, сильно поврежден и старинный, еще 1599 года собор. Вновь отстроили его братья-августинцы лишь в 1640 году, вмонтировав над входом ключевой камень с датой «1599» — его можно видеть и теперь.

Собор стоит на холме, господствуя над местностью. У его подножия шумят пальмовые рощи, а метрах в двухстах катит свои воды Хугли, несравненно более чистая, чем в пределах Калькутты. Собор построен в спокойном, добарочном стиле, внутри гладкие белые стены, минимум украшений, красные нервюры сводов. Снаружи над входом высится большая статуя «нашей леди Роз» — Богоматери, покровительницы путешественников по морям. В ларьках продаются су-

вениры: медальоны, ладанки, брелки — в виде крохотного компаса, крестика и — в духе времени — в виде битловской гитары с миниатюрной иконкой Иисуса Христа. В соборе главным образом туристы-европейцы, а во дворе — индийцы, целыми семействами, приехавшие явно не на молитву, а на пикник возле сравнительно чистой реки под сень пальм, благо, поезд идет из Калькутты всего около часа.

Недалеко от собора индуисты не преминули построить чудесный, в вишнупурском стиле, облицованный красными терракотовыми плитками храм, а рядом еще один, пятикупольный — в честь Кали. Можно подняться наверх, откуда открывается вид на окрестности — купы пальм, развалины каких-то строений, гладь Хугли.

Последний пункт поездки (крюк в сторону на обратном пути) — храм Таракешвар, одно из самых знаменитых индуистских мест паломничества в Бенгалии. Народу было очень много, и мы не рискнули даже подъехать поближе. Для меня это был единственный шанс увидеть знаменитый храм, и я смиренно попросил общество выделить мне минут сорок. Мы отвели наш «рафик» в отдаленную рожицу, где решено было устроить небольшую трапезу, а я в сопровождении двух дюжих ребят направился к храму.

Поразили многолюдье, а также атмосфера какого-то взвинченного ожидания, прямо-таки физически ощутимая. Мы умно сделали, направившись прямо в офис — штаб-квартиру храмового комитета, где нас встретил вполне светский мистер П. Дас, снабдил литературой, показал храмовую книгу и даже подвел к храму — продемонстрировать несколько достопримечательностей. Внутри мы попасть не пытались. Перед нами был не очень большой храм, типично бенгальской архитектуры, двухъярусный, с криволинейными куполами-крышами, напомиавшими о бамбуковых каркасах деревенских домов и в то же время несомненно символизировавшими Шивалингам. Купола бело-серебристы, на верхнем ярусе можно было разглядеть фрески из жизни великого бога. На уровне человеческого роста стены облицованы дешевой керамической плиткой, и эта мера была нелишней: ежедневно этой стены касаются, на нее опираются, возле нее лежат и сидят тысячи людей.

Огромная очередь вливалась в узенькие ворота ог-

рады, шла вокруг двора, обвивалась вокруг храма. Запыленные, изможденные люди стояли или сидели на земле под палящим солнцем. Некоторые спали у ограды, другие лежали крестом на земле — это те, кто дал обет приползти к богу на животе, меряя дорогу телом. Все без исключения были босы, некоторые держали на плечах легкие коромысла с двумя запечатанными металлическими горшочками. То и дело на галерею храма выходили жрецы, звонили в колокольчики, читали мантры.

Глядя на нескончаемую ленту паломников, мы слушали рассказ нашего добровольного гида, впервые встретившего здесь русских туристов.

...350 лет назад, — говорил он, — недалеко отсюда, в Рамнагаре, жил раджа Бхарамал, владелец чудесной коровы Капилы, дававшей ежедневно много превосходного молока. Внезапно его количество стало уменьшаться, и обеспокоенный раджа потребовал поймать дерзкого вора. Один из пастухов, последовавший за коровой в джунгли, увидел, что она внезапно встала над большим камнем с отверстием посередине и молоко ее само полилось туда. Удивленный Бхарамал решил перенести чудесный камень в столицу, но никто не смог его выкопать: он все глубже уходил в землю. Наконец, во сне радже явился бог Шива и велел камень не трогать, а лучше воздвигнуть над ним храм. Бхарамал последовал совету: все свои богатства отдал на строительство, а сам сделался бродячим святым — саньяси. Так возник Бхагван-Таракешвар, обитель Баба Таракнатха, священного Шивалингама, исполняющего желания.

День и ночь идут к нему со всех концов Индии босоногие паломники. Ежедневно сюда приходит около трех тысяч человек, а в июле — августе их число возрастает до 50 тысяч и больше. И каждый обязательно несет на плечах кавад — легкое бамбуковое коромысло с двумя горшочками — в них вода из священной Ганги, которой надо полить Шивалингам. Ее берут в 28 километрах отсюда, в специальном месте. Некоторые начинают свой босоногий паломнический путь раньше — от стен калькуттского храма Кали, это уже 47 километров. Главное: горшочки с водой ни разу не должны коснуться земли.

Для облегчения паломнических тягот на протяжении всего пути различные филантропические органи-

зации ставят полевые лагеря для отдыха с раздачей бесплатных еды, питья, лекарств, а главное — с оборудованными специальными стойками для кавадов.

Придя, паломники становятся в очередь, чтобы дождаться вожделенной минуты, войти в храм и вылить воду на лингам. Впрочем, можно вылить ее и на стену храма, но этот акт божество ценит меньше.

А затем надо смиренно ждать, пока бог явится тебе лично и сообщит, что надлежит делать, чтобы твое заветное желание сбылось. Чтобы вынудить его поторопиться, можно дать какой-нибудь обет. Каждое свершившееся чудо записывается в специальную книгу. Одну из таких книг показал нам м-р Дас (возможно, она хранится специально для туристов). Под номером 551 был записан эпизод, происшедший в октябре 1958 года. Некая женщина Лилаведи дала обет не есть и не двигаться с места во дворе храма, пока не увидит бога и не узнает, как ей вылечить парализованного мужа. На седьмой день она впала в транс, и Шива приказал ей выпить принесенную воду у подножия лингама. Вернувшись, она обнаружила, что муж выздоровел.

И я понял, почему так наэлектризована атмосфера вокруг храма: это была атмосфера исступленной веры в чудо. Кто знает, может быть, эта вера включает в человеке неведомые силы, неизвестные науке, которые его излечивают?

Узнали мы и о сугубо земных проблемах храма. В нем работают 60 человек, и еще 100 добровольцев им помогают. Ежегодный доход — 600 тысяч рупий — идет на содержание госпиталя и обслуживание паломников. М-р Дас поделился одной из проблем: на пути следования паломников не хватает туалетов. Глядя в окно на толпу, с трудом протискивающуюся в узенькие ворота, я спросил: нельзя ли расширить вход, или бюрократы мешают? «Увы, — вздохнул он, — есть поверье: каждый, кто попытается расширить вход, умрет на месте».

Посетив Таракешвар, я вспомнил сюжет большой серии калигхатских лубков, изображавших какую-то кровавую драму: бородатый человек убивал ножом женщину. Увы, это святое место было всегда открыто вполне земным страстям, и в 1873 году стало сценой скандала, так и названного — «таракешварский». Суть его в том, что главный жрец храма соблазнил не-

кую Элокеши, жену Набина, типографского рабочего, пообещав ей вымолить у Шивы сына; разъяренный муж убил неверную и был приговорен к пожизненному заключению. Эта история стала сюжетом бесчисленных стихов, пьес, поэм, статей, разоблачающих ханжей-брахманов, а также обширной серии лубков, имевших грандиозный успех. Редкий случай: кампания достигла цели — убийце смягчили приговор, а бенгальский Тартюф угодил за решетку.

6 сентября. Кратко об оставшихся еще не описанными музеях. На них ушли три воскресенья в августе.

Гурусатай-музей. Посвящен народному искусству Бенгалии. Основан страстным энтузиастом изучения творчества безымянных народных мастеров, ученым Гурусатаем Даттом. Он же был основателем движения Братачари, целью которого мыслилось возрождение народной культуры Бенгалии, гибнувшей в условиях колониализма. Собственно, музей должен был отразить историю движения.

Гурусатай Датт начал ездить по бенгальским деревням и скупать предметы народного искусства в 1929 году. Позже его интересы расширились: он записывал народные сказки, песни, мифы, писал статьи. В 1932 году устроил первую выставку, вызвавшую в Калькутте большой интерес. В 1940 году по инициативе Датта строится Братачариграм — «идеальная деревня», где, по его мысли, должен был находиться университет народной культуры. В 1941 году, незадолго до смерти, Датт смог отвоевать небольшой домик на улице, носящей ныне его имя, где разместил свою коллекцию для всеобщего обозрения. В 1959 году Бенгальское общество Братачари разместило сильно разросшуюся коллекцию в специально построенном для нее доме на окраине города, на дороге, ведущей к Даймонд-харбор (Алмазному заливу). Общество финансирует музей. Установлено правило: каждые 4—5 месяцев экспозиция должна меняться.

В уютной вилле с открытой галереей нас встретил директор, молодой парень. Он очень удивился, узнав, что мы из СССР, — по его словам, русские здесь ни разу не бывали. А жаль. Здесь много чудесных вещей, сотворенных золотыми руками народных мастеров, — пата, калигхатские лубки, резьба по дереву, статуи для пуджи, спасенные от гибели в водах Хуг-

ли, статуэтки из терракоты — старые и современные, ткани, маски, рукописи и бог знает что еще! Выставлена, конечно, только малая часть коллекции. В залах душно, темно, несколько маломощных фенов лишь чуть-чуть колышут воздух. Директор, польщенный нашим искренним восторгом, повел нас в запасники. Лучше бы он этого не делал! Мы увидели полки и шкафы, забитые до отказа ценнейшими экспонатами, гибнущими от влаги, плесени, духоты, термитов... Но мы постеснялись сказать милому молодому человеку, влюбленному в искусство, что картина эта нам знакома...

Государственная археологическая галерея Западной Бенгалии. Открыта в 1962 году в сердце старого города, на Читтаранджан-авеню, для хранения и обработки находок, сделанных археологической службой при правительстве штата. Ей был выделен этаж в современном здании, потом по мере расширения — еще три или четыре этажа.

Я побывал там дважды. Впечатление удручающее: это не музей, а что-то вроде склада, «археологической каптерки», где в страшном беспорядке, без классификации свалены уникальные находки, число которых с каждым годом все растет — невообразимо богата раритетами прошлого индийская земля! Помню, как, бродя по галерее, опоясывающей здание, я споткнулся о каменный выщербленный блок, валявшийся на бетонном полу. Это оказалась лежавшая «лицом» вниз композиция не то V, не то VII века, за которую директор любого музея отдал бы год жизни. Большую часть времени меня даже никто не сопровождал, и я бродил по залам один, ужасаясь увиденному. Тяжело музею Гурусаяда, но им все-таки заведует специалист, энтузиаст, влюбленный в дело, болеющий за него. Здесь — чиновники, которым на все наплевать.

Индийский институт искусства в промышленности и музей ремесел при нем. Основан в 1947 году промышленными концернами Западной Бенгалии, заинтересованными в привлечении талантливых художников в отечественный промышленный дизайн. Специально для них закуплено великое множество предметов народного ремесла — образцов дизайна, разработанного народными мастерами: орнаментированная посуда, женские украшения, старинное оружие, домашняя утварь, вплоть до забавных щипцов для орехов, невин-

но-эротических, изображающих супружескую пару. Здесь проводятся постоянно симпозиумы, конференции, семинары, в том числе — международные по проблемам дизайна, издается ежеквартальный журнал на английском языке «Искусство в промышленности».

Возможно, что в недрах огромного города существуют и другие, не известные мне музеи, в том числе и частные коллекции, но *ars longa, vita brevis*.

11 сентября. Митинг по поводу второй годовщины военного переворота в Чили. Индийцы очень болезненно отнеслись к пиночетовскому путчу, особенно к роли армии, искони считавшейся нейтральной, в политику не вмешивающейся, и без конца проецируют трагические события на Индию. Когда читаешь подряд эти статьи, создается впечатление, что авторы всячески успокаивают сами себя, повторяя, как заклинание: «У нас это невозможно!». Так, один генерал в отставке пишет, что организовать переворот в Индии практически нельзя, так как в армии, ВМС и ВВС 12 командующих, каждый из которых осуществляет независимый контроль над своим районом. И поэтому даже если один захочет свергнуть правительство, он не сможет втянуть в авантюру других. Генерал изучил прошлое страны и пишет, что не нашел в истории Индии ни одного примера, когда бы военачальник сверг правителя. «В Индии, — заключает он, — армия хранит верность стране, а не той или иной политической силе». Он подсчитал также, что со времен второй мировой войны произошли перевороты в 55 странах, но, за исключением Бразилии и Индонезии, это были маленькие страны, имевшие один центр власти. Из 55 стран 19 находились в Латинской Америке, и в них господствовала испанская культура, 16 — исламские страны.

Так или иначе, но по стране прошли митинги. Я был приглашен на один из них, организованный Всеиндийской федерацией студентов в небольшом колледже Набаграм Хиралал Пол, входящем в систему Калькуттского университета; преподают там искусство, юстицию и коммерцию, студентов — около 800. Расположен он довольно далеко, за Хоурой, ехать туда почти час. Митинг был обычный — с пением песен и пылкими речами, была принята антифашистская резолюция. Потом ректор провел меня по аудиториям,

сверху донизу исписанным лозунгами и таинственными цифрами, показал библиотеку и намекнул, что книг маловато и пополнение было бы воспринято с благодарностью.

13 сентября. Ровно месяц назад в Калькутту с помпой прибыл «автор века» — Эрих фон Деникен, знаменитый своими поисками следов посещения Земли инопланетянами, нашумевшими книгами «Колесницы богов» и другими, а также фильмом «Воспоминания о будущем». В большом зале Индийского музея, лопавшемся от набившихся посетителей (я тоже втиснулся туда), он прочел лекцию с хорошими слайдами, будоражащую воображение. В заключение он сообщил, что отправляется на север Индии, где, по его сведениям, сохранились следы инопланетян.

На днях он вернулся и на большой конференции заявил, что их следы он обнаружил в Кашмире, в частности два древних храма, напоминающих формами межпланетные ракеты. Выждав несколько дней и дав ему выговориться, индийская пресса выкинула, как выразился бы Швейк, поистине «искариотский номер». Были опубликованы документы и рисунки, неопровержимо доказавшие, что оба храма построены в XVIII веке. «Великий» писатель растерянно заявил, что остается при своем мнении, и в тот же день «смылся» в свою добрую, доверчивую Европу...

27 сентября. В этом году исполняется 25 лет еще одной любопытной достопримечательности Калькутты — Павловскому институту. Празднование «серебряного юбилея» продолжается несколько месяцев, еще с апреля. Сегодня — заключительная церемония, «День Павлова».

Павловский институт был создан в 1950 году как медицинский центр лечения психических болезней на основе учения Павлова. В 1952 году он был зарегистрирован и как научное общество. В уставе сказано: целью общества являются развитие и распространение учения Павлова не только в психиатрии, но и в психологии — индивидуальной и социальной, в меру своих, пока довольно ограниченных ресурсов.

У них есть своя клиника в старом городе, в большом, бесформенном доходном доме времен Империи. Внутри бедно, но опрятно. Как сказал сопровождавший меня сотрудник клиники м-р Мукерджи, «мы гордимся тем, что являемся пионерами в исследованиях

и применении гипноза на практике в Индии». В истории клиники зафиксировано немало случаев успешного применения гипноза при лечении таких психоневротических и психосоматических болезней, как астма, гипертония, язва, а также различных психозов. Существует и специальное «социальное отделение», занимающееся организацией лекций и семинаров, показом учебных фильмов студентам-медикам и врачам. Тема — различные аспекты учения Павлова, в частности рефлексы и гипноз. Вот названия некоторых семинаров: «Изображение эмоций на сцене», «Общественная гармония и интеграция общества», «Отчуждение и его изображение в искусстве, литературе и драме», «Теллепатия», «Корни насилия», «Сон, сновидения и гипноз», «Средства массовой информации и массовая истерия» и т. д. Институт издает журнал на бенгали «Манаб Мон» (есть английский вариант). Еще у общества есть театр, где ставятся собственные пьесы, трактующие проблемы социальной психологии в свете павловского учения.

В течение апреля — сентября прошло немало семинаров и конференций, я побывал на одной с выразительным названием: «Тема умственного расстройства в бенгальской литературе».

Церемония закрытия юбилея была очень трогательной: речи, цветы, аплодисменты, огромные гирлянды на бюсте Павлова. А в заключение была показана одна из пьес, которыми славится общество. Она называлась «Жизнь одной женщины» и была посвящена проблемам несчастливых браков и, как следствия их, женских неврозов. Суть ее заключалась в том, что поэт Сукдев недоволен холодностью своей жены Читриты, зато в нее пылко влюблены ее босс (она работает в каком-то офисе) и художник Камалеш. Читриту лечит от неврозов доктор Шоме и все перипетии записывает в дневник. Потом он неожиданно кончает жизнь самоубийством, а дневник его попадает в руки драматургу Адитье, который передает его психологу Баниканте. Вместе они пытаются решить загадку характера Читриты, исходя из учений Павлова и Фрейда. По ходу пьесы оба великих ученых сами появляются на сцене и объясняют происходящее. Фрейд считает несчастливый брак и невроз следствием врожденной женской униженности по отношению к мужскому началу и бессознательной любви-ревности к от-

цу («комплекс Электры»). Павлов же доказывает, что вся беда — в социальной униженности женщины в современном обществе, где верховодят мужчины и царит «мужской шовинизм». Как всякое учебное пособие, пьеса явно прямолинейна и ей далеко до Тагора, но я позавидовал жару, с которым ее играли, и вниманию, с которым ее слушали. Видимо, она все-таки дает пищу для раздумий о своей пропащей жизни замученному жителю супергорода.

13 октября. Неожиданно «вынырнул» еще один музей, о котором нет никаких упоминаний в путеводителях. «Вышел» я на него совершенно случайно, по заметке в газете на весьма банальную тему — о расхищении культурных сокровищ Индии.

С каждым годом это расхищение приобретает все больший размах. Газеты то и дело сообщают о кражах в храмах, музеях, дворцах. Крадут все кому не лень и всё, что плохо лежит — статуи богов из храмов и музеев, драгоценности, фрагменты каменной резьбы, старинное оружие. Все это вывозят иногда контрабандой, иногда — открыто, выдавая древние шедевры за современные поделки. Охрана музеев и фондов, как я лично видел не раз, поставлена из рук вон плохо, странно было бы, если бы не тащили. Тем более что плохо оплачиваемая, вечно голодная музейная охрана готова за несколько лишних рупий отдать что угодно.

В 1909 году, во время раскопок в Сагардиши, возле Муршидабада были найдены три великолепные бронзовые статуи Вишну — стоящего на цветущем лотосе (Вишну Тривикрама), сидящего (Вишну Хришикеша) и стоящего шестирукого, все три — XI века, изумительно чистой отделки, высочайшего мастерства. Местный князек из Канди, Бабу Кишоримохан Синха, подарил их одному из калькуттских музеев, принадлежавшему Бенгальскому историческому обществу.

В 1965 году все три статуи, широко известные и внесенные во все монографии и альбомы по истории искусства Индии, были похищены. Две не найдены до сих пор. А вот третья — Вишну Тривикрама, тот, что стоит на лотосе, — неожиданно объявилась в 1974 году в одном из музеев Бостона (США). Скандал был большой, а поскольку статуя была очень уж известна, тяжба продолжалась недолго — всего год; крыть Бос-

тону было, как говорится, нечем. И вот на днях Вишну был торжественно водворен на свое место в старом, облезлом доме на Ачарья Прафулла Чандра-роуд, где в небольшом зальчике покоятся в густой пыли фонды музея. Я поехал туда в первый же свободный день после прочтения заметки.

Меня встретил очаровательный джентльмен, настоящий «пикейный жилет», чудом сохранившийся со времен Империи, и любезно все рассказал и показал. Оказалось, что музей Бенгальского исторического общества — один из старейших в Калькутте: он был создан еще в 1894 году кружком любителей истории и литературы, своего рода салоном, собиравшимся в доме Биноя Кришны Деба, раджи Совабазара. Их было 30 человек, в основном очень именитых и состоятельных людей — махараджей, землевладельцев, крупных чиновников и ученых. Нечего и говорить, что здесь были представлены семейства Тагоров и Малликов (владельцев Мраморного дворца). Своей целью они ставили покровительство развитию бенгальского языка и литературы. И надо сказать, слова у них не расходились с делом: на их пожертвования был построен дом для общества и его музея и куплены экспонаты. Сначала это были рукописи замечательных людей, их вещи и книги, потом неминуемо появились старинные картины, скульптуры, монеты, оружие и т. д.

Что сегодня хранится в недрах музея, сказать трудно. Джентльмен снабдил меня каталогом, из которого я узнал, что гордостью общества является собрание рукописей и вещей, а также библиотек великих бенгальцев, в том числе Рабиндраната Тагора, Двиджендранатха Тагора, Бонкимчондро Чоттопадхая, Гириш Чандра Гхоша. Библиотека Ишвара Чандра Видьясагара состоит из 3546 книг, а Сатьендранатха Датта — из 2198. Большинство книг, рукописей и вещей подарены или самими великими людьми, или их душеприказчиками. Вот так выглядит опись «Тагоровского фонда»: 1) Собрание всевозможных изданий произведений Тагора на разных языках. 2) Экземпляры с личными пометками и рисунками писателя. 3) Рукописи трех песен Тагора, два его письма и автограф английского стихотворения. 4) Стенографическая запись, сделанная Тагором. 5) Блокнот Тагора. 6) Рисунок Тагора. 7) Очки Тагора. 8) 25 фотографий Тагора — в одиночку и групповых.

Далее идет коллекция старинных рукописей: на бенгали, ория и ассамии — 3295, на санскрите — 2441, тибетских и персидских — 244, всего — 5980! А кроме того, картины, миниатюры, тибетские танки, старинные документы, статуи, монеты, а также изрядная коллекция личных вещей великих людей — трости, зонты, табакерки, очки, чернильницы, перья и т. д.

Если все это красиво и культурно выставить, получится великолепный Литературный музей, как у нас в Высокопетровском монастыре в Москве, или Пушкинский Дом в Ленинграде. Я искренне преклоняюсь перед энтузиазмом и патриотизмом чудаков, сохранивших бесценные реликвии прошлого. Но все это спрессовано в непроветриваемых, грязных, пыльных комнатках, спрятано от человеческих глаз и тихо гибнет — гниет, ржавеет, поедается мышами и термитами... Кошунственная мысль, а может, в Бостоне Вишну было не так уж и плохо?...

24 октября. Матушка-Калькутта не дает расслабиться. Только я разомлел, восхищенный ее культурными сокровищами, как — бац! Отвратительная статья в газете: Индия уже много лет является ведущим в мире экспортером... человеческих скелетов, и главную долю «товара» исправно поставляет «город богини Кали». Начал этот бизнес некий Шанкар Нараян Сен в 1943 году, во время «великого бенгальского голода». Об этом поведал в те годы миру американский журнал «Лайф», все были шокированы, но изворотливому бенгальскому купцу на это было наплевать, он продолжал «дело» и продолжает его до сих пор. Его агенты вытаскивают трупы из рек, подбирают на тротуарах... но не буду углубляться в подробности. Европейские страны — Англия, Франция, ФРГ и другие, а также Соединенные Штаты охотно приобретают страшный товар для анатомичек, медицинских институтов, школ и т. д. Несколько раз правительство Индии пыталось запретить экспорт, ссылаясь на оскорбление религиозных чувств народа, но... опять разрешало — нужны деньги.

Примечание 1989 года. По сообщению журнала «Индия тудэй», Ш. Н. Сен закрыл «дело» и ушел на покой в 1985 году, сколотив за 40 с лишним лет миллионное состояние. Сейчас он руководитель специального лобби в Законодательной ассамблее штата Западная Бенгалия, требующего... запретить «безнрав-

ственный экспорт, оскорбляющий нравственные чувства народа». Каково?

И еще в заключение несколько цифр. В 1979—1980 годы Индия экспортировала в 20 стран мира человеческих скелетов на сумму 8507000 рупий. В 1984—1985-м эта цифра возросла до 13 миллионов рупий. Один скелет дает выручку в 100 долларов.

30 октября. Пресс-конференция для журналистов у С. К. Басу, руководителя отдела информации Управления по развитию Большой Калькутты. Для меня это — как визитная карточка, которую великий город вручает мне на прощание. Несколько интересных цифр я записал на память. Вот они.

Сегодня в Калькутте проживает 8 миллионов человек, из них в трущобах — 2,5 миллиона, в основном бедняков в 10-м, а то и в 20-м поколении. По прогнозам, к концу века в Большой Калькутте будет 12 миллионов и она станет крупнейшим городом мира.

Общая длина улиц Калькутты — около 1000 километров, но они занимают чуть больше 6 процентов городской площади, хотя по нормам на них следует отводить не менее трети ее. Эти улицы вмещают 142 тысячи зарегистрированных автомашин, а также сотни изношенных донельзя трамваев, автобусов, десятки тысяч повозок, рикш и т. д. Общественный транспорт — автобусы, трамваи и такси — перевозит в день 2,8 миллиона пассажиров, а должен бы перевозить 5,5 миллиона! Средняя скорость уличного движения здесь — 10 км/час. Решить транспортные проблемы может лишь метро. Уже есть соглашение о сотрудничестве с ленинградскими метростроителями, я побывал даже на одном из первых котлованов в районе, где Чоуринги пересекается с Ленин-сарани.

Большая Калькутта, по сути дела, три десятка сросшихся городов на обоих берегах Хугли, вытянувшихся полосой до 100 километров в длину и от 3 до 20 в ширину. Сотни тысяч людей, живущих в одном конце Калькутты, никогда не бывали на другом ее конце.

Калькутта — это половина мирового джутового производства, четверть валовой продукции индийского машиностроения, крупнейший центр легкой промышленности. Калькуттский порт по грузообороту — первый в Индии, хотя отстоит от океана на 140 километров.

1 ноября. У нас гостит Александр Леонович Тер-

Григорян, корреспондент «Известий». Он объехал полмира, много видел и написал. Особенно хорошо он знает Бангладеш и Индию и равнодушен, мне кажется, к Калькутте. Он рассказывал удивительные вещи о тех сферах ее жизни, которые закрыты для постороннего глаза, в частности о «дне» — уголовных корпорациях, нищих, подпольных обществах. Наверное, он — единственный из европейцев, который был допущен на собрание таинственного религиозно-экстремистского ордена «Ананда марг» («Путь к вечному блаженству») и видел «тандав» — танец с человеческими черепами, входящий в тайные ритуалы ордена. Этот страшный обычай и само общество созданы человеком по имени Прабхат Ранджан Саркар, кстати, бенгальцем. «Ананда марг» объединяет политических экстремистов, которые воспитываются в духе слепого подчинения своим вождям. На счету ордена — подготовка покушений на лидеров прогрессивных партий, на министров.

И.я еще раз подумал о том, как мало, невозможно мало знаю о Калькутте.

Добавление 1989 года

А. Л. Тер-Григорян умер в 1986 году, успев буквально за несколько дней до смерти подписать гранки своей последней книги индийских очерков — «Когда улыбнется Ганеш». Он был не только прекрасный человек и хороший журналист, но и хороший поэт. Уже после его смерти я нашел в книжечке его стихов стихотворение «Калькутта», живо напомнившее мне мои калькуттские впечатления. Я подписался бы под каждой его строкой обеими руками.

Калькутта

Нагромоздили здесь грабители
викторианские капители.
Из камня конные воители
Фасады мрачно стерегут.

Своим соседством их обидели
у стен тряпичные обители,
что все фотографии-любители
в альбомах гордо берегут.

Заполнив Чоуринги длинную,
машины движутся лавиною,

и полицейский с постной миною
торчит как вкопанная жердь.

Торгуют на циновках брошками
и пряностей каких-то крошками.
И нищие с пустыми плошками
маячат, страшные, как смерть.

Сей город горд своими язвами —
проказой, рубищем, миазмами,
детьми бесхозными и грязными.
рябой и пепельной Хугли.

Матронами благообразными,
святыми, пестрыми и праздными,
помоев рвами непролазными,
босыми рикшами в пыли.

Калькутта, вечно обнаженная,
разъятая и прокаженная,
так тяжело горем обоженная,
невероятная, как сон!

Здесь грязь давно проникла в атомы,
за каждым следуют здесь фатумы,
и вьется черный дым над гхатами,
и цепенеет горький стон.

Она — на грубом рока вертеле.
И все ж — взгляните и поверьте ей.
Здесь сам Тагор обрел бессмертие
и присягнул любви народ.

Она, как женщина, естественна,
и суетлива, и божественна.
И час ее пробьет торжественно,
и время ринется вперед!

2 ноября. Участие в инвентаризации офиса, для меня последнее. Подлые термиты проели БСЭ от 1-й страницы 1-го тома до последней обложки 50-го, не пропустив ни одного. Где ни открой — всюду извилистые ходы и узоры. Многие книги набухли от сырости, несмотря на кондиционеры, переплеты искорежены так, что книги невозможно открыть. А запах погреба, плесени, сырости навсегда останется для меня запахом Калькутты.

5 ноября. За время работы в Калькутте я очень привязался к нашим индийцам. Конечно, с одними я сошелся ближе, с другими остался на уровне спокойной вежливости, но честно могу сказать, что «лица не потерял ни разу» и со всеми остался в добрых отно-

шениях. Для меня они представляют как бы разные стороны бенгальского характера: интеллигент новой формации, любитель Хачатуряна и Эйзенштейна Набарун Бхаттачария; длинный, худой, необыкновенно деликатный, с удивительно доброй улыбкой Джагадиш Рой; хороший поэт, мечтательный Сидхешвара Сен; но тут же и грубый и наглый с низшими и лстыивый с начальством Х; жуликоватый Y; растяпистый Z...

Бенгальцы живые, вспыльчивые и напоминают мне по темпераменту наших кавказцев. Они, конечно, страстные патриоты своей культуры и языка, за что над ними подсмеиваются в Дели и Бомбее, но я считаю, что им есть чем гордиться. Не говорю «за всю Бенгалию», я ее не знаю. Но куда ни ткнись в новейшей истории и культуре Индии, корни обязательно найдешь в Калькутте. Вот, пожалуйста: новейшая литература, Тагор — Калькутта; новейшее кино, альтернативное коммерческому, Сатьяджит Рей, Мринал Сен, Апарна Сен — Калькутта; новейший театр и Удай Шанкар — Калькутта; Бенгальское Возрождение в живописи — Калькутта; философия — Рамакришна, Вивекананда, Ауробиндо Гхош, «Брахмо Самадж» — Калькутта, и так далее. Может быть, я и вправду пристрастен...

А еще я вспоминаю, что во время моих многочисленных скитаний по огромному городу, наполненному не одними только ангелами, у меня не было ни разу ни *одного* инцидента — враждебного выпада, столкновения, угроз, неприязни со стороны индийцев. Самое крепкое, что я мог услышать, это реплика рикши или нищего, вполне заслуженная, насчет скупости «са-аба»... Зато всегда было вволю доброго любопытства, готовности помочь, показать, принять как гостя. Может быть, потому, что я не скрывал своего искреннего увлечения Калькуттой, но никогда не сюсюкал, а плохое и страшное называл плохим и страшным.

А еще меня очень интересует Бибхути Гуха, самый старый человек в офисе — 1910 года рождения. Он похож на отшельника-аскета или на восставшую из саркофага мумию. Он — старый коммунист, ветеран национально-освободительного движения. Их уже немного осталось, и они окружены величайшим почетом в обществе, независимо от их политических убеждений. Я — его начальник, но отношусь к нему с подчеркнутым

тым уважением, и старик это чувствует. Много раз я пытался его «разговорить», но он отделивался полусловами. Сейчас, накануне отъезда, я его все-таки «расколол». Однажды вечером после работы он рассказал мне о своей жизни, а точнее, о жизни своего поколения. Для меня это был рассказ о Бенгальце.

— Я родился 7 ноября 1910 года в семье мелкого служащего в Калькутте. В 1927 году поступил в колледж при Шотландской церкви, который вели миссионеры. Это были годы подъема освободительного движения, и я, конечно же, включился в него, как и вся молодежь. В 1928 году за участие в антибританской демонстрации я был исключен из колледжа и примкнул к террористической группировке «Анушилан» («Культура»). В специальных лагерях мы учились стрелять, делать бомбы, снимать расположение воинских частей. Мы верили, что достаточно одного толчка, например убийства английского офицера, которое покажет нашу силу, чтобы поднять массы на борьбу. И мы рады были пожертвовать своими жизнями ради свободы. Мы готовили себя к испытаниям: спали на голой земле и на гвоздях, как ваш Рахметов в романе Чернышевского, жгли себе руки, готовясь к пыткам. Конечно, как все юные бенгальцы, мы верили в своих древних богов и богинь и давали клятвы верности нашему делу перед статуей богини Кали, писали клятвы кровью. Глубокой ночью мы собирались на наши сходки на гхатах — местах сожжения трупов, куда люди боялись даже подходить, ибо там по ночам безумствуют, по поверьям, страшные фурии — пожирательницы трупов из свиты Кали. Эта суровая подготовка впоследствии нам пригодилась. Я принимал участие в налетах на английский лагерь и очень этим гордился.

Мы уважали Гандиджи за его патриотизм, но в его политику непротivления не верили и рвались в бой. Мы шли к людям среднего класса — за поддержкой, за деньгами, наши матери нас прятали, кормили. И мы давали всем читать как учебник переведенную на бенгали «Мать» Горького. Но коммунистам мы тоже не доверяли. Зачем нам коммунизм, говорили нам наши лидеры, он у нас уже был — в Ведах. Коммунисты говорят, что они — интернационалисты, что у них нет родины, как же они хотят сделать Индию счастливой? Помню, я попытался однажды читать

«Капитал», но ничего не понял и бросил его, решив: коммунизм — это в Европе, а у нас надо что-то другое.

1930 год. Восстание в Читтагонге* и провал его. Аресты и репрессии. Арестован и я. Узнав, что я в тюрьме, мои родители пошли на богомолье по храмам страны, чтобы отмолить меня у богов. Я слышал, вы недавно были в Таракешваре как турист. А мои родители шли туда босиком с кувшинчиками воды, чтобы упросить великого Шиву заступиться за глупого мальчишку. Мать не выдержала, умерла с горя. Выйдя из тюрьмы, я хотел взять отца к себе, жить вместе, но не было у меня ни дома, ни земли, ни богатства. И был я все время то в тюрьме, то в подполье.

В тюрьме я впервые встретился с коммунистами, они мне давали книги, я много думал, читал, и в голове постепенно прояснялось. Я стал отходить от своих друзей-террористов, а это их ужасно злило. Споры между двумя группировками переходили даже в жестокие драки — пустыми бутылками, палками. А я становился среди молодых «учителем коммунизма», что значительно продлило мой срок в тюрьме — сначала в Калькутте, потом в Муршидабадском лагере.

В 1931 году меня освободили, но выслали в городишко Динаджпур (сейчас — в Бангладеш), где я находился под надзором и регулярно ходил отмечаться в участок. И тем не менее сумел вместе с одним другим по тюрьме создать первую здесь комячейку. А потом нас послали в деревню — создавать крестьянские советы — кисан сабха, на которые так настоятельно советовал индийским революционерам обратить внимание Ленин. И постепенно наш район стал крупнейшим центром крестьянской борьбы, мы объединили в советах до 40 тысяч крестьян, сформулировали их требования и боролись за них. Помню знаменитый лозунг «тебхага» — «треть». Дело в том, что крестьяне, нанимавшиеся работать к помещикам, получали лишь треть урожая. А мы выдвинули лозунг: две части —

* Восстание в Читтагонге (ныне — на территории Бангладеш) возглавила местная подпольная организация «Республиканская армия Читтагонга» под руководством Амбики Чакраварти и Сурджая Сена. Оно началось 18 апреля 1930 года захватом арсенала, казарм и железнодорожной станции. Город находился в руках восставших 10 дней. Восстание было подавлено регулярными войсками.

крестьянину, одну — помещику. Этот скромный с точки зрения сегодняшнего дня лозунг приводил помещиков и колониальные власти в неистовство. Осуществить его мы смогли только после завоевания независимости...

А тогда власти решили покончить с нами. Пришла полиция, крестьяне стали сопротивляться, началась стрельба, около 40 человек было убито. Мы были безоружны; помню, как крестьяне, принадлежавшие к племени санталов, стреляли из луков по полицейским джипам... Даже женщины участвовали в движении, создавая женские комитеты, моя жена — студентка ушла в народ, организуя крестьянок. Снова начались аресты. Мы скрывались в джунглях, у племен, жили вместе с ними и видели их чудовищную бедность. И сами жили, как они, имея лишь джутовую повязку вокруг бедер, и спали на земляном полу вместе с козами, коровами, собаками. Вот когда пригодились нам наши «рахметовские» тренировки. И снова я был арестован и вышел из тюрьмы лишь в 1938 году. А потом война, подполье в Калькутте. Вся Индия поднялась под лозунгом «Вон из Индии!», а руководство партии выдвинуло лозунг «справедливой войны». Это были тяжкие, трагические годы: всем сердцем мы были с народом, поднявшимся против колонизаторов, но ведь на полях борьбы с фашизмом где-то далеко в России решалась и наша судьба, а Англия была союзницей России в борьбе против фашизма. Именно тогда начинал свой трагический путь Субхас Чандра Бос. Помню его страстные речи на митингах в довоенной Калькутте — он был блестящий оратор, люди слушали его, не дыша. А нам кричали «предатели», «коллорабонационисты», «английские подпевалы», а для англичан мы были все равно невыносимы и уходили в подполье. И надо было через это пройти. Август 1947 года показал, что и мы по-своему были правы. И вновь я включился в крестьянское движение, и мы наконец добились своей «тебхаги» — лишней трети для крестьянства.

Вы спрашиваете, когда я начал писать? Еще в 1930 году, в студенческом журнале, а потом в рукописном, тюремном. После выхода из тюрьмы в 1938 году моей первой статьей стала статья в журнале КПИ «Ганашикти» («Сила масс») о роли национальной буржуазии в освободительном движении — я доказывал, что

национальная буржуазия может играть прогрессивную роль, и помню, как один из наших партийных догматиков жестоко меня изругал. В 40-х годах нашей партийной газетой была «Свадхинатха» («Свобода»), я был в составе ее редколлегии. А во время войны я в подполье отвечал за партийную прессу, у нас была небольшая типография рядом с фабрикой, чтобы фабричный шум заглушал звуки. Тогда я перевел на бенгали и сам набрал статью Ленина «К деревенской бедноте», это был первый перевод ее на бенгали, и впоследствии я с удивлением узнал, что вышло четыре издания. Затем я перевел знаменитые «Две тактики». Выпускали мы гектографированную «Историю ВКП (б)» — в 1939—1942 годах. В 1948 году я опубликовал книгу «История русской революции» — популярное изложение для бедноты. Может быть, сегодня я написал бы по-другому, но от сделанного не отрекаюсь.

После тюрем, подполья, жизни в деревне здоровье мое оказалось полностью подорвано и меня перевели в Калькутту. В 1957 году я пришел в «Совет Деш».

12 ноября. До отъезда осталось совсем немного. В последние дни хочется еще раз обежать знакомые места, что-то доснять на слайды, с чем-то попрощаться, но ни на что времени уже нет. А тут еще докучливая беготня по магазинам, докупание некупленного. Что-то откладывали на последний момент — мол, всегда успеется, и вот сразу надо и то, и это, причем знаешь, что в Москве этого не будет, все — в последний раз.

Хочется увезти с собой какой-то чисто калькуттский сувенир, память о городе. Это скорее всего будет маска. Но какая? Покровительница Калькутты — Кали. Ведь я уже настолько стал калькуттцем, что, честно говоря, ее просто боюсь. Может быть, в Москве я посмеюсь над этими страхами, но здесь все время чувствуешь ее руку, занесенную над нами. И скорее всего и в Москве не решусь ее повесить. Есть, конечно, и Дурга, но и без Кали нельзя. Вот такая неожиданная, смешная проблема...

Сегодня, прощаясь с великим городом, я, наверное, совсем неоригинально олицетворяю его для себя именно в виде чернолицей богини. Это она, Калькутта, пляшет в яростном экстазе на телах своих детей, втапывая их в грязь, упиваясь их кровью, но она же,

их Великая Мать, дает им жизнь и хлеб насущный, утешает и врачует их раны. И недаром, когда становится совсем плохо, в Калькутту как в последнее убежище устремляются тысячи голодных и обездоленных не только со всей Западной Бенгалии и Ориссы, но и из соседней Бангладеш.

И еще я понимаю, что за неполных два года я сумел ухватить лишь крохи впечатлений, прикоснуться только к краешку гигантского явления, называемого Калькуттой. Впрочем, бóльшим не может похвастаться никто, разве только Мать Тереза. Но и того, что я узнал, хватит мне на долгие годы.

25 ноября. Вот мы и уезжаем. Радостно и грустно. Радостно, что увидим Москву, родителей. Но до чего же грустно покидать этот окаянный город, где остается частица нашей души...

До свидания, Калькутта!

Я люблю тебя, Калькутта!

Научно-художественное
издание

Торчинский Олег Павлович

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАЛЬКУТТА!

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Заведующий редакцией *Л. Ш. Рожанский*
Редактор *О. М. Гармсен*
Младшие редакторы *М. С. Грикурова,*
Н. Л. Скачко
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Н. В. Морозова*

ИБ № 16726

Сдано в набор 13.05.91. Подписано к печати 04.11.91. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6+0,25 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 13,95. Тираж 10 000 экз. Изд. № 7101. Зак. № 245.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ:

**А. Г. Бельский, Д. Е. Фурман. Сикхи
и индусы: Религия, политика, терроризм.
10 л. 2 р.**

Проблема взаимоотношений сикхов и индусов относится к числу тех сторон индийской политической жизни, которые вызывают интерес не только в Индии, но и за ее пределами. Авторы анализируют суть сикхизма, рассказывают о зарождении и развитии этой религии, о ее взаимоотношениях с индуизмом на протяжении ряда веков.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117393, МОСКВА, УЛ. АКАДЕМИКА ПИЛЮГИНА, Д. 14, КОРП. 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

5-00

я люблю тебя, Калькутта!

Этот город не для тех, кто ищет обычного туристического отдыха и развлечений. Здесь надо прожить не один месяц, съесть не один пуд здешнего едкого перца, как следует повариться в горячем липком вареве, заменяющем атмосферу, чтобы сквозь контрасты, грязь, нищету и безысходность разглядеть иные ипостаси великого города, многоликого и многорукого, как его древние боги. И привязаться к нему на всю жизнь.

